Судьбой Шаламова грубо поиграли

Почему фильм показывает лишь старость и немощность писателя? стр. 4–5

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Основана в 1830 году
при участии А. С. Пушкина
Издание возобновлено
в 1929 году при поддержке
М. Горького

№ 3
(6768)
20–26 января 2021
www.lgz.ru
Выходит по средам

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

1 **Николай Долгополов. Легендарные разведчики-3.**
– М.: Молодая гвардия, 2020. – 352 с.

2 **Ксения Букша. Адвент.**
– М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2021. – 288 с.

3 **Александр Васькин. Большой театр. От Фёдора Шаляпина до Майи Плисецкой.**
– М.: Молодая гвардия, 2021. – 656 с.

ЧИТАЙТЕ

6 Этот разноцветный «Огонь»

О мощно разрекламированном и имеющем заслуженный успех в прокате фильме Алексея Нужного мнения у критиков не только похвальные.

12 • 13 Театр внутри меня

«Молодость не кончается», – утверждает Влад Маленко, а к своему 50-летию относится с юмором. На страницах «ЛГ» он размышляет о волшебной структуре русского языка, о новом кино и том, почему поэзия не может быть ремеслом.

26 • 27 Гений танца

Ровно 115 лет назад родился выдающийся хореограф XX века Игорь Моисеев. О его долгой жизни рассказывает Алиса Даншох.

ВЕК

Эхом ласковой песни вернусь...

100 лет назад родился композитор Арно Бабаджанян

Э. ГАВРИЭЛЯН / РИА НОВОСТИ

Вы не верьте в мою немоту.
Даже если я вдруг упаду,
Даже если уйду, то не в землю уйду,
Я не в землю, а в песню уйду.
Будут яблони осень встречать,
И посыпятся звёзды в траву.
И пока на Земле будут песни звучать
В каждой песне я вновь оживу.
Я открою глаза и проснусь,
Гляну в небо и вновь улыбнусь,
Вздохом ветра вернусь,
Хрустом снега вернусь,
Эхом ласковой песни вернусь.
И обрушится дождь голубой,
Будут звёзды дрожать на ветру.
И пока на Земле существует любовь,
Не умру я, друзья, не умру!
Пусть в долину помчатся ручьи,
Пусть очнутся в садах соловьи!
Я люблю эту жизнь, и все песни свои
Я писал ради этой любви.
Вы не верьте в мою немоту.
Даже если я вдруг упаду,
Даже если уйду, то не в землю уйду,
Я не в землю, а в песню уйду.

Роберт Рождественский,
«Последняя песня Арно Бабаджаняна»

Продолжение темы на стр. 29

ОЧЕВИДЕЦ

Анатолий Макаров, писатель

Шаурма и Сталин

Лет 10–15 назад шашлычную на Ленинградском проспекте (напротив гостиницы «Советская») после ремонта окрестили «Антисоветской». Нахально, «прикольно», в смысле рекламы остроумно. Но стрёмное название вызвало массу нареканий. Шутка не прошла.

На днях случилось что-то похожее. Один ресторатор открыл в Москве заведение в восточном стиле (главное блюдо – шаурма), назвав его Stalin Doner. Подозреваю, что бренд Сталина взял лишь из коммерческих соображений. Возмущены и сталинисты – как шаурма рядом с вождём? И антисталинцы – зачем «пиарить» тирана?

Я принадлежу скорее ко вторым, но в данном смятении умов не склонен сочувствовать ни одной из сторон. Даже думаю, что переход какого-либо вызывающего яростные споры имени из области идейной борьбы в сферу быта говорит о торжестве здравого смысла. Вот анекдоты про Василия Чапаева не умаляют же величины и яркой особенности революционного бойца. Бывает и так, что, скажем, сладость пирожного «Наполеон» даже затмевает в массовом сознании полководческую славу императора.

Полагаю, что сталинские усы в ресторанчике – не призыв к ренессансу сталинизма, а лишь лукавая игра в опасное и неповторимое былое. Кстати, сама эта игра подтверждает его неповторимость. А марксизм утверждал, что человечество, играя и забавляясь, расстаётся с прошлым. Великий вождь, осеняющий труд духанщиков и поваров, – в чём-то пародия на безграничную власть и её божественный промысел. Сталин как кухонное божество, покровитель чревоугодия и пирушек мало подходит на роль отца народов и вдохновителя тирании. Надо обладать непробиваемой серьёзностью и отсутствием чувства юмора, чтобы решить, что в украшенной его именем харчевне станут собираться упёртые сталинисты, враги свобод и гражданских прав.

Характерно, что именно в относительно свободные времена вдруг возродился сталинский миф в его романтических изводах. В 60-е или 70-е годы это было трудно вообразить. Ещё живы были люди, пережившие преследования или страх за неосторожное слово. И зрела потребность в правах и свободах. Теперь же кристаллизуется потребность в державном величии. Одна дама, знающая толк в люксовых автомобилях, моде и путешествиях, сочинила эссе на тему, что великий вождь был послан нашему народу не иначе как Богом. Если ей сказать, что за любовь к роскоши и зарубежным цацкам она давно бы оказалась по отеческой воле на Колыме, где вязнут джипы, а мода существует в виде несносимой телогрейки, эссеистка могла бы лишь отмахнуться. Мол, слышали! Ей кажется, что рассуждения о согретом сталинским солнцем величии содержат что-то чрезвычайно оригинальное. А ещё иногда (после просмотра на ТВ иных ток-шоу) я испытываю желание спросить у молодых адептов сталинизма: как думаете, кто из участников вашей дискуссии первым оказался бы среди узников ГУЛАГа? Ведь таковыми могли быть именно они, добровольцы возрождения сталинской легенды. Скептический Булгаков трагической доли избежал, а исполненные неподдельного энтузиазма Кольцов, Киршон, Мейерхольд – увы, нет.

У меня нет желания пугать. Думаю, что превращение большого имени в торговую марку, притягательный «бренд» дело хоть и чуть циничное, но естественное и благое. Избежать новых ГУЛАГов, скороспелых казней и ссылок можно не столько призывами к покаянию, сколько усердной работой, неотделимой от делового расчёта. Величию, не мифологическому, а реальному, технологичному, интеллектуальному, исключающему талоны и очереди с чернильными записями на ладонях, такой прагматизм немало способствует. ■

АКТУАЛЬНО

Ни шагу из аккаунта

Приглашаем на скотный двор в цифровой тюрьме

Штурм Капитолия лишний раз продемонстрировал, насколько фальшив и двуличен этот лучший из миров. Протестовать в Беларуси? Можно. Буйствовать на Украине? Обязательно. А в США? Нельзя – это совсем другое.

Точь-в-точь как у Оруэлла: «Все животные равны, но одни равнее других». Это фраза из «Скотного двора», и считается, будто англичанин написал данное произведение как сатиру на советские порядки. Но разве матрица, в которой мы существуем, не есть оруэлловский скотный двор?

Точен Пелевин: «Современная Америка – это тоталитарный совок семьдесят девятого года с ЛГБТ на месте комсомола, корпоративным менеджментом на месте КПСС, сексуальной репрессией на месте сексуальной репрессии и зарёй социализма на месте зари социализма...» И США, и СССР – это прежде всего глобальные эксперименты. Один кончился, другой продолжается. И он не о равенстве и братстве, а о власти богатых над бедными, транскорпораций – над народом, симулякров – над ценностями. Союз Социальных Сетей, потому что именно они – «фейсбуки» и «твиттеры» – стали главными носителями власти.

Трамп мнил себя властелином мира, однако сначала его вышибли из президентского седла, а после унизили окончательно, вытолкав из соцсетей. Так что, Дональд, помогли тебе твои 90 миллионов подписчиков?

Переворот, которым нас так долго пугали, состоялся – только совершило его правительство, направив против народа. Оказалось, что борьба против системы – замануха. Ибо государство подавил куда больший Левиафан – глобальное правительство. И если классическое государство пытается хотя бы минимально соблюдать права человека, то глобальное правительство превращает его в пользователя – в раба.

Мы же ведёмся легко и охотно. На днях я дочитал книгу Патрика Уайта «Фосс» об освоении Австралии. И вот что подумал: люди покоряли континенты, умирали на войнах, страдали и отдавали жизни ради прогресса. А что в итоге? Миллионы смертей ради того, чтобы силиконовые девицы могли выставить себя в «Инстаграме»?

И чем основательнее вы утверждаетесь в соцсетях, тем легче вас контролировать. Вас приручают лайками и считывают личные данные. Хуже: вашу личность упрощают и в конечном счёте стирают. И неважно, в какой из сетей вы обитаете, – всё наркота. Это тоталитаризм нового образца, где каждый сидит в собственной клетке – в своём аккаунте.

И заметьте, Россия при этом подчинена чужой матрице. О какой независимости можно говорить, когда мы подключены к чужим компьютерам с чужими операционными системами, зарегистрированы в чужих социальных сетях? Нас не надо захватывать по-военному – мы уже в плену.

Мы проиграли борьбу за интернет-пространство. И у нас существует как бы два населения: одно сидит на телевидении, разбавляя его интернетом, другое – сидит только на интернете. Населения эти дробятся на меньшие кучки: паблики, форумы, группы, чаты – государства внутри одного виртуального государства, где никто ничем не связан друг с другом. И, несмотря на обилие мессенджеров, никогда ещё люди не отстояли столь далеко друг от друга.

Вавилен Татарский из «Generation «П» придумал для марки GAP такой слоган: «Россия всегда была печально известна пропастью между культурой и цивилизацией. Теперь культуры нет. Нет больше цивилизации. Остаётся только GAP (разрыв)». Собственно, из таких разрывов и состоит наше общество, лишённое двух фундаментальных качеств – чувства историчности и идентичности.

Людям кажется, что они живут собственными мыслями. На самом деле они рабы матрицы, которая через соцсети закладывает в них команды. И тем стремительнее мир движется к Средневековью: в нём можно лайкать и потреблять, но нельзя думать. Иначе придёт инквизиция, вооружённая новой моралью.

И если мы хотим выжить в этом глобально разорванном мире – и как страна, и по отдельности, – необходимо создавать единое пространство: и виртуальное, и реальное. Пространство, сшитое своими смыслами и своей самобытностью. Иначе рано или поздно мы все отправимся в бан.

Платон Беседин,
писатель, Севастополь

ФОТОГЛАС

АЛЕКСАНДР АСТАФЬЕВ / РИА НОВОСТИ

В День российской печати премьер-министр Михаил Мишустин вручил премии правительства РФ в области СМИ за 2020 год. Среди лауреатов – наши коллеги из газеты «Московский комсомолец», выходящей более века. Поздравляем главного редактора Павла Гусева, его первого заместителя Петра Спектора, обозревателя Михаила Ростовского и главного художника Алексея Меринова с заслуженной наградой. 22 журналиста также получили премии города Москвы за освещение жизни столицы. Их вручил Сергей Собянин.

Литературная газета 1971 1979
Председатель редакционного совета **ЮРИЙ ПОЛЯКОВ**
Главный редактор **МАКСИМ ЗАМШЕВ**
Заместители главного редактора:
Леонид Колпаков, Анастасия Ермакова
Ответственный секретарь **Сергей Колпакчи**

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Б. Никитская, д. 50а/5, стр. 1
Отделы: **Политика и экономика** politec@lgz.ru
Общество т. 8-499-788-02-05, mazurova@lgz.ru
Искусство klv2004@bk.ru **Литература и библиография** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru
Клуб 12 стульев satira@lgz.ru
ТелевЕдение televed@mail.ru
Литературная ярмарка т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru
Эл. почта litgazeta@lgz.ru
Перепечатка и цитирование только с разрешения редакции.

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-70388 от 13.07.2017 г.
Председатель совета АНО **Андрей Тимохин**
Генеральный директор **Андрей Матвеев**
Тираж **113 800** экз.
Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт», 127247, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.
Номер подписан к печати 19 января 2021 г. Зак. № 87
Подписной индекс по каталогу «Почта России» – ПР-195
Подписка и распространение: т. 8-499-788-01-12

РАКУРС С ДИСКУРСОМ

Сможет ли Россия «отделиться» от Вашингтона?

Предложение запасаться попкорном неуместно! Тоталитаризм идёт к нам

Михаил Ремизов,
политолог, философ

Происходящее сейчас в Америке выходит за рамки выборных политических баталий. Действия леволиберальных элит в отношении Трампа беспрецедентны, но главная мишень – не Трамп как таковой, а трампизм как база сопротивления ценностному порядку и строю, формируемому леволиберальной глобализацией. Эта база на Западе достаточно широка, она носит и явный, и подспудный характер. Судя по происходящему в США, глобальные элиты полны решимости жёстко подавлять всякое проявление инакомыслия, и речь идёт именно о долгосрочной политике.

На наших глазах формируется новая тоталитарная ценностная система, идеология. Пока у этой идеологии нет названия, а термин «либерализм» тут уже неуместен. Есть достаточно удачный термин «репрессивная толерантность» – кстати, статью под таким названием удалили из англоязычной Википедии. Конечно, были ожидания, что «репрессивная толерантность» перерастёт в новый тоталитаризм, но даже завзятые пессимисты не предполагали, что это будет происходить так быстро.

Этот переход начался с формирования модели репрессивной политкорректности в относительно мягком, но крайне раздражающем варианте. Затем – бунт против этой репрессивной модели. Это то, что мы наблюдали во второй половине минувшего десятилетия – трампизм в США, голосование за правые партии и движения в Европе. Ситуация достигла такого накала, что не будет преувеличением говорить о холодной, идеологической гражданской войне внутри западного мира. Но, как мы знаем, гражданские войны в истории обычно заканчиваются диктатурами, а идеологические гражданские войны – идеологическими диктатурами, когда победитель не просто концентрирует власть, он концентрирует символический капитал, все моральные, ценностные ресурсы общества. Поэтому следующая фаза – это консолидация репрессивной толерантности в более жёсткий режим, где к активистам правых движений будет применяться тот же режим преследования, что действует против «Аль-Каиды» (это уже обсуждается в рамках закона о «внутреннем терроризме»). Режим, где происходят регулярные «гражданские казни» над идеологическими врагами или просто невольными символами «старого морального порядка» (такими как незадачливые «харассмеры»), где нельзя получить или сохранить приличную работу без сертификата идеологической лояльности.

Нет сомнений, что в конце концов и базовые, элементарные гражданские права будут привязаны к идеологической лояльности, «правильному» образу мыслей, – в логике победителей сочувствие таким «ужасным вещам», как, например, расизм или патриархат, несовместимо с членством в гражданском сообществе.

В общем, мы находимся в точке перехода к этой третьей фазе. Поражение Трампа на выборах было поражением в битве, но не в войне. Провокация же со штурмом Капитолия позволяет «глобалистам» превратить это поражение в разгром и закрепить их идеологическую гегемонию на уровне всеобъемлющей репрессивной системы.

Кстати, беспрецедентная история со штурмом Капитолия вполне укладывается в ту стратегию идеологической войны, которую мы наблюдали последнюю пару лет. Сначала – знаковое резонансное событие (неважно, случайность или провокация), потом – длинная волна его «отработки» с использованием всех средств – СМИ, юридическая система, поп-культура, НКО и так далее. Сначала была волна «me too», когда зачищали «сексизм», затем BLM, когда зачищали «расизм», теперь «Капитолий», когда будет зачищен весь «правый» активизм, гражданский и политический, как таковой. И каждый раз система выходит на новый уровень репрессивности.

Остаётся открытым вопрос, насколько велик остаточный потенциал сопротивления. Гражданская война продолжается или уже окончена победой одной из сторон? У меня нет однозначного ответа. Но, по ощущению, ситуация напоминает 1793 год во Франции, когда в провинциях был всплеск сопротивления революционному безумию, а в Париже активно заработали гильотины. Причём начало эпохи террора было катализировано и сопротивлением регионов. То, что якобинцы назвали «федералистским мятежом», было, по сути, робкой попыткой консервативных провинциалов сказать Парижу: «Ребята, да вы что там, с ума посходили?» И парижские «ребята» им всё объяснили, утопив «ретроградов» в крови. Тогда, правда, Робеспьер и его единомышленники довольно быстро потеряли власть. Но, думаю, у их нынешних духовных наследников запас прочности намного больше – в их руках глобальные финансы, глобальные медиа и, судя по неудачному опыту Трампа, лояльность спецслужб, тоже вполне глобальных.

Некоторые коллеги предлагают запасаться попкорном и со стороны смотреть на происходящее в Америке. К сожалению, нельзя пребывать в иллюзии, что нас это не коснётся.

Прежде всего, не было ни одной большой идеологической гражданской войны на Западе, от которой Россия осталась бы в стороне. Это было верно для эпохи Просвещения и Французской революции, для эпохи «марксизма», «социального вопроса». Это верно и для нынешней эпохи, поскольку идеологически Россия волей-неволей – часть западной системы. Россия и коммуникационно – часть этой системы, пусть и периферийная. Если соцсети или индустрия масс-культуры становятся инструментом репрессивной толерантности, это

АРТУР ГАБДРАХМАНОВ / РИА НОВОСТИ

Штурм Капитолия будет иметь весьма долгосрочные последствия

не может нас не касаться. Хотим мы того или нет, эта система форматирует сознание подрастающих поколений. Потому что в ключевой отрасли – отрасли воспроизводства человека, культурной социализации – дела с «импортозамещением» у нас обстоят хуже всего.

Ну и, конечно, нет оснований думать, что российские элиты будут идти наперекор «глобальному начальству», – скорее они постараются идти в фарватере.

Увы, как бы ни были далеки от нас эти январские эпизоды гражданской войны в Вашингтоне, в целом речь идёт о вызове, который просто не может пройти мимо нас. В конце концов, вероятные победители этой холодной гражданской войны действительно мыслят глобально и не намерены останавливаться на достигнутом.

> *Ситуация напоминает 1793 год во Франции, когда в провинциях был всплеск сопротивления революционному безумию, а в Париже активно заработали гильотины.*

Собственно, такова природа войны – она является принудительным вызовом. Можно бороться или подчиниться, но войну нельзя проигнорировать. Суть и природа тоталитаризма в том, что его нельзя «аполитично игнорировать», он заставляет делать выбор между сопротивлением и тотальным подчинением. Этим тоталитаризм и отличается от авторитаризма. Авторитаризм говорит гражданам: не лезьте в политику – и живите как хотите. Тоталитаризм же существует на молекулярном уровне, на уровне общества, доходя до каждой конкретной личности. Это ситуация принудительного единомыслия, когда человека не просто лишают возможности влиять на власть, а предписывают определённый образ мыслей, требуют постоянного выражения лояльности на уровне образа жизни. Под угрозой оказывается не конкретная партия или государство, а автономия человека в обществе.

Перед лицом этого вызова стихийный консерватизм, воспринимающий традиционную систему ценностей как нечто само собой разумеющееся и привычное, обречён. Это касается и стихийного консерватизма обывателей, и стихийного консерватизма политиков, который обычно именуется реализмом. Сопротивляемость может обеспечить только осознанный и волевой консерватизм, который представляет собой не силу привычки, а сознательную политику по осмыслению, воспроизводству и защите своих базовых ценностей.

Я не думаю, что такой консерватизм сможет отстоять свои права в США. Конечно, условный Техас сильно отличается от условного Вашингтона, но он не сможет от него отгородиться или тем более отделиться. Но куда важнее вопрос: сможет ли «отделиться» от Вашингтона Россия? Сможем ли мы обеспечить свою автономию от этой формирующейся крайне неприятной и крайне могущественной империи? Для этого недостаточно политического маневрирования и прагматизма. Для этого необходимо формирование собственных ценностных и технологических платформ.

Посмотрите, как выигрывает «Телеграм» от цензуры IT-гигантов. Это лишь маленький пример того, какую силу можно аккумулировать в противофазе к тоталитарному дрейфу Запада, если иметь автономную инфраструктуру, принципы и характер. Я не знаю, располагает ли всеми этими качествами собственник «Телеграма». Если нет, то эффект окажется краткосрочным. Но представьте: что если бы эти качества наличествовали в масштабе большой самодостаточной страны... В этом отношении для России открывается прекрасное окно возможностей – проблема в том, что у нас не видно социально-политической силы, которая могла бы им воспользоваться. ■

ПИСАТЕЛЬ И КИНО

На горбу мученика – в Канны?

Биограф Варлама Шаламова – о фильме про писателя и о его настоящей судьбе

Премьера фильма «Сентенция» в конце минувшего года прошла с большой помпой – от знакового «европейского» Таллина до Екатеринбурга с его столь же знаковым Ельцин Центром. Молодой режиссёр Дмитрий Рудаков вдоволь накупался в лучах славы и, как можно полагать, уже мечтает попасть на Каннский фестиваль. Ведь его фильм посвящён Варламу Шаламову и соответствует всем шаблонам западного восприятия судьбы автора «Колымских рассказов».
О новой кинематографической интриге мы беседуем с известным российским исследователем биографии и творчества Шаламова, автором книги о нём в серии «ЖЗЛ» и многих других работ – Валерием Есиповым (*на фото*).

– Валерий Васильевич, вы недавно подготовили и выпустили двухтомное академическое издание стихов Шаламова в «Новой библиотеке поэта». Как с высоты академической науки воспринимается новый фильм?

– Начнём не с академического, а с нравственного аспекта. Зачем надо было снимать фильм о старом, больном и немощном писателе? Почему не показать его в минуты его величия, его беспримерного мужества, вызывающего восхищение у всех читателей? Ведь Шаламов – символ стоицизма, символ сопротивления прежде всего. А нам демонстрируют самый унизительный период его жизни. Сам он не раз говорил: «В богадельню не пойду! – и верил: – У меня была тяжёлая жизнь, будет лёгкая смерть...» Но человек, подкошенный болезнями, тем более оставшись в одиночестве, потеряв всех родственников, увы, не волен выбирать. Вспомним Евангелие: «Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострёшь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведёт, куда не хочешь». Когда я узнал, что снимается такой фильм, подумал (исходя из того, что в искусстве в принципе нет запретных тем): «В духе евангельской притчи может что-то получиться, если подойти тактично». Но, узнав, что режиссёру Рудакову, когда он начал работу над фильмом, было всего 24 года, подумал: какая притча? Что может знать юноша – о старости? И, посмотрев фильм, пришёл к выводу: режиссёр решил просто «поиграть» трагической судьбой Варлама Тихоновича в усладу своих творческих амбиций. Он нагромоздил в полуторачасовую картину весь небогатый и поверхностный литературно-кинематографический багаж – и только. Тут смешались и отголоски реальности, и фантастика, и символика (ложная и манерная – впрочем, заимствованная у многих). Временами кажется – например, в сцене, где старика Шаламова в доме престарелых хлещут плетью (!) ,– что вдохновлялся автор фильма... маркизом де Садом.

В начале фильма цитата из «Ожидания Годо»: два старика в «доме призрения» кого-то ждут и обмениваются полубессмысленными фразами. Для чего эта сцена? Ни художественно, ни реально (если иметь в виду, что Шаламов ни с какими соседями там не общался) она ничем не мотивирована. Режиссёр хотел заявить, что он «идёт путём Беккета», т.е. драмы абсурда? Но это, увы, слишком уж примитивно и наивно. По крайней мере, во Франции, в Каннах, куда, как я полагаю, изначально наметил дорогу своей картине юный амбициозный режиссёр (вкупе со своими промоутерами), его просто засмеют с этим русским ремейком знаменитого «Годо».

В фильме есть весьма красноречивая и символичная сцена, где два героя: русский «искатель» рукописей Шаламова (Фёдор Лавров) и француженка – возможно, сотрудница посольства (Мириам Сехон) – на тайной встрече в гостинице обмениваются репликами на чистейшем парижском диалекте. Субтитры дают краткий перевод:

– Как он?

– Ему поставили диагноз «деменция». Его изолируют.

– Мне страшно уходить.

– Сюзанна, ты возьмёшь эти книги?

И Сюзанна решительно укладывает папку с рукописями Шаламова к себе в чемодан...

Весь смысл этой сцены легко читается: о прекрасная Франция, единственная хранительница настоящей свободы, только ты можешь спасти погибающего Шаламова от забвения! И ты выполнишь свою историческую миссию!

Разве может устоять от таких комплиментарных пассов жюри Каннского фестиваля?

Такова, на мой взгляд, весьма прозрачная логика молодого режиссёра. Чего в ней больше – наивности или цинизма, – судить читателям.

– Почти детективная история...

– Настоящий детектив впереди. Помните «Отмытый роман» Ивана Толстого – о том, как ЦРУ занималось публикацией «Доктора Живаго» Пастернака? С Шаламовым было нечто подобное, но гораздо запутаннее. Скажу о самом важном – об источниках фильма Рудакова. Они берут начало в вульгарном жёлтом литературоведении, ныне широко распространённом в интернете. Конкретно речь идет о жёлтом шаламоведении, базой которого является один из анонимных блогов в ЖЖ (о его тенденциозности, кроме прочего, ярко свидетельствует эпатажно-провокационный «жовто-блакитный» флаг, сопровождающий никнейм блогера). Шаламова здесь используют в своих целях, ориентируясь на старые и новые западные стереотипы, а также на вкусы российского либерального «прогрессивного человечества» («ПЧ» – как презрительно называл его Шаламов). Автор блога развязно, по-хамски отзывается обо всём, что делается в научном шаламоведении, начиная с трудов наследницы авторских прав Шаламова И.П. Сиротинской. Он считает, что подлинными спасителями литературного наследия писателя являлись кружившиеся вокруг него перед смертью разнообразные диссиденты и зарубежные корреспонденты. Вот из этой жёлтой информации и соответствующей ей идеологии и набрал материал для своего фильма Рудаков.

На всех пресс-конференциях режиссёр прямо признаётся, что сюжет картины он нашёл в интервью, которое в 2015 году дал упомянутому блогу один из диссидентов советских времён, живущий ныне в Амстердаме, Владимир Рябоконь. Он долго был в тени, и вышел из неё лишь недавно, очевидно ради того, чтобы на склоне уходящих лет рассказать городу и миру о своей, так сказать, «исторической роли» в публикации произведений великого писателя на Западе. Рудаков сделал Рябоконя одним прототипов Анатолия Сергеевича (того, что играет Лавров) – благородного и бескорыстного «искателя» и «спасателя» рукописей Шаламова. На самом же деле роль Рябоконя, да и его личность, весьма сомнительна. В том же интервью он откровенно признался, что ещё с 1970-х годов был тесно связан с американским посольством в Москве. Об изданной впервые в Лондоне в 1978 году (на деньги ЦРУ, между прочим) книге «Колымских рассказов» Шаламова хвастливо говорил: «У меня было экземпляров пятнадцать этой книжки. Свежие, пахнущие типографской краской, только что получил из американского посольства и по адресам их, соответственно, развозил...» На правах платного агента или кого-то иного? Хочется уточнить. Эти детали и вопросы, разумеется, сильно мешают концепции «рыцаря-подвижника», и потому Рудаков закрыл на них глаза. А вот романтические басни Рябоконя о том, что он якобы часть рукописей получил от самого Шаламова (где, в «доме призрения»?) и тот дал ему адреса, где лежат остальные рукописи (и по этим многим адресам, включая другие города, Рябоконь якобы ездил), – режиссёр принял за чистую монету. И раскрутил их почти на полкартины – с ездой на мотоцикле по неизвестным квартирам, с испуганными глазами женщин, открывающих тайники, с мелодрамой дачной любви и прочая.

Между тем в начале 1980-х годов, когда Шаламов медленно угасал в доме престарелых, основная часть его рукописей уже хранилась в надёжном месте – в ЦГАЛИ, куда он их передал через И.П. Сиротинскую, оставив ей завещание; ещё в 1966 году Шаламов сам поставил заслон бесконтрольному распространению своих произведений в самиздате. «Самиздат, опаснейший среди призраков, отравленное оружие борьбы двух разведок, где человеческая жизнь стоит не больше, чем в битве за Берлин» и «Шесть лет я сижу в полном одиночестве и не выпускаю ни одной рукописи из стола» – дневниковые записи начала 1970-х.

Кадр из фильма «Сентенция»

Следовательно, все рукописи (и машинописи), публикацию которых Рябоконь ставит себе в заслугу, – в книге «Воскрешение лиственницы», изданной в 1985 году в Париже, в издательстве «ИМКА-Пресс», принадлежавшем Н.А. Струве (и тоже финансировавшемся ЦРУ, об этом свидетельствовал даже В. Войнович), – могли быть добыты только незаконным путём. Либо путём кражи, либо путём скупки краденого.

– Это уже криминал.

– Известно, что в сентябре 1978 года, когда Шаламов был в Ялте в Доме творчества и там заболел, из его квартиры были вынесены и увезены на такси несколько сумок с рукописями. Известны и лица, которые осуществили эту акцию, – знакомый Шаламова философ Юлий Шрейдер и книголюб Людмила Зайвая, помогавшая тогда писателю по хозяйству. Они потом объясняли, что хотели «спасти» рукописи. Но когда Шаламов вернулся, они ему ничего не возвратили. Не реагировали они и на требования И.П. Сиротинской. В результате рукописи (точнее, фотокопии машинописей) поздних произведений Шаламова, конца 1960-х – начала 1970-х годов, и ушли за границу, в Париж. Кто, кому и сколько платил на разных этапах этой «операции», установить, конечно, невозможно, но ясно, что всё это делалось отнюдь не на благотворительных началах. Как можно полагать, судя по составу парижской книги «Воскрешение лиственницы», Рябоконь делал фотокопии в одном месте – на квартире Шрейдера. Об этом говорит тот факт, что в 1998 году, незадолго до своей смерти, философ (принявший католичество и, видимо, почувствовавший, какой великий грех он совершил) всё-таки вернул забранные себе поначалу материалы – принёс в РГАЛИ к И.П. Сиротинской два чемодана машинописей, основная часть которых совпадает по составу с парижским изданием 1985 года. А вот Людмила Зайвая так ничего и не вернула – её часть шаламовского архива (сравнительно небольшая и менее ценная) со временем оказалась в руках известного коллекционера и бывшего «правозащитника» Сергея Григорьянца, который под разными предлогами до сих пор отказывает даже в знакомстве с материалами. Об этом есть видеозапись, выложенная на ютьюбе. Как я полагаю, законных оснований для присвоения и удержания у себя шаламовских материалов Григорьянц не имеет, и ему на склоне лет пора последовать примеру Шрейдера...

– Помимо воли режиссёра выход фильма обнажил много острых вопросов, связанных с наследием Шаламова.

– Именно так. Реальность всегда сопротивляется любым фантазиям, а в беспримерно трагической судьбе Шаламова – особенно. Ведь не было во всей русской, да и мировой литературе примера, когда бы писателя так беззастенчиво грабили и спекулировали его произведениями. И тон здесь задавал, конечно, Запад, использовавший «лагерную» тему в СССР в своих политических целях. Так было и в годы холодной войны, так, по существу, продолжается и теперь – в информационной войне против России.

По фильму получается, что Запад (в лице Франции), публикуя Шаламова, выступал только как благодетель. Но надо подчеркнуть, что писатель за все пиратские публикации своих произведений на Западе не получил ни копейки. А ведь это могло значительно облегчить его старость – скажем, он мог бы нанять сиделку, вместо того чтобы отправляться в «богадельню». Напомню, что его поместили туда в мае 1979 г., и тут-то и началась та самая история, которая крайне искажённо отражена в фильме.

Сам Шаламов в исполнении Александра Рязанцева – единственное исключение в этом плане (ввиду поразительной похожести актёра на писателя), но всё, что сконструировано режиссёром, – насквозь фальшиво. Ключевая сцена, где больной Шаламов прошёптывает свои последние стихи герою Лаврова, может показаться правдоподобной только тому, кто не знает подлинных фактов о записи этих стихов. Кстати, я достаточно подробно рассказал об этом в комментарии к шаламовской «Библиотеке поэта», где чётко отделены зёрна от плевел. Зёрна – это стихи, записанные И.П. Сиротинской, приходившей навещать поэта: она хорошо понимала его речь даже в болезненном состоянии и к тому же владела стенографией. Именно её записи, вполне адекватно запечатлевшие поэтическую мысль и ломкую гармонию стиха Шаламова, вошли в академическое издание. Записи же другого посетителя, Морозова (он является вторым прототипом героя Лаврова), абсолютно непрофессиональны и показывают Шаламова явно душевнобольным. То, что Морозов наскоро опубликовал их в 1981 году в парижском «Вестнике русского христианского движения», редактировавшемся Н.А. Струве, говорит о главной черте Морозова – склонности к сомнительным сенсациям. Нелишне заметить, что парижская публикация и спровоцировала перевод Шаламова в январе 1982 года в интернат для психохроников, где он сразу скончался...

Самое странное (и вызывающее!) со стороны режиссёра – он нигде, даже намёком, не обозначает огромную роль Сиротинской в жизни Шаламова, в том числе в период его пребывания в доме престарелых. Все женские образы фильма – какие-то фантомы, почерпнутые из мифов жёлтого шаламоведения. Между тем именно Ирине Павловне адресовано стихотворение «В гулкую тишину / Входишь ты, как дыханье», которое прошёптывает в фильме Шаламов. Она его и записала, а не Морозов. Выходит, что режиссёр совершил здесь обыкновенный подлог... Надо заметить, что Сиротинской, самому верному другу великого писателя, принадлежит и самая точная оценка ситуации, созданной вокруг больного Шаламова нашествием к нему доброхотов-диссидентов: «Бедная, беззащитная старость его стала предметом шоу».

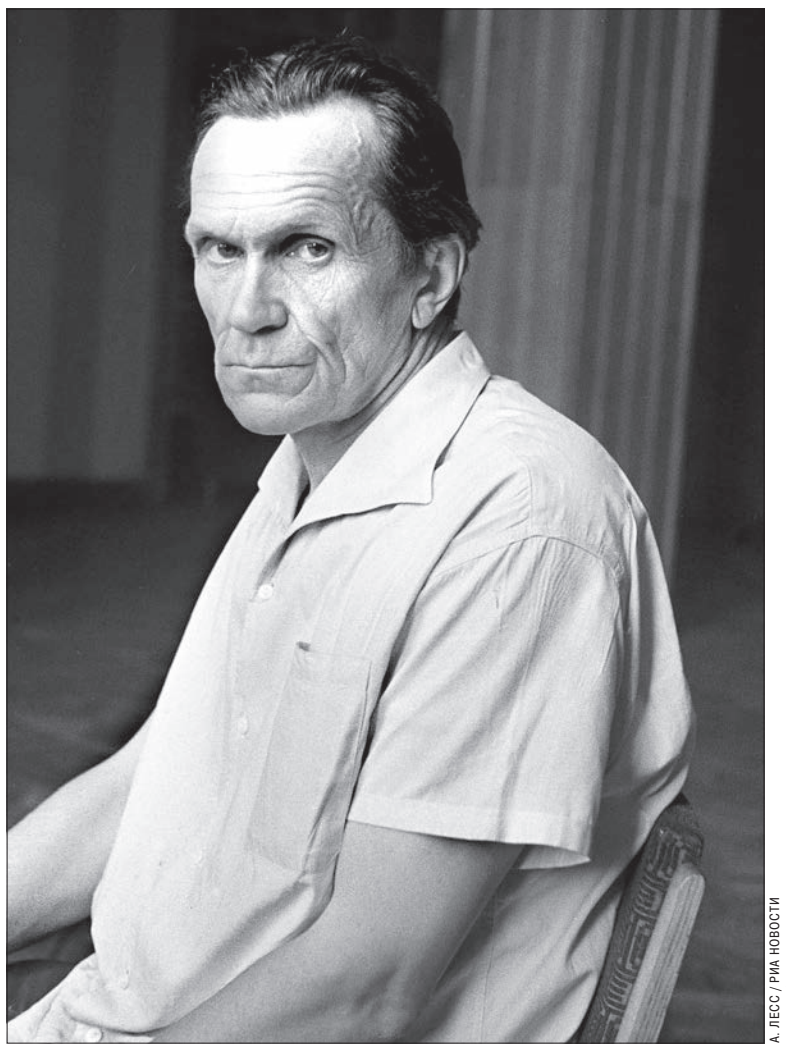
Как представляется, эту оценку можно целиком отнести и к фильму Рудакова, изменив только слово «шоу» на «киношоу»...

– Бог с ним, с киношоу, кто только и как только не использовал Шаламова! В кинотусовке принято считать, что он был диссидентом, антисоветчиком, но ведь это не так?

– Варлам Тихонович был очень прямым человеком и не любил экивоков. В известном письме в «ЛГ» 1972 года с протестом против западных публикаций «Колымских рассказов» он заявил открыто и даже с вызовом: «Я честный советский писатель». С вызовом – потому что уже тогда некоторые колебавшиеся туда-сюда литераторы стеснялись называть себя советскими (а многие ныне живущие считают это чуть ли не позором). Но Шаламов – не стеснялся и тем более не лукавил. Его письмо было абсолютно искренним, и оно поставило окончательную точку в его разрыве с диссидентством, с некоторыми деятелями, с которыми он раньше поддерживал отношения (Солженицыным, Н.Я. Мандельштам). Конечно, Шаламов не был ортодоксом, но даже он, прошедший лагерную Колыму, не считал, что Колыма и только она олицетворяет советскую историю и советский строй жизни. Ещё в 1961 году (после полёта Ю. Гагарина) он писал:

...Около спиленных
лагерных вышек
Жизнь поднимается
выше и выше.
Всё здесь испытано,
всё нам знакомо,
Всё – от концлагеря
до космодрома.

Всё – и трагическое, и героическое – сплетено неразрывно! И надо это принять как данность, как судьбу России, считал Шаламов. Разумеется, он желал перемен в стране, но его уникальный лагерный опыт познания «зыбкости», как он говорил, природы человека, её податливости растлению и всем другим формам зла заставлял его крайне настороженно относиться к любым прожектам радикальных перемен, которые носились в воздухе в позднем СССР. При этом Шаламов очень остро и трезво чувствовал все токи мировой политики. «Бжезиньский и прочие хитрожопые подстрекают. Им надо обязательно крови», – писал он. И делал вывод: «Возвратиться может любой ад, увы. Условия могут повториться, и блатарская инфекция охватит общество, где моральная температура доведена до благополучного режима, оптимального состояния». Мы ведь все пережили «моральную температуру» 1990-х и во многом переживаем до сих пор, не так ли? Шаламов – философ, пророк, давно пора осознать его именно в этом качестве, а не в качестве только «обличителя сталинского режима», как трактуют некоторые. Сам он подчёркивал: «Колымские рассказы» – это, в сущности, советы человеку, как держать себя в толпе». Тем самым утверждая, что настоящая литература – это прежде всего человековедение, а не политика.



А. ЛЕСС / РИА НОВОСТИ

Варлам Шаламов

– После награждения Светланы Алексиевич стала особенно очевидна роль политики в Нобелевской премии. Как Шаламов относился к русским нобелиатам, пострадавшим значительно меньше от сталинского режима, но удостоенным значительно больших зарубежных почестей?

– Шаламов прекрасно понимал зависимость присуждения Нобелевских премий от политической конъюнктуры. Литературные достоинства, художественные открытия перестали быть главным критерием – он особенно ощутил это после присуждения премии Солженицыну в 1970 году, когда заявил (в письме Кременскому), что «Нобелевский комитет ведёт арьергардные бои». А самого Солженицына немного позже, после выхода «Архипелага», назвал прямо – «орудием холодной войны». Между прочим, в это время, в середине 1970-х годов, Шаламов начал сочинять пьесу «Вечерние беседы», герои которой – русские писатели, лауреаты Нобелевки: Бунин, Пастернак, Шолохов, Солженицын (до Бродского и Алексиевич, естественно, не дошло). Этих героев Шаламов поместил в камеру Бутырской тюрьмы, где сидел сам когда-то, заставил их вести философские дискуссии и иногда заниматься тюремным трудом – пилкой дров. Сарказм писателя потрясающ: у него «соцреалисты» (Шолохов и Солженицын – так автор их сближает) не хотят пилить двуручной пилой с «модернистом» (Пастернаком)... Но суть не в этом. Главным распорядителем Нобелевки Шаламов со свойственной ему прямотой считает не шведский комитет, а Америку. Вот его авторский монолог, включённый в пьесу: «Америке не нужны праведники. Ей нужны раскаявшиеся грешники. И не потому, что раскаявшиеся грешники больше знают из тактической кухни великих преступлений и могут об этом свидетельствовать на форуме, – просто грешник чувствует себя облагодетельствованным, благодарно, верно ему служит. Праведник и так будет праведником, будет сражаться из-за чести. Подкупать его не надо, даже опасно. А вот изменника, если ему доплачивать, – <надо>, а чем дороже, тем он ценнее, тем больше получается рекламы»[1].

Шаламов назвал пьесу «фантастической». Но не правдивее ли она приснопамятного Беккета?

Беседу вёл
Борис Никитский

[1] В. Шаламов. Собр. соч. В 7 т. – М., 2013. – Т. 7. – С. 372–373.

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОМ ФИЛЬМЕ

«На честном слове и на одном крыле»

Героическая борьба не со стихией, а с собственным разгильдяйством

«Огня! – кричат, – огня!» Пришли с огнём». Едва ли точнее Ивана Андреевича Крылова, незнакомого с новой кинолентой, можно выразить задачу и процесс работы над ней. Огня и жути тут более чем достаточно для зрителей, как и, подозреваю, для самих профессиональных «тушил», но не для режиссёра, который по ходу фильма, будто Петька из знаменитого анекдота, неустанно наращивал ставку – а стакан слезы сможешь? а кружку? а ведро?

Подозреваю, потому что два года и сам имел отношение к этой профессии, ходил в огонь, видел азарт и страх, гибель своих и чужих. Образы и характеры героев, их речь и юмор – убедительны. Но зачем усиливать реальный будничный героизм искусственными мелодраматическими красителями, усилителями и множителями? Да и на зрителей это на каком-то этапе перестаёт действовать. Один гвоздь вызывает боль, десяток – уже воспитывает рахметовых.

Сент-Экзюпери когда-то заметил, что совершенство достигается не тогда, когда нечего добавить, а когда нечего убрать. А вот здесь этого, увы, много. Особенно в концовке фильма, к сожалению, абсолютно выбивающейся из общей стилистики, скорее напоминающей краткий видеоотчёт о проделанной в фильме работе и достигнутых успехах. Может, повлияло завершение финансового года или неуверенность авторов в конечном эффекте, в интеллектуальном и эмоциональном уровне потенциальной аудитории. Даже механическим редакторским монтажом можно было бы отчасти устранить этот «баден-баден», спасти напряжение, динамику и искренность ленты. А так приходит на ум фраза, произнесённая Сталиным после одной из премьер Большого театра, – «Артисты нэ виноваты». К их ярким работам вопросов нет.

Но главный сценарный «прикол», пожалуй, в том, что МЧС трагически борется не со стихией, а с собственным разгильдяйством. Вылетают без запаса горючего, не предупреждают местных и попадают в кольцо огня, теряют лагерь, снаряжение, спутниковый телефон, лишаются связи с центром... Мне, как и сценаристу, тоже нравится незабвенный сериал «Место встречи изменить нельзя», где отважные муровцы гоняются за бандитами на стареньком трофейном автобусике, лихо напевая: «Бак пробит, хвост горит, и машина летит на честном слове и на одном крыле». Но ведь это было в сороковых прошлого века. Зачем надо было здесь-то задействовать дряхлую, с обломовским кряхтением отрывающуюся от земли винтокрылую героиню «Мимино»? Ещё одна скрытая киноцитата? Тонкий намёк на необходимость индексации работающим пенсионерам?

Алексей Бархатов

Мобилизационное кино

«Огонь» Николая Куликова и Алексея Нужного с успехом идёт по России

Агрессивная телереклама раздражает, вызывает недоверие, отталкивает. В роликах видишь переходящих из фильма в фильм уже поднадоевших звёзд, а также ещё не успевших надоесть, только входящих в моду. И не веришь восторженным словам зрителей и коллег, у которых брали интервью после просмотра. Не веришь, потому что реклама слишком часто обманывала.

Иван Янковский в фильме «Огонь»

Однако поддаёшься, идёшь в кинотеатр или отыскиваешь фильм в Сети, смотришь и... постепенно раздражение уходит, недоверие сменяется интересом, кино всё больше затягивает, и вдруг ловишь себя на том, что плачешь и смеёшься, совершенно захваченный действием. И радуешься за героев, за страну, в которой есть такие самоотверженные мужественные спасатели и замечательные артисты, которые правдиво воссоздают их образы. И прекрасный Юрий Кузнецов, сыгравший старейшину селения, оказавшегося на пути стремительно распространяющегося лесного пожара, и, конечно, Константин Хабенский (самоотверженный отец-командир пожарных), и Стася Милославская (его милая своевольная дочка), и играющий её легкомысленного, как кажется поначалу, возлюбленного Иван Янковский. И Виктор Сухоруков, и Роман Курцын, и Виктор Добронравов, и менее известный Тихон Жизневский, убедительно воплотивший образ пожарного, пожертвовавшего собой во имя спасения детей. Хороша здесь в небольшой роли и Ирина Горбачёва, а номер один по актёрскому мастерству, на мой взгляд, Евгения Дмитриева, замечательно сыгравшая её мать. Всем им веришь и прощаешь перехлёсты жанрового кино.

Да, «Огонь» – жанровое кино (фильм-катастрофа), рассчитанное на максимально широкую зрительскую аудиторию, как «Экипаж» и другие подобные, в которых человек противостоит стихии. Таких снимают много, далеко не все берут за живое, за большинством наблюдаешь как за компьютерной игрой, а «Огонь» заставил сопереживать, болеть за самых обыкновенных людей, становящихся в критической ситуации необыкновенными.

Спасибо актёрам, режиссёру Алексею Нужному и сценаристам Николаю Куликову (за его плечами «Легенда №17», «Движение вверх», «Экипаж» и многие другие удачные ленты), Константину Майеру и всем, кто принимал участие в создании этой. Она о любви – отцовской и материнской, мужской и женской – человеческой. И настоящих ценностях, а не о тех, что навязываются нам последние годы.

Например, героя того же Хабенского в недавней премьере Анны Меликян «Трое», благополучного шоумена, неизвестно от чего страдающего, любят две замечательные женщины, а он – никого, мучается сам, мучает других и норовит утопиться. А в шикарном триллере «Мажор», где никто ни от чего не мучается, поражает не мужество борцов с наркотрафиком, а количество разбитых автомобилей, расстрелянных человеческих тел, удаль подонков и коварство генерала ФСКН.

Подобные «Огню», мужественные, мобилизующие на преодоление бед и бедствий фильмы можно и нужно снимать. Особенно сейчас, когда информационная война грозит перейти в реальные боевые действия. И не только о космонавтах, спортсменах и спецслужбах, а о простых людях – не знаменитых, но важных для жизни профессий. И хорошо, что «Огонь» пользуется успехом, в том числе и в первую очередь у молодёжи.

Александр Кондрашов

ОТЗВУКИ ПРАЗДНИКА

Феличита

В преддверии Нового года на Первом канале показали итальянское шоу «CIAO, 2020!»

Этот выпуск «Вечернего Урганта» за несколько дней собрал миллионы просмотров на «Ютьюбе». Шоу понравилось не только в России и в Италии, но и в других странах, ведь оно получилось действительно нестандартным и впечатляющим – в стилистике итальянской эстрады 80-х годов.

Все его герои, начиная с ведущего Ивана Урганта, ставшего Джованни Урганти, говорили на итальянском и носили итальянские имена. Все песни тоже переведены на итальянский. У зрителей появилась уникальная возможность услышать современные хиты русской эстрады в аранжировке, стилизованной под музыку не только другой страны, но и другого века.

Участвовали артисты, чьи хиты были в первых строчках чартов в течение всего года: Иван Дорн, Zivert, Клава Кока, Ольга Бузова, Niletto, Николай Басков и многие другие. Конечно, в стороне не осталась и суперпопулярная группа «Little Big», в шоу получившая название «PICCOLO GRANDI». Всё представление было наполнено гротескным шиком эстрады 80-х – сумасшедшие цвета, безумные костюмы и яркое звучание, вызывающее ассоциации с музыкой Италии.

На шоу «CIAO, 2020!» обратили внимание крупнейшие итальянские СМИ: «Corriere della Sera», «La Repubblica», «La Stampa». Реакция итальянцев оказалась очень тёплой. Многие из них даже стали публиковать в социальных сетях фотографии российского флага с подписью о том, что их приятно удивило российское ТВ. Одним из часто употребляемых итальянцами определений в адрес выпуска стало слово «гипертреш». Несмотря на сомнительное звучание, иностранцы сделали комплимент команде «Вечернего Урганта» – безусловно, шоу выглядит очень гротескно и пародийно, а в переводах песен порой встречаются грамматические ошибки, которые заметили носители языка. Но артисты оказались столь обаятельны, а идея передачи – настолько удачной, что даже самым строгим критикам было сложно не улыбнуться.

Даже после завершения новогодних праздников просмотры ролика и количество комментариев к нему продолжают расти. «CIAO, 2020!» – интересный творческий опыт, который в новогоднюю ночь смог объединить жителей разных стран.

Виолетта Юшкина,
студентка ИСИ

ДАТА

Кайзер завещал дружбу с Россией

150 лет назад учреждена Германская империя

19 января 1871 года возникло государственное образование, в котором можно узреть и черты Третьего рейха, и основу нынешнего, весьма прочного положения ФРГ, которая в союзе с Францией объединила 27 стран в Евросоюз. Ныне ЕС включает свыше 450 млн человек, имеет собственную валюту, является важным политическим игроком. Какие уроки можно извлечь из события полуторавековой давности? Или история и в данном случае учит тому, что ничему не учит?

Антон фон Вернер. Провозглашение Германской империи

Провозглашение 19 января 1871 года Германской империи – значительное событие. Прежде на карте Европы пестрело «лоскутное» образование из австро-венгерских владений, Пруссии, части восточно-европейских и балканских земель. Число мелких германских княжеств достигало цифры 300.

Разгром Наполеона русской армией не ослабил стремления Франции главенствовать на континенте. Особо беспокоила Францию Пруссия, постепенно поглощавшая мелкие княжества. Канцлер Отто фон Бисмарк считал, что объединить немцев можно «не речами и большинством голосов, а железом и кровью».

До поры до времени всё было мирно. Прусский король и французский посланник даже провели переговоры в Эмсе об испанском престолонаследии. Король отклонил французские предложения, но обещал продолжить переговоры. Однако канцлер Бисмарк так отредактировал коммюнике, что могло показаться, будто король в резкой форме отказался от дипломатических шагов. Наполеон III счёл это поводом для объявления 19 июля 1870 года войны против Пруссии.

Французы маршировали под песню «Мы поимеем, немцы, ваших жён», но Франция выставила на войну вдвое меньше солдат (230 тыс. против 450 тыс.), чем пруссаки. Чётких планов операций не было, укрепления и дороги не достроены, боеприпасы и провиант поступали с опозданием. Германия действовала тремя армейскими группировками с обученным, экипированным и хорошо вооружённым войском. Французы не выиграли ни одного сражения, потеряли 150 тысяч воинов. 2 сентября 1870 года, после боёв под Седаном, Наполеон III передал прусскому королю свою шпагу в знак капитуляции. Немцы оккупировали треть северо-востока Франции с Парижем в центре.

19 января 1871 года в Версальском дворце собрались германские князья и монархи, офицеры и генералы, дипломаты. Среди гостей были русский генерал П.М. Кутузов, чей дед в 1812-м изгнал Наполеона из России, и молодой немецкий лейтенант Пауль фон Гинденбург, который в 1933-м, будучи уже престарелым фельдмаршалом, проложит дорогу к власти Гитлеру. Как говорится, пути Господни неисповедимы.

Король Вильгельм I был провозглашён императором Германской империи. Объединение включало в себя Баварию, Вюртемберг, Баден, Гессен, королевство Саксонию и ряд более мелких земель. Это территориальное образование не сильно изменилось к настоящему времени.

Вильгельм I прожил 92 года (был дядей российского императора Александра II, с которым дружил). К смертному одру он призвал внука-наследника, будущего Вильгельма II, и завещал ему «любить Россию и дружить с ней». Увы, о мудром завете в Германии не раз забывали.

Объединённая Германия после 1871-го ликвидировала многообразие денежного обращения, старые системы мер и весов, торгового и финансового законодательства, школьного и вузовского образования. К 1900-му промпроизводство Германии выросло в 3,1 раза, сеть железных дорог удвоилась. Быстро росли электротехническая, химическая отрасли. Производительность труда в промышленности выросла на 43%, сбор зерновых – на 25%. Прирост населения составил 15 млн человек – в 5 раз больше, чем во Франции. Откуда такие достижения? Причин немало. Одна из них в том, что ещё в 1717-м Пруссия ввела обязательное школьное образование, опередив остальных лет на сто, открыла библиотеки во всех населённых пунктах.

Русские путешественники отмечали, как много книг читают немки. Типичная картина: несколько соседок собираются в одном из домов, вяжут, шьют, а кто-то читает вслух. Популярны были «Страдания молодого Вертера» Гёте, произведения Плутарха, Гумбольдта, Лессинга, братьев Гримм. Один южанин, пылкий лейтенант Буонапарте, как-то воскликнул: «Берите в жёны только немок!» И сам женился на австрийской принцессе Марии-Луизе, правда, став к тому времени императором Наполеоном Бонапартом. Вспоминаются слова Бисмарка о другом времени, но справедливые: «Войну выиграл прусский школьный учитель».

Олег Туляков,
Берлин

ЭКСПЕРТИЗА

В сложном шпагате

Чего ждать от современной Германии?

Возвращение Германии в мировой политический процесс на правах полноценного игрока – вопрос времени. Однако не означает ли будущее Германии в Европе возврата к её прошлому?

В эпоху противостояния блоков западные немцы с таким энтузиазмом восприняли идею европейской интеграции, что даже пугали им соседей – политику канцлера Гельмута Коля в Европе иногда называли «интеграционной яростью». Пока ФРГ в тандеме с Францией раскручивала «мотор» единой Европы, ГДР, интегрированная в другой блок, вносила немалую лепту в жизнь стран СЭВ – социалистического аналога тогдашнего ЕЭС (Европейское экономическое сообщество – объединение 12 европейских государств, с 1957 по 1993 год). Разделённая Германия была даже благом для разрозненной Европы, где каждый имел своё лицо. В «европейском концерте» держав, в системах разных союзов, немцы успешно играли свои партитуры у разных дирижёров. Но соседям становится сложно, когда Германия объединяется. Возникает маэстро, который хочет дирижировать сам.

История повторяется. И отнюдь не все в Европе в 1990-м были рады концу потсдамской эпохи. Обретя после объединения новые возможности, экономический великан не хотел оставаться политическим карликом. «Она убивает мою Европу!» – горестно восклицал Коль, когда в ходе финансового кризиса 2010-го правительство Меркель отказалось от роли «европейского портмоне», с чем не просто мирилась, а даже гордилась старая ФРГ. Новая же (на просьбу французов ослабить свои экспортные потоки ради блага слабых южных соседей) устами Меркель прагматично отвечала: «Где мы сильны, мы не откажемся от своей силы».

Разумеется, путь, которым идёт Берлинская республика (так называют теперь ФРГ, следом за «Боннской» и «Веймарской»), – это пока ещё не тот особый германский путь, которого страшится Европа. Но скоро уже 20 лет, как на общем пути «коллективного Запада» германская колея всё чётче и глубже. Берлинская республика имеет свои национальные интересы и твёрдо следует им.

Тем же, кто в России ожидает от Германии особых, самостоятельных шагов, расходящихся с политикой ЕС, надо помнить, как сильно она вовлечена в западные блоки и союзы, повязана договорами и обязательствами. Германия стремится ныне реализовывать (а если надо – продавливать) свои интересы не вопреки коллективной Европе, как это делают иные члены ЕС на востоке, а внутри неё, умело влияя на процессы принятия общих решений. В чём-то ФРГ приходится смирять амбиции, соотнося их с иными, более сильными влияниями в ЕС. Так случилось, например, с «Северным потоком – 2». Давление США и американского лобби наложилось на исконный страх европейских стран перед усилением Германии, на опасения, что, став «газовым великаном Европы», она эту Европу нагнёт.

До тех пор пока структуры, сложившиеся в эпоху конфронтации блоков, жизнеспособны и действуют, ФРГ будет строить свою политику в их рамках. Нельзя ожидать одиночных ходов от страны, которая весь послевоенный период в поделённом виде была на передовой линии холодной войны, т.е. даже не субъектом, а одним из инструментов конфронтации. Там и поныне находятся штаб-квартиры регионального командования американских вооружённых сил по Европе и Африке. Обретя в 1990-м новую величину, Германия не обрела державного формата. И не обретёт, пока расклад сил в мировом политическом процессе не поменяется. А перемены эти вряд ли будут зависеть от неё, однако Германия – одна из тех стран, что окрепнет, когда ослабнет «коллективный Запад».

Его системообразующими элементами в последние десятилетия были атлантические державы – Великобритания и США. С выходом Британии из ЕС континентальная Европа (ось Париж – Берлин) получает шанс. Германия на новом историческом витке садится на тот сложный политический шпагат, который некогда определял политику бисмарковского рейха: она слишком сильна, чтобы быть равноправным игроком среди европейских стран, но слишком слаба, чтобы стать на континенте единственной руководящей силой.

Светлана Погорельская,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Александр Рар: «Германии нужны ресурсы России»

Что представляет собой преемник Меркель в ХДС? Каково будущее «Северного потока – 2»? Что ждёт Америку, Белоруссию и Украину?

Немецкий журналист-международник, политолог и историк Александр Рар хорошо известен российской аудитории. Его экспертные оценки нередко появляются в наших СМИ, однако большей частью это оперативные комментарии. «ЛГ» публикует обстоятельную беседу с Александром Глебовичем на актуальные политические темы, которая, впрочем, началась с вопросов исторического свойства.

– Александр Глебович, 18 января – 150-летие создания Германской империи. Как относятся к этому событию в современной Германии? Что видится в юбилее вам? Стоит ли праздновать?

– В Германии празднеств не будет, об этой дате вообще мало кто помнит. Скорее зарубежные историки обратят на неё внимание, чем немецкая общественность. Рейх, созданный в 1871 году (фактически – Второй немецкий рейх), ни к чему хорошему не привёл.

– А что вообще в Германии помнят об этом периоде?

– Войну с Францией, превосходство над другими странами Европы, соперничество с Англией, а под занавес – участие в Первой мировой войне, которую Германия проиграла, потеряв территории. Немцы положительно оценивают свой Первый рейх, Священную Римскую империю, которую укрепляли немецкие королевства и княжества, но период Второй империи, а уж тем более Третий рейх, оценивают отрицательно.

Если праздновать образование Второго рейха, то нужно прославлять Пруссию, которая тогда стояла во главе образования единой страны, а современная либеральная, демократическая Германия отказывается чтить прусское наследие. Помимо этого, напоминание о старых конфликтах, а тем более празднование, может негативно сказаться на отношениях с Францией.

Нужно понимать, что в сознании немцев положительная история начинается с 1945 года. Хотя, мне кажется, не стоит полностью вычёркивать из памяти какую-то часть своего прошлого, а другую идеализировать, что и происходит с послевоенным периодом. Если формулировать лаконично, современная версия истории такова: демократическая Германия – это хорошо, а всё, что было до демократии, – плохо. Этому учат в немецких школах.

– В какой мере, по-вашему, верно суждение, что Третий рейх, со всеми его ужасами нацизма, стал естественным продолжением идеологических концепций, политических устремлений кайзеровской Германии?

– Одна из причин начала Второй мировой войны – потеря Германией своей империи в ходе Первой мировой. Гитлер пришёл к власти в 1933-м на обещании воссоздать сильную Германию, и Третий рейх строился на традициях Второго рейха. Другой вопрос, что в традициях Второго рейха всё-таки не было расизма, ксенофобии, геноцида. Фашизм придал империи третьей формации какую-то адскую, сатанинскую силу и идеологию. Второй рейх, по сути, был такой же страной, как Франция, Россия или Англия. Всё ужасное появилось уже в Третьем рейхе. Но я соглашусь, что Третий рейх в значительной степени возник потому, что многим немцам казался исторической несправедливостью разгром Второго рейха.

– В этой связи вспоминается, что последний кайзер Германии Вильгельм II, отрицательно относившийся к нацизму, послал Гитлеру поздравительную телеграмму после взятия Парижа...

– Многие немцы, особенно из аристократии, не поддерживали пришедшего к власти Гитлера, но с радостью восприняли восстановление старой Германии. Думаю, таких было процентов девяносто. Большинство считало, что земли Германии отторгли несправедливо, причём даже не на поле брани, а в 1919 году за столом переговоров в Версале. Да и оккупация Франции в 1940-м прошла намного мягче, не было ещё ужасов войны против СССР – истребления славянского населения, других преступлений против человечности.

Тогда казалось, что Германия возродилась, добилась справедливости. Такое мнение главенствовало в Германии до 1941 года, когда произошло нападение на Советский Союз, а жертвы стали исчисляться миллионами. Разумеется, я не оправдываю немецкого кайзера, который жил в изгнании в Голландии, но понимаю, что многие немцы поначалу были воодушевлены торжеством исторической справедливости.

– В России весьма популярна идея о несубъектности современной Германии. У нас принято считать, что руководят внешней политикой Германии Соединённые Штаты. И вообще, если выражаться вульгарно, главным врагом России (в общественном сознании и экспертном сообществе) считаются США...

Между тем весьма наглядные и агрессивные действия исходили от Германии: это и втягивание Украины в Ассоциацию с Евросоюзом, отказ учесть позицию России в этом вопросе, системная поддержка Майдана, это и допинг-скандал, яростно раскрученный германскими СМИ, это и история с Навальным, которого приютила Германия... Примеров – масса... Так, может быть, несубъектность Германии – миф? И если отбросить дипломатические условности, «главный враг России» – Германия?

– Я бы не стал употреблять термин «враг». Мы находимся в состоянии соперничества, в геополитических битвах, живём в эпоху переформатирования мира из монополярного в многополярный. Те страны, у которых есть сила, пытаются более слабых вынудить подчиниться.

Мне кажется, что Россию не рассматривают на Западе как врага, а видят в ней нежелательного актора на политической арене. Её рассматривают как страну, которую хотят перевоспитать или выдавить из высшей лиги мировой политики.

На Россию смотрят уничижительно, как на страну, которая, по мнению Запада, проиграла холодную войну, а она, понимая это, всеми силами сопротивляется. Россия ищет и, конечно, найдёт своё место в мировой элите.

Думаю, что в США рассматривают Россию не так, как прежде рассматривали СССР – однозначным врагом, а скорее как серьёзного недруга. В Германии никто не скажет открыто, что Россия враг. Тут, скорее, стоит вопрос, как сдержать Россию. Одновременно в Германии полагают, что Россия рано или поздно вернётся на путь, который избрала в начале 90-х – путь демократии и приверженности западным ценностям. Многие представители элиты считают, что это лишь вопрос времени. Существует убеждённость, что с Россией следует налаживать хорошие отношения, ведь немцам нужны, если говорить примитивным языком, ресурсы, которыми Германия не обладает. А ещё немцам очень интересна русская культура.

Для поляков и прибалтов – Россия скорее враг, а для Германии скорее соперник. Многие немецкие политики говорят, что без России Европу не построить. Поляки, прибалты или румыны такого не скажут...

Нужно учитывать, сколь важны для Германии либеральные ценности, в том числе соблюдение прав человека. В этом смысле весьма серьёзно повлияла на отношение к России история с Навальным. В Германии сошлись во мнении, что Навального отравили из-за того, что он находится в оппозиции к Путину. Неприятие усилилось после заявления, что отравление произошло с помощью запрещённого химического оружия – «Новичка».

Вы вспомнили про Украину, но в 2014-м Америка была готова чуть ли не посылать туда войска, во всяком случае подумывала о поставках летального оружия, чтобы вооружённые силы Украины шли на Донбасс. А Меркель сказала, что мы не хотим третью мировую войну на территории Европы. Именно поэтому она выбила поляков и американцев из игры и вместе с Францией предпочла миротворчество.

Германия, конечно же, считает себя союзником Америки и подчиняется ей в вопросах безопасности. Но в экономике – нет. На примере «Северного потока – 2» это стало очевидно. Да и подчинение в вопросах безопасности – до поры до времени. Если США слишком далеко заходят в том или ином международном конфликте, Германия начинает сопротивляться. Это касается не только Украины, но и Ливии, других конфликтов... И российская дипломатия видит отличия между враждебной риторикой США и риторикой Германии. Хотя соглашусь, что в последнее время высказывания отдельных немецких политиков о России, мягко говоря, выходят за рамки.

JOHN MACDOUGALL / ИТАР-ТАСС

Кто же доминировал в их отношениях?

– В 2021 году «Северный поток – 2», вероятнее всего, будет достроен. Но пойдёт ли по нему газ в Германию?

– В Германии очень хотят, чтобы «Северный поток – 2» достроили. Он поможет Европе стать более самодостаточной в энергетическом плане. Европа сейчас отказывается от угля, от атомной энергетики. Альтернативные источники энергии действуют ещё не в полном объёме, газ необходим европейцам.

Трудно сказать, как будет вести себя администрация Байдена. Американцы приняли закон (хотя Трамп до последнего сопротивлялся и даже наложил вето), где заложены санкции против фирм, которые обслуживают строительство газопровода. Теперь всё зависит от Байдена. Он будет находиться под таким же давлением, что и Трамп. Тут встаёт вопрос о его характере, дальновидности, стойкости. Я лично, как политолог, не могу представить, что Байден начнёт президентство с торговых войн с союзниками в Европе. Все понимают, что Германия молчать не станет, будет в ответ предпринимать аналогичные действия. Время покажет, как сложится...

– В 2021 году Меркель уйдёт. Она 20 лет возглавляла ХДС и 15 лет была канцлером. Не могли бы вы дать оценку её лидерства как в партии, так и в Германии?

– Ангела Меркель была у власти столько же, сколько Гельмут Коль. Она была у власти в очень важное для Германии время, и про неё можно смело сказать, что она сотворила эпоху. Так говорят об эпохе Аденауэра, об эпохе Коля, так же будут говорить об эпохе Меркель.

Если смотреть с российской точки зрения, то я бы сказал, что политика Шрёдера и Коля была благоприятнее, ведь они хотели дружить с Россией. А Меркель сразу заявила, что будет сотрудничать с Россией только в том случае, если та пойдёт по пути демократии. И она постоянно поучала не только Россию, но и Китай в плане соблюдения прав человека. Она изменила немецкую политику таким образом, что либеральные ценности стали превалировать над национальными интересами.

Меркель сделала Германию главным европейским лидером. При ней произошло расширение Европы на Восток, но одновременно остановлено расширение НАТО за счёт постсоветского пространства, Прибалтику в данном случае оставим за скобками. Ни Украину, ни Грузию в НАТО она не пустила, чего хотели многие.

Именно Меркель спасла Грецию во время финансового кризиса. Если бы не её позиция, Греция вышла бы из Евросоюза раньше Великобритании. И ещё Меркель вместе с Францией оказала огромную помощь Европе в борьбе с пандемией.

В то же время многие критикуют Меркель за решение пустить беженцев в Германию. Приток мигрантов привёл к укреплению позиций «Альтернативы для Германии» и других правых партий.

– Как Меркель повлияла на российско-германские отношения?

– Оценка во многом зависит от того, кто станет следующим канцлером. Если будет откровенный русофоб, то многие вспомнят, как хороша была Меркель. Но если вспомнить Шрёдера, то, конечно, на его фоне германо-российские отношения при Меркель сильно ухудшились. Так что всё будет познаваться в сравнении...

У Меркель были сложные отношения с Путиным. Для неё российский президент всегда был чужим, такой себе мачо. А она себя позиционировала приверженцем прав человека, но не жёсткой геополитики. Однако она находила с Путиным общий язык. А Путин понимал, что, хотя и не все немцы разделяют критический взгляд Меркель на Россию, он должен считаться с Меркель и решать дела именно с ней, ведь она – канцлер.

Нельзя забывать, что именно при Меркель произошёл фактический разрыв Восточной Европы с Россией. Я думаю, что она сделала большую ошибку, когда сказала, что в отношениях с Россией станет советоваться с Польшей и летать в Москву через Варшаву. Конечно, гospожа канцлер образно выразилась, но большая доля истины тут есть. В спорах она в первую очередь прислушивалась к позиции восточноевропейских стран, Прибалтики, а уже потом России.

Это касалось и взглядов на историю. Путин всегда был против, чтобы ставился знак равенства между нацизмом и коммунизмом. Но Восточная Европа этого требовала, как требует признать, что Вторая мировая война началась из-за пакта Молотова–Риббентропа. Точку в этом вопросе поставил министр иностранных дел Хайко Маас, заявив, что Вторую мировую войну начала Германия во главе с Гитлером. Тем не менее Восточная Европа изменила отношение немцев к России и стала не мостом, а стеной между Россией и Германией. Не дай бог, чтобы про Меркель историки когда-то сказали, что она потеряла для Европы Россию.

– Армин Лашет, как вы и предсказывали, избран новым лидером ХДС. Что это значит для России?

– Это хорошая новость для России. В отличие от других претендентов на наследство Меркель, Лашет прагматик и не русофоб. В конце 90-х – начале 2000-х, будучи депутатом Европарламента, он поддерживал концепцию общего европейского пространства, включающего Россию. Я сам ему тогда доклад писал на эту тему. Он будет прислушиваться к бизнесу, который ратует за нормализацию отношений с Россией. Лашет выступал в последние два года на главных российско-немецких мероприятиях, где защищал проект «Северный поток – 2». Думаю, России стоит внимательно присмотреться к политику, который имеет лучшие шансы стать будущим канцлером Германии.

MICHAEL KAPPELER / ИТАР-ТАСС

России повезёт с Арминой Лашетом?

– Среди политиков Германии весьма популярна в России Сара Вагенкнехт. Вы посоветовали бы «сделать ставку» на Левую партию?

– Левая партия, во всяком случае большая её часть, с симпатией относится к России. С ней обязательно нужно сотрудничать, ведь она представлена в бундестаге, хотя и является оппозицией. Левая партия выражает интересы части немецкого общества, у неё немало избирателей, в том числе в Восточной Германии.

– Немало в России противоречивых оценок «Альтернативы для Германии». Кто-то видит в них последователей нацизма, кто-то полагает, что консервативные идеи, декларируемые «АдГ», созвучны нашей системе ценностей, ориентированных на семью... Стоит ли, по-вашему, России сотрудничать с этой политической силой?

– В определённых рамках да, а почему нет? Там есть очень разные люди. Есть, к сожалению, откровенные нацисты, с которыми ни в коем случае нельзя сотрудничать, но есть политики правоконсервативного толка, которые видят в России партнёра по приверженности консервативным ценностям.

«АдГ» – сильная парламентская оппозиционная партия. Я не исключаю, что со временем где-нибудь на востоке Германии она будет получать большинство голосов. Как такую партию можно игнорировать? Сотрудничество в определённых вопросах с определённой её частью (такой, например, как русские немцы) России не помешает. «АдГ», кстати, уже участвует в «Петербургском диалоге».

– Какой будет политика Европы и Германии в отношении Белоруссии и Украины в 2021 году? Будут ли реализованы Минские соглашения или на них можно ставить крест?

– На мой взгляд, многое будет зависеть от действий байденовской администрации. Трампу на Украину и Белоруссию было наплевать. Думаю, при Байдене у власти окажутся люди из администрации Обамы, у которых есть свои личные амбиции, свои планы укрепить американские позиции в Молдавии, Белоруссии и на Украине. Они будут пытаться вытеснить оттуда немцев и французов, перехватить инициативу в той же Грузии, а может, ещё и в Азербайджане.

Пока у власти Меркель – будет продолжена политика отстаивания демократии, либеральных ценностей, прав человека. Продолжит сыпаться критика в адрес Лукашенко. Но немцы хорошо понимают, что больший нажим на Белоруссию приведёт к ещё большему сближению с Россией, а Западу это невыгодно.

Здесь хорошо понимают, что Белоруссия – военный и экономический союзник России. Вмешаться в процессы, происходящие там, без конфликта с Россией будет сложно. Поэтому Меркель стоит на следующих позициях: если и нажимать на Белоруссию, то делать это вместе с Путиным, чтобы Лукашенко когда-нибудь ушёл и открыл путь для прихода к власти более демократичного политика.

Что касается Украины. Мне кажется, на этом направлении ничего не изменится. Я не верю, что Минские соглашения к чему-либо приведут. Почему? Запад не хочет давить на Украину, чтобы она дала Донбассу особый статус. Запад и Германия соглашаются с украинской версией, что Украина – жертва российской агрессии. Поэтому никогда никакой критики в адрес Украины мы не услышим.

Украина полагает, будто Запад на её стороне, однако это ложное ощущение. Запад не на её стороне. Больше помощи Украина не получит. Здесь полностью разочаровались в Украине. Причина – отсутствие каких-либо реформ за последние шесть лет. Кроме того, Украина не стала после Майдана демократической страной, как многие в Европе надеялись.

На Киев махнули рукой, но конфликту на Донбассе это никак не поможет. Это помогает Крыму. Как говорят здесь: «аннексия Крыма» уже начинает забываться. Я думаю, что на Донбассе будет то же, что мы имеем в Приднестровье. ЛДНР будет продолжать жить при поддержке России.

Единственное, что может помочь прогрессу в урегулировании конфликта, – если Украина без помощи Запада напрямую договорится с Россией. Нужна личная встреча на нейтральной территории. Возможно, конфликт можно решить на двухстороннем уровне. Это было бы честнее, продуктивнее и целесообразнее. Но на это не пойдёт Зеленский, так как часть элиты, которая настроена антироссийски, просто не допустит таких переговоров.

– Новости последних недель из США отодвинули на второй план другие события. Речь о штурме Капитолия, гибели людей, отказе Трампа участвовать в инаугурации Байдена... Что там, по-вашему, происходит?

– Либеральный истеблишмент США и его глашатаи пошли в наступление. Беспощадная атака на Трампа, больше похожая на месть. Его обвиняют в «заговоре» против демократии. Его ставят в один ряд с «диктаторами», которых Запад помогал смещать через цветные революции. Трампу теперь грозит арест и судьба Ассанжа. К этому готовят общественное мнение Запада. Его противники освирепели и в ярости от кровавых беспорядков в Конгрессе.

Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Когда штурмовали парламенты в постсоветских республиках, в Грузии, Киргизии, на Украине, в Армении – это было хорошо. Потому что свергали и гнали в шею диктаторов. А в Америке трамписты посягнули на святое – демократию. Это непозволительно.

Трамп не конфликтовал с Россией. Наоборот, разговаривал с Путиным с уважением, считался с интересами России. Это с ЕС он разговаривал надменно. Да, он воевал с «Северным потоком – 2», но это, скорее, были атаки Конгресса, а не президента США. Трамп так и не ввёл санкции против проекта, а мог. С Байденом России будет намного труднее. Байденом будет управлять дворцовая свита – бюрократия, аппарат, тот же истеблишмент. А у них цель – «борьба с диктаторами», всеми «недемократами»: за права человека и сохранение «священного» либерального мирового порядка. А теперь ещё и жажда мести за тот позор, который случился в Америке.

Беседу вёл
Алексей Чаленко

БОЛЬШАЯ ЧИ(С)ТКА

Михаил Хлебников, критик

О потерянном «среднем классе»

Российские престижные премии по-прежнему получают авторы «высокой прозы», не унижающие себя поиском дешёвой популярности у читателя. Поэтому мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Победители обретают премию, определённое внимание прессы и профессионального сообщества, но не читателей. В то время как во всём мире закономерное следствие полученной премии – повышенное внимание со стороны публики. Причина российского парадокса – отсутствие у нас развитого класса «среднего писателя».

Говоря о «среднем писателе», я имею в виду следующие его качества. Умение говорить на ясном для читателя языке, сюжетную внятность, работоспособность, позволяющую поддерживать определённый ритм написания книг. Для «среднего писателя» аудитория состоит прежде всего из читателей. Критики таких авторов не слишком жалуют. Как правило, у них крепко поставленное перо, проработанный сюжет с внятно прочитываемым подтекстом. Раньше это называли моралью, но в эпоху развитого постмодернизма понятия «мораль», «добро», «зло» стали в искусстве признаками явной отсталости. Увы, но публика не откажется окончательно от такого старья, поэтому книги «средних авторов» покупают и даже обсуждают, по ним снимают фильмы и сериалы.

В нашем сознании до сих пор живёт простая модель. Русский писатель должен быть или Достоевским, или Донцовой. Или космические высоты, или тина дешёвой коммерческой прозы. Мы уверены, что сочетание удачливости, таланта, востребованности – нерусское, и рука тянется вычеркнуть по крайней мере один из пунктов. При этом мы готовы признать ценность тех же самых «средних писателей» в европейской литературе. На них держится, например, английская проза: от Пристли, Грэма Грина до отца и сына Эмисов и Джонатана Коу. Они помнили и помнят, что писатель – это ещё и рассказчик. Без истории «романы» превращаются в мутное отражение внутреннего мира сочинителя. Они пользуются большим успехом только у психологов, за то, что им оплачивают «сеансы слушания». Нам же мягко предлагают и прочитать то же самое в напечатанном виде, и заплатить вдобавок за «радость приобщения».

Успех Алексея Иванова, Юрия Полякова заставляет многих задавать вопрос: почему получилось? Ну талант, издают, но зачем читают, зачем все эти съёмки, обложки книг с кадрами из фильмов? Успех должен быть другим, настоящим. Выход рискованным, размашистым двухтысячным тиражом, три обстоятельные рецензии в толстых журналах, негромкое, солидное обсуждение в Фейсбуке – верный путь к признанию автора. Всё больше сил тратится на обсуждение языковой роскоши очередного лауреата, потому что обсуждать больше нечего. По необходимости приходится бормотать об акробатических метафорах (понять и оценить или хотя бы просто оценить), авторской концепции «времени и места» (отсутствии сюжета), растворении рассказчика в ткани повествования (неумении создать живых героев). Я готов признать все возможные достоинства «большой прозы» Александра Иличевского – «свежего» лауреата «Большой книги», кроме одного – понимания, зачем нужно её читать.

Если задуматься, то за «реализм» в литературе сегодня отвечает Пелевин. По его ежегодным отчётам мы узнаем о веяниях времени и мировых тенденциях. Поначалу «отчаянный постмодернист» Пелевин откочевал в стан «отвечающих за правду жизни». Сейчас я сильно рискую, называя фамилии писателей, которых отношу к «средним». Могут посчитать, что я издеваюсь над ними. Нет, просто они – единственные, кто поддерживает связь современной русской литературы с читателем. ■

ШТУДИИ

От Бунина до Водолазкина

Раз в два года на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова проходит Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)». Конференция, в этом году уже седьмая, интересна не только литературоведческому сообществу: она показывает, какие проблемы современной литературы оказываются предметом научной рефлексии.

Конференция сформулировала актуальные проблемы современной филологии. Это особенности переводческих стратегий; проблемы восприятия русского литературного текста в иноязычной среде; вопросы формирования писательской репутации, которая формируется не только творчеством конкретного писателя, но и тем, как оно воспринимается определённой эпохой; предпосылки и мотивации самого творческого акта – и как дара свыше, и как сознательных волевых усилий автора. Важными аспектами конференции стали вопрос о трансформации бумажного формата художественной литературы в цифровой и проблема восприятия этого явления читателем.

Доклады отразили интересы современного литературоведения к тем или иным писателям XX века. Это классики (И. Бунин, В. Маяковский, М. Горький, А. Толстой, М. Булгаков, И. Бродский, В. Астафьев, Ю. Бондарев) и менее изученные писатели и поэты (С. Дурылин, Н. Тряпкин, А. Чаянов, Н. Лухманова, Л. Копылова и др.). Из современных писателей внимание литературоведов привлекают в первую очередь Е. Водолазкин, М. Шишкин, Ю. Поляков, А. Иванов, Б. Акунин, Р. Сенчин, С. Шаргунов.

Учёные размышляли над писательскими стратегиями этих и других авторов, литературными и фольклорными традициями в их творчестве, проблемами поэтики их произведений, жанровой природой творчества того или иного писателя, мотивной структурой текстов, проблемами типологии героев. Их внимание привлекли проблемы синтеза искусств и их реализация в произведениях писателей XX–XXI вв. и т.д. Особые секции были посвящены важным аспектам современной русской литературы – проблемы изучения критики и литературоведения XX – начала XXI в., литератур народов России, детской литературы.

По сложившейся многолетней традиции завершило работу конференции содержательное выступление Сергея Шаргунова – известного писателя и общественного деятеля.

Анастасия Октябрьская-Кисничан

КЛАСС ПРЕМИУМ

Всероссийская, имени Андрея Дементьева

Юрий Поляков,
председатель жюри

Рассмотрение членами жюри произведений, присланных в 2020 году на соискание Всероссийской премии имени Андрея Дементьева, показало возросший профессионально-творческий уровень участников.

Хочу отметить свежесть и трогательность стихов авторов-тверичан. Речь идёт о сборнике Елизаветы Зайцевой «Синие грёзы» и сборнике Юлии Агейкиной «В пути». И особенно – Марии Цвеневой. Но думаю, главные творческие открытия у этих талантливых поэтесс ещё впереди.

Обратили на себя внимание стихи молодых авторов, уверенно нащупывающих свой, незаёмный путь в поэзии. Хочу назвать целый ряд авторов, чьё творчество с энтузиазмом было воспринято членами жюри. София Алтер (Москва) – книга «Немая сага», Елизавета Белозерова (Нижневартовск) – «Побег из Тартара», Мария Затонская (Саров) – «Дом с птицами», Дарья Лебедева (Ярославская область) – «Я на запах – сырая трава», Антон Кобец (Шатура) – «Коверна», Василий Нацентов (Воронеж) – «Лето мотылька», Сергей Калашников (Москва) – подборка в журнале «Юность». Думается, что у этих авторов ещё будут основания претендовать на премию имени Дементьева.

Высокую оценку получили стихи Варвары Заборцевой из Пинеги. На неё мы обратили внимание ещё в прошлом году, она порадовала свежестью, дерзким умением соединять северный русский фольклор с современной эстетикой. Мне кажется, эта одарённая поэтесса заслуживает того, чтобы Дом поэзии издал и презентовал её первую стихотворную книгу.

Большинство членов жюри сошлось на том, что победителем в номинации «Молодые поэты» стала книга «Туманная окраина» Александра Лошкарёва из Липецка. Его стихи отличают не только профессиональная отточенность и оригинальная образность, но и то, что вообще встречается довольно редко, – пронзительное, заражающее читателя лирическое чувство.

В том, что победителем в номинации «За вклад в развитие и популяризацию поэтического творчества» должен стать доцент Литературного института Геннадий Красников (Москва – Нижний Новгород), кажется, ни у кого из членов жюри сомнений нет. Самобытный поэт, автор книг, многолетний сотрудник легендарного альманаха «Поэзия», составитель знаковых антологий и сборников стихов, критик и публицист, отстаивающий в печати и интернете высокие принципы отечественной словесности, Красников давно заслужил право стать лауреатом.

Среди издательских проектов, выдвинутых по той же номинации, хотелось бы отметить двухтомную антологию «Уйти. Остаться. Жить». Благородство замысла, помноженное на объём проделанной работы и редакторский профессионализм, – всё это заслуживает поощрения.

В заключение хочу с удовлетворением отметить, что Всероссийская премия имени Андрея Дементьева набирает силу и становится лидером в отечественной сфере поощрения литературных талантов.

«ЛГ» вдвойне приятно присуждение премии Геннадию Красникову, нашему давнему автору, который весь год 75-летия Победы вёл в газете поэтическую рубрику «Военный архив». Поздравляем, Геннадий Николаевич!

ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

Вереница человечков

Большая и малая проза Ксении Букши

Ксения Букша с пользой провела странный и страшный 2020-й: была номинирована на «Большую книгу» и «Ясную Поляну» за роман «Чуров и Чурбанов», в преддверии праздников выпустила новую книгу – рождественский роман «Адвент». На фоне глобальных потрясений прошлого года Ксении Букше удалось проявить не только писательский, но и пророческий талант. В «Чурове и Чурбанове» она тонко улавливает предапокалиптический ветер перемен: предрекает гибель старому миру и предлагает новых героев – сильных, смелых, добрых, благородных.

Чуров и Чурбанов именно такие, но со скрытой пассионарностью. Один – детский кардиолог, увалень и добряк, другой – коммерсант, циник и немного чурбан. Герои вместе учились в школе и в мединституте, но потом разминулись в жизни. Чуров и Чурбанов не дружат, но с детства ощущают необъяснимую связь. Всё потому, что их сердца бьются в унисон.

Согласно фантастическому допущению существует экспериментальная медицинская технология, при помощи которой можно «подключить» людей с кардиологическими заболеваниями к ритму синхронной пары и полностью излечить. Казалось бы, отличная новость, но есть одно «но». Если один из синхронов умирает, умирает и вся группа «подключённых» больных. Выход есть – синхронная пара должна умереть одномоментно, тогда сердечный ритм не собьётся и все пациенты выживут. Финал по-голливудски зрелищный: такие разные Чуров и Чурбанов в едином порыве самопожертвования спешат на помощь больным детям сквозь снежную бурю. Богатыри, не мы.

Чуров и Чурбанов – двойники, несмотря на подчёркнутые различия в свойствах характера и образе жизни. Они движутся по линии жизни, сталкиваясь через равноритмические промежутки, чтобы окончательно соединиться в точке смерти.

Ритмизированность прозы Букши проистекает, конечно, из её поэтического бэкграунда. Сердцебиение – повторяющийся мотив, который задаёт ритм и отмеряет вехи в чуровско-чурбановской реальности. Музыкальное развёртывание сюжета происходит при помощи сердечного бита, который разделяет роман на три условные части: в первой главе – «Чёрное сердце» – намечается связь между героями-двойниками, в серединной – «Сердце нормально» – появляется известие о возможности синхронизации сердечного ритма, и решение принести искупительную жертву созревает в главе «С лёгким сердцем». Текст обильно декорирован сердечной символикой: пульс отсчитывает время человеческой жизни, сердце города заводится от стука тестомешалки хлебозавода (отсылка к блокадной истории Петербурга), хорошие книжки нужно читать *с сердцем*. Не сердечная недостаточность, а – избыточность.

В атмосфере романа содержится множество примесей: из мрачного реализма и героического пафоса, иронии и наивности, чернухи и сентиментальности готовится этот авторский коктейль. Иллюстрирует атмосферу эпизод в декорациях питерской коммуналки о лежачей бабушке Чурова. Школьник Чуров не жалеет бабку, но жалеет мать, поэтому шьёт подгузники из брезента на уроках труда. Важная деталь – бабушка молчит: *«Мать в комнате орала на бабку, зачем опять обосралась и хоть бы полслова»*. В маленькой приписке «хоть бы полслова» отзывается безмолвно-невыразимый ужас, что-то от андреевского «Молчания».

«Повышенная сюжетность», как в «Чурове и Чурбанове», – нехарактерное свойство текстов Букши. Это особенно заметно, если сравнивать новую книгу с предыдущей. Рассказы сборника «Открывается внутрь» объединены общей деталью – триста шестой маршруткой. Согласно оглавлению триста шестая отправляется с остановки «Детдом», следует до «Дурдома» и завершает маршрут на «Конечной».

В первой части сборника действие происходит в детском доме. Приём почти запрещённый, но автору удаётся избежать жалостливого тона. Детдомовец – особая сущность. Без собственности, без воспитания, без примесей прошлого, он идеальный объект для исследования. В ходе наблюдения обнаруживаются не только предсказуемые травмы-отказы, но и мистические тайны: например, к менеджеру по рекламе каждую весну приходит двойник. Так внутри детдома открывается филиал дурдома. Отвергнутые дети становятся взрослыми и теперь уже сами отвергают окружающую действительность. Так, профессор математики Лев Наумович («Ключ внутри») отказывается выходить из квартиры и впускать реальность в свой идеальный математический мир...

Если герои «Чурова и Чурбанова» хоть и несколько идеализированные, но всё же «реальные», то герои «Открывается внутрь» вовсе пребывают в трансцендентности. Доступ в запредельное им обеспечивает сумасшествие: один до смерти тоскует по бывшей возлюбленной, другой видит безобидных чёрных человечков – *«чувачков»*, третий испытывает страсть к стервозным женщинам с большой грудью и ненавидит помидоры. Часть о душевнобольных заканчивается почти толстовской сентенцией: *«Здоровье у всех разное, а вот безумие на всех одно»*. Одна на всех и смерть, которая неизменно встречает на конечной остановке триста шестой маршрутки.

Персонажи рассказов сборника неявно связаны: каждый чей-то одноклассник, сосед, пациент. На периферии кадра-рассказа то и дело попадается участник другого кадра-рассказа: так взгляд случайно выхватывает из толпы знакомое лицо. К примеру, соседка по больничной палате героини рассказа «Авангардная. Вера и Варя» в другом эпизоде продаёт мороженое в электричке, узнать её можно по шрамам на запястье. А можно и не узнать, это тоже ничего. Букша вглядывается в людей, ситуации, вещи и делится наблюдениями с попутчиками, если они внимательно слушают.

Драматические на первый взгляд различия в художественном мире сборника несущественны. Мнимая разобщённость как будто бы чужих друг другу людей на самом деле общность: все они просто люди. Брошенные и уязвимые, они одновременно похожи на усреднённого «маленького человека» и хипстера с прилипшим к рукам айфоном («Роман поколения» – подзаголовок сборника). Ксения Букша выводит наблюдателя из собственной единоличности и обозначает невидимые связи между людьми: *«Мы возьмёмся за руки, мы уйдём в тень, но уйдём вместе, цепочкой, вереницей человечков»*. Авторская концепция по-своему оптимистична: пусть мы все идём к смерти, но идём-то вместе.

Дарья Месропова

КНИЖНЫЙ РЯД

За внешними и внутренними заборами

Лёд и пламень: Литературно-художественный альманах / Авт.-сост. В.С. Кизило.

– М.: Союз российских писателей, 2019. – 480 с.

...Читаешь альманах «Лёд и пламень» и удивляешься, какими потрясающими историями насыщена наша жизнь.

Этот номер открывает рассказ Михаила Кураева «Продаётся усадьба. Недорого». Своеобычный взгляд писателя на старинный приют ирландского консула наводит на размышления о том, что от реальной жизни невозможно отгородиться ни башнями, ни заборами, а всякое уединение лишь видимость. Этот рассказ задаёт тон всему альманаху. Он затрагивает иные ценности, проглядывающие сквозь внешние и внутренние заборы: открытость и радость общения, которые делают человеческую жизнь наполненной.

О встречах с поэтами, прозаиками, сценаристами, режиссёрами пишет Светлана Василенко в цикле рассказов из жизни «Обнажённая натура». Например, из рассказа «Лондонская кофта» читатель узнает, как автор вместе с Андроном Кончаловским писали сценарий к фильму «Тристан и Изольда», а он рассказывал ей про свою кофту, которую считал произведением искусства...

Пожалуй, основные качества всех «обнажённых натур» – искренность и совестливость. Последнее описано в рассказе Евгения Каминского «Нюшина тыща». Его героиня дождалась прихода «почтальонши», которая принесла пенсию её только что умершему мужу. И с этого момента начались невероятные страдания: «Нюша с тоской думала о том, что скоро ей вновь предстоит сжиматься под пристальным взглядом государства. Девочки из булочной, разбитные работницы жилконторы, а главное – милиционеры на перекрёстках – все они будут вправе схватить Нюшу за руку и отвести на очную ставку к почтальонше... Теперь надо ещё найти эту тыщу и добровольно отнести её в милицию: нате, мол, судите, если, конечно, не жалко бедной старухи...» Невольно ловишь себя на мысли, что было бы неплохо хоть частицу Нюшиной совести передать тем, кто обманул государство не на «тыщу», а на миллионы...

О горестном чувстве несправедливости рассказывает маленькая повесть Арсена Титова «Про Митьку». Бывший военнослужащий Костя выпивает в гостях и вспоминает о том, как взяли в семью мальчика из детдома. К Митьке все привыкли, полюбили как родного. И ему было хорошо в новой семье. Но проходит время, и ребёнка по суду возвращают бросившей его матери...

В разделе «Семейные хроники» представлен нежный и тонкий рассказ Марии Брегман «Челновая», в котором сочетаются красота деревенской природы, семейный уют, радость влюблённости. Привлекут внимание читателей и произведения Миясат Муслимовой, Аллы Марченко, Владимира Кантора.

В разделе «IN MEMORIAM» Владислав Отрошенко, Павел Басинский, Валерий Былинский, Юрий Петкевич и Платон Беседин вспоминают ушедшего друга, талантливого писателя Олега Павлова.

Любители поэзии познакомятся с подборками новых стихов Алексея Пурина, Николая Шамсутдинова, Андрея Коровина, Елены Лапшиной, Дмитрия Кантова, Полины Синёвой, Нины Гейдэ, Сергея Попова и других известных поэтов.

Интеллектуалам же придутся по вкусу тексты Галины Седовой («Загадки дивана из кабинета Пушкина»), Валентина Курбатова («Михайловское – пространство игры») и Геннадия Вдовина («Парадокс об Останкино»).

Всего в альманахе 13 разделов. И каждый по-своему уникален. «Лёд и пламень» – это альманах жизненных и литературных контрастов. Читайте и наслаждайтесь!

Вера Линькова

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

Влад Маленко: «Я привык просыпаться мальчиком»

Это счастье – вернуться к разбитому корыту и попробовать начать заново

Исполняется 50 лет поэту и режиссёру Владу Маленко. На страницах «ЛГ» он размышляет о волшебной структуре русского языка и о том, почему поэзия не может быть ремеслом.

– Вопрос, который интересует многих читателей: «Кто или что вдохновляет Влада Маленко писать такие удивительные стихи?»

– Тут я не сделаю открытия. Лишь повторю вслед за классиками, что русский язык, его волшебная структура, его атомная, радостная стихия – и есть источник вдохновения. Слово внутри тебя живёт, как росток бессмертия. Прикасаться к нему, ухаживать за ним – и значит по-настоящему жить. А ветер, девушки, море, осень, алкоголь – это инструменты для правильного касания. Нужно обеспечить необходимую пустоту для посадки туда новых самолётиков-идей, самолётиков-открытий и находок.

Мы, по сути, просто авиадиспетчеры.

– Какие книги современных авторов тебя тронули, удивили? Что считаешь самым важным для прочтения из классики? И как быть с тем, что новое поколение не слышит шелеста книжных страниц?

– О классике разговор простой – нужно постепенно вычитывать великих писателей, эшелон за эшелоном. Если тебе двенадцать, то от Николая Носова можно шагнуть к Конан Дойлу, к Дюма. А если восемнадцать, то начинать, конечно, надо со «Слова о полку Игореве», с Карамзина, идти к Баратынскому и Пушкину, тонуть в Лермонтове и Гоголе, подступаться к Достоевскому, смаковать Тургенева, постигать живопись Толстого, а параллельно прятать под подушкой Сэлинджера, Бёлля и Ремарка. Что касается современных авторов, то я стараюсь следить за новинками и нашей, и зарубежной литературы.

Впрочем, я выгляжу сейчас каким-то старомодным советским библиотечным ангелом и понимаю весь ужас сегодняшней ситуации, когда младенцы уже мыслят матом и зомбированы сетевой наркотой... Серенький экранчик всосал поколение в свою чёрную дыру. Мир стремительно делит людей на группки пастухов, которые сидят с книжками в своих башнях из слоновой кости, и остальную овечью биомассу, потребляющую «компьютерный фастфуд».

Дадут ли книжные дети последний бой непроглядной тьме? Посмотрим.

– Влад, с твоими баснями сейчас в театральные постучаться огромное количество ребят. Это даже модно – прочитать басню современного поэта Маленко! Скажи, когда ты понял, что тебе поддаётся этот жанр? И что, по-твоему, сложнее: рассмешить или растрогать публику?

– Басни я начал писать много лет назад в трудные для себя времена ухода из театра. Я был ведущим актёром Таганки, работал по 25–30 спектаклей в месяц, но случилась несправедливость, и я написал заявление об уходе. Шеф на эмоциях это заявление подписал. И я остался в тридцать лет на улице, без театра, без спектаклей, без денег, а ещё вслед мне шептали: «Ну, этот не пропадёт».

Чтобы не спиться, не сойти с ума, я «завёлся» на самый трудный «пилотажный» жанр поэзии. Он помог мне создать театр внутри меня, помог засмеяться над всеми трудностями, вместе взятыми. Первой басней тогда стала «Утюг и мясорубка».

Но сейчас, когда всё вроде бы так клёво, я нет-нет да и вспомню, как трудно даётся первый шаг в неизвестность. Я всегда «на стрёме», всегда готов к улице и безденежью.

Что касается второго вопроса, то можно глупо смешить и поверхностно трогать. Этим сейчас в основном все и занимаются. Гоголевский или чаплинский трогательный смех – удел единиц. До него и стараемся расти.

– Официально профессии «поэт» не существует. На такую «должность» нельзя удачно устроиться и спокойно получать ежемесячную своевременную оплату. Как справиться с этим обстоятельством? Где тебе приходилось работать в сложные времена? Каким был твой первый гонорар «за буквы» и повлияло ли это событие на твою уверенность в себе? Или стремление к коммерческому успеху и поэзия несовместимы?

– Поэзия не может быть ремеслом. Изначально любой, кто называет себя поэтом, попадает в ловушку. Потому что «поэт» – как бы посмертное звание. Недаром Бродский, чтобы снизить пафос, называл свои произведения стишками. Получать деньги за стихи – это как брать мзду за молитву. Что не исключает прикладного труда, из цикла: написать либретто для спектакля или мюзикла, сатирические куплеты или тексты в рифму к острополитической программе.

К примеру, ваш покорный слуга одним прекрасным утром придумал проект, в центре которого была поэтическая и политическая сатира. Этот проект кормил меня и всю команду несколько лет. Так бывает, когда сходятся разные звёздочки... Однако даже солнцу солнц Пушкину нужно было иметь служебный ранг для получения официального жалованья. Но он был фактически первым, кто начал зарабатывать писательским трудом.

Литератору стоит удачно жениться и проводить время на одной из дач, пока мамки и няньки на другой нянчат его отпрысков. В противном случае поэта ждёт нищенство, пьянство и одиночество, если по политическим соображениям его не удостоят быть Нобелевским лауреатом...

Мой первый гонорар был выплачен журналом «Крокодил» за пародии на известных поэтов. Я представил себе, как бы написали про обыкновенных кухонных тараканов Пушкин, Цветаева, Блок, Маяковский и другие. Тем 70 долларам я был рад, как Буратино золотым монетам.

Придумав Московский театр поэтов, я обхитрил всех начальников и вручил нескольким моим соратникам – хорошим поэтам, но совершенно не приспособленным к жизни людям, трудовые книжки. Этот факт приносит мне радость.

– Влад, расскажи про своих любимых кинорежиссёров. Кого советуешь смотреть молодому поколению?

– Как же прекрасно по-старомодному воспринимать фильм как погружение в другой мир! Туда, где хочется продолжать приключение, даже когда кино закончилось. Здесь всё, как и с живописью, главное – иметь дело с Мастером. Мне нравится, когда фильм называют Картиной...

«Фотоувеличение» Антониони, «Полёт над гнездом кукушки» Формана, «Побег из Шоушенка», «Судьба человека» Сергея Бондарчука – понятно, что без этих шедевров нельзя жить. Так же, как нельзя жить без Данелии с «Осенним марафоном», без Рязанова с «Берегись автомобиля», без Чаплина.

Время так сдвинуло льды, что пока ты говоришь про нового режиссёра, он становится маститым или исчезает с радаров. Поэтому зову всех выискивать новое кино! Сколько сокровищ таится в Испании, Латинской Америке, в Азии! Верю, что и наши не подкачают, что уже сходит пенная волна, а ей на смену летит тонкое, глубокое, отображающее жизнь человеческой души, истории людских судеб кино, с юмором и гражданской позицией.

– Вечный вопрос: есть ли у каждого человека предначертанная судьба? И если есть, то можно ли её упустить?

– Судьба есть. И у каждого человека, и у каждого дерева, и у большой и малой страны. И упускают судьбы, и меняют на ледяные домики, и срезают бензопилами... Сохраняют лишь единицы. Те, кто не бежит впереди паровоза, кто понимает, что он вторичен по отношению к высшим силам. Понимает, но не боится поступка в самый главный момент.

А ещё... можно исправить дело, если ошибка не фатальна. Можно и нужно вернуться к разбитому корыту, вернее – это счастье вернуться к нему и попробовать начать заново.

– Во время спектаклей, да и любых живых выступлений, постоянно происходят непредсказуемые ситуации. Можешь привести яркий пример из твоей жизни? И есть ли секрет, как не впадать в панику и уверенно справляться с возникшими трудностями?

– Вместо ответа предлагаю свой рассказ на театральную тему «Трёхсотый Пушкин».

Пушкиных в спектакле было пять. Один – любовник, второй – гражданин, третий – кто-то ещё, а пятым был лезгин Рамзес Джабраилов, великий клоун Таганки. В «Гамлете» Рамзес был могильщиком. В «Живом» летал над сценой колхозным ангелом и посылал долгожданный дождь из жестяной лейки. Джабраилов мог просто выйти и встать рядом с высоким Борисом Хмельницким, и зал уже был готов

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Владислав Валерьевич Маленко – поэт, актёр, режиссёр, культуртрегер. Родился 25 января 1971 г. в Москве. Служил в рядах Советской армии. В 1995 г. окончил ВТУ им. Щепкина при Малом театре РФ. Актёр Московского театра на Таганке, режиссёр, автор и ведущий популярных телепрограмм, военный корреспондент, член Союза писателей и Союза театральных деятелей России. В 2014 году поставил на сцене Театра на Таганке спектакль «Таганский фронт», ставший громкой премьерой театра.

Основатель Московского театра поэтов и Всероссийского поэтического фестиваля «Филатов Фест».

С 2017 года – художественный руководитель Государственного музея Сергея Есенина в Москве.

смеяться из-за разницы роста и серьёзности актёрских лиц. И вот Рамзес репетирует роль великого поэта, вернее, его сказочно-сатирическую ипостась в спектакле, остроумно названном «Товарищ, верь!».

Актёры в большинстве своём любят себя больше, чем публику, и больше своих партнёров и партнёрш. Тот же Борис Хмельницкий на репетиции «Трёх сестёр» репетировал Вершинина. У стены стояли большие зеркала, так любимые режиссёром... В какой-то момент в одном из зеркал режиссёр увидел отражение Маши... Машу играла актриса Алла Демидова.

– Боря... Подойди и поцелуй отражение, – скомандовал Любимов, имея в виду, что Хмельницкий-Вершинин прикоснётся к отражённому лицу своей возлюбленной, чеховской героини, и возникнет интересная метафора...

Борис Алексеевич обернулся назад, потом обратно в зал и, обрадовавшись, уточнил:

– Моё?..

Любимов расстроился. Но вернёмся к Пушкину: чаплинского вида человек в цилиндре порхает по сцене с кипой белых листов, и вдруг режиссёру в голову приходит гениальная идея! А что если поставить нашего Пушкина к широкой деревянной доске, попросить, чтобы он вытянул руку с листком, и пригвоздить листы к дереву. Но не просто пригвоздить, а сделать это опять же метафорично, что называется, пользуясь стрелами вдохновения... Когда до артиста дошло, что хочет предложить режиссёр, он наотрез отказался от участия в сомнительном эксперименте. Диалог был примерно такой:

– Рамзес! Ты не бойся! Стой себе... Только руку подальше вытяни. А лучник стрелу из зала выпустит и аккурат пришпилит рукопись к стене. Поверь, Рамзес, это очень красиво из зала смотреться будет...

– Нет, Юрий Петрович! Я вам не поверю. Потому что мы из разных мест смотрим! Ваш лучник просто меня убьёт, и всё.

– Рамзес... ну о чём ты говоришь вообще? Он не просто лучник! Мы пригласим на этот номер чемпиона Советского Союза, лучника со стажем... Он со ста метров белке в глаз попадает в тайге!

– В тайге, может, и попадает, Юрий Петрович, а здесь театральный зал, публика, волнение. Он меня убьёт, Юрий Петрович, клянусь мамой!

– Ну ты же горец, Рамзес, – хитрый режиссёр знает, на какую струну нажимать, и не унимается, – ты же смелый артист, в конце-то концов! Давай попробуем один раз. Я его попрошу поближе подойти в проходе! Премию тебе выпишем за вредность, молока нальём... или коньяку...

Короче говоря, Любимов Джабраилова уговорил. И на двух генеральных репетициях для смелости выпивший «Пушкин» выдержал пытку. Чемпион-лучник и впрямь стрелял отменно. Номер действительно выглядел эффектно: трепещущий поэт, откуда ни возьмись прилетающая стрела, внезапно пригвождённые к стене рукописные листы, освещённые дерзким фонарём.

А теперь по правилам жанра должна следовать фраза: «...и вот наступила премьера!» Ну да! Я так и говорю: наступил день премьеры. Переполненный зал волновался. Волнение передавалось всем. То ли чемпион немного занервничал, то ли Пушкин-Джабраилов не туда двинул свою гениальную руку... Но только стрела, засвистев над головами изумлённой публики, попала в ладонь артисту. Пушкинская правда взяла своё: февраль, выстрел в поэта, громкий крик, брызнувшая кровь. Зал ахнул. Женщины закрыли лица руками. Мужчины привстали. Лучник упал в обморок.

И тут надо отдать должное нашему режиссёру и директору театра: скорая приехала мгновенно. Был объявлен перерыв. В фойе для зрителей включили трансляцию чтения пушкинских стихов великими артистами прошлого. Всех предупредили о том, что спектакль обязательно продолжится. Вынесли на подносах бесплатные бутерброды. И буквально через час публику позвали в зал, где перед глазами собравшихся вновь заблистал среди других своих прототипов маленький человечек в большом цилиндре и с огромной загипсованной рукой наперевес. В отличие от реального поэта Рамзесу Джабраилову повезло – стрела пробила сухожилие возле указательного пальца.

Много лет спустя я поскользнулся на прибитом к подмосткам плексигласе и налетел рукой на старые софиты гамлетовских времён с острыми железными краями. Из руки моей забил красивый фонтанчик венозной.

Через тридцать минут врач Склифа потирал руки: «А-а-а! Театр травмы и комедии! Ну, голубчик, пожалуйте к столу, будем шить! Да, да! У нас много вашего брата перебывало. Жгут! Хорошо... Потерпите немного...» Я взвыл от боли, а добрый эскулап продолжал: «Мы, кстати говоря, в наше время, с нашими-то возможностями и самого Александра Сергеевича бы спасли... А что? Какой-то там перитонит.... Вы не думайте, голубчик, я этот вопрос изучал глубоко!»

> *Слово внутри тебя живёт, как росток бессмертия. Прикасаться к нему, ухаживать за ним – и значит по-настоящему жить.*

– Спасибо за этот вопрос!

Главное, что надо знать любому зрителю на любом спектакле, – это где ВЫХОД! Выход из любого сложного положения! Счастливая зелёная табличка в темноте!

А если без шуток, то самое сложное в работе с поэтическим материалом – это поиск того сценического языка, который этот материал раскроет. Найти ключ, найти тот самый выход для решения задачи. Договориться, увлечь всю команду и отправиться с ней в приключения.

Получилось ли у нас? Мы – единственные, кто рискнул ставить басни. Такого в Москве точно больше нет. При том что автор ставит сам себя. Интрига, однако!

– Серебряный век русской поэзии давно миновал. А какое сейчас время?

– Время, которое мы принимаем в себя, как воду по утрам, я бы назвал Третьей мировой поэзией. Кого я называю «мы»? Помимо команды, которой служу, таких людей по России тысячи. И нам пора объединяться. Не сидеть по кухням.

Почему? Да потому, что скоро будет дан последний бой тотальной бездуховности, тотальному расчеловечиванию, тотальному злому, демократическому и демоническому антихристианству. И среди хорошо пишущих много холодных циников. Сейчас ведь засмеют, если будешь размышлять про добро, про нравственные ориентиры, про духоподъёмность. Капитализация и нравственность несоединимы.

> *Изначально любой, кто называет себя поэтом, попадает в ловушку. Потому что «поэт» – как бы посмертное звание.*

– У тебя очень много детской поэзии: это и обожаемые всеми «Приключения пса Кефира», и слова песен популярнейшего московского мюзикла «Остров сокровищ», и ещё длинный-длинный ряд прекрасных стишков-одиночек, каждый из которых попадает в самое сердце и маленькому, и взрослому читателю. С чего начался твой путь в детской поэзии и кто был твоими главными учителями?

– Достоевский устами героев «Братьев Карамазовых» говорит, что «за людьми... надо как за детьми ходить». Это очень точно, сердечно.

Поэтому писать для детей – это и себя проверять на простоту, прозрачность. На добрый юмор, а не на иронию. А уж когда конкретные дети, эти великие «горшочники», реагируют, когда им нравится, – это уже самое сладкое для автора.

Никуда ж не деться: наш Главный учитель в детской литературе – Александр Сергеевич Пушкин. Своими сказками, абсолютно взрослыми, своим волховским произведением «Руслан и Людмила» он задал планку всем, кто пришёл потом. Ещё я обожаю Сашу Чёрного, Чуковского, Маршака, Михалкова, Заходера... Николая Носова люблю!

Помню, как присутствовал в детстве на концертах Агнии Барто, видел её на сцене. Это незабываемо. В завершение хочу вспомнить Олега Григорьева: «Однажды Серёжа и Оля / Попали в магнитное поле. / Напуганные родители / Еле их размагнитили...»

– Московский театр поэтов, Филатов Фест, Есенин-центр, спектакли, перформансы, поездки... Ты помогаешь молодым поэтам получать не только признание, но и денежное вознаграждение, официальные ставки, знакомства. А кто тебе помогал в молодости? И есть ли сейчас такие люди?

– Ну, во-первых, молодость не кончается! Это ты сама скоро поймёшь! Знаешь, если бы у нас в юности были мы теперешние, то мы юные, наверное, не поверили бы такому счастью. Потому что наше поэтическое содружество «Железный век» было самым крутым тогда, но и абсолютно безденежным. Хотя, возможно, это гармонично связано, а? Началось тогда всё с трёх студентов: Сергея Геворкяна, Максима Замшева и твоего слуги покорного, а потом к нам прибавлялось каждый год по сто человек! Чудесный Володя Завикторин постучался, Саша Строев, Чистяков Саша, Катя Мацелинская, Мишка Зубов, Саша Степочкин...

А с помощью... с ней всё не так линейно. Чтобы не продаваться, не выхолащиваться, надо иметь дело с людьми, которые искренне в тебя верят и полюбили в себе привычку к твоим «выходкам», с теми, которые рады твоему миру, сопричастны. Мне везёт на приличных успешных людей, умеющих удивляться! Вот однажды сто лет назад вдруг позвонил Александр Степанец и говорит:

– Это вы пишете басни?

– Ну, пробую, – отвечаю я.

– Знаете, мне очень интересен человек, который в наше время занимается таким редким делом! Давайте встретимся?

Это же чудо, правда? Или ушедший от нас Женя Тарло... он просто всех вечно кормил. Привозил на грузовике еду и накрывал по пять столов после спектаклей и концертов. Зачем он это делал? Есть уникальные, штучные, прекрасные люди, слышащие время вперёд! Гениальный Лен Блаватник! Ему не надо ничего объяснять о том, кто есть кто... Большинство моих предыдущих книг выпущено благодаря ему. И всё это крайне деликатно сделано. Вот сейчас я придумал разбить сквер поэтов в Москве, как в 16-м округе Парижа рядом с метро Porte d'Auteuil! И сразу нашлись люди, готовые поддержать это дело! Рядом со мной такие крутые художники – Василий Семёнов, Сергей Попов!

Обожаю! Сердцевина нашей команды – спасение от любой хандры: атомный Николай Шкаруба, несгибаемый Серёжа Шолох, добрейший Дмитрий Сущевич, прекрасный и деликатный Александр Вулых, кроткий Александр Антипов, красавицы Анна Чепенко и Арина Чеканова, глубокий Роман Сорокин, мудрейший Сергей Фёдорович Летов! Люблю, когда носы горячие, а глаза блестящие. Жизнь бежит, как кипящее молоко, а мы сторожим огонь! Радость прибавляет силы!

– Твоё стихотворение «Ржев» названо одним из главных событий прошедшего Года памяти и славы. Видеоролик с музыкой Артемьева и голосом Кириллова набрал миллионы просмотров в Сети. А что чувствовал ты, когда рождались эти строки?

– Полгода я размышлял о том, как можно в стихах обозначить что-то хоть как-то сопоставимое с величиной солдатского подвига... И ничего у меня не получалось. Было какое-то формальное, головное занятие... В день похорон отца встал в четыре утра и просто записал строчки, которые он мне надиктовал. Такого со мной никогда не было и, наверное, уже не будет. Вот так.

– 25 января у тебя большой юбилей. Ты чувствуешь «груз лет»? Как ты к нему относишься?

– С юмором, естественно... Я и так привык не оглядываться и не просыпаться заслуженным артистом или заслуженным поэтом. Я, наоборот, привык просыпаться мальчиком, который должен доказать к вечеру, что он не зря съел хлеб. Поэтому, мне кажется, я не буду обращать сильного внимания на эту штуку. Надеюсь, что к этому времени выйдет моя новая большая книга в издательстве «Зебра Е». Ну а я включу Высоцкого и буду поздравлять знакомых Татьян.

Беседу вела
Анна Чепенко

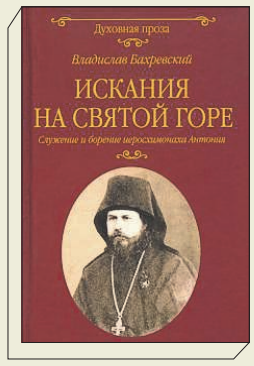
Полный текст – на сайте «ЛГ»

ОБЪЕКТИВ

О брани земной и небесной

Владислав Бахревский. Долгий путь к Богу.
– М.: Вече, 2020.
– 544 с.– 500 экз. – (Духовная проза).

Владислав Бахревский. Искания на святой горе.
– М.: Вече, 2020.
– 384 с. – 500 экз. – (Духовная проза).



Как исторический романист, Владислав Бахревский – опытный кладоискатель. Многие события и имена, долго хранившиеся под спудом забвения, будучи извлечены на свет Божий, порой сильно меняют наше восприятие исторического события или целой эпохи. Что касается «клада Булатовича», писатель заметил указующий на него огонёк ещё лет сорок назад.

Задача перед опытным романистом была непростая. Блестящий гвардейский офицер и разведчик, ставший не просто монахом, а фактически одним из вождей движения имяславцев, – сложный психологический ребус. На мой взгляд, автор, вложив в работу много сил, этот ребус решил успешно. И что в итоге?

В итоге перед нами новый рыцарский роман.

Как и положено в этом жанре, повествование начинается с детства и родословной героя. Он – сын генерала, потомок известных русских, французских, польских дворянских фамилий. А один из его предков – сам Симеон Бекбулатович, касимовский царевич, ради потехи, но по всем канонам помазанный на царство игрецом Иваном Грозным.

Гены потомственного кшатрия заявляют о себе с первых страниц. Матушка героя – знатная наездница и конезаводчица. Он, как князь Святослав, с детства с лошадьми, с детства хорошо держится в седле. И вот на лесной дороге вдруг является волк. Испугавшийся конь сбрасывает маленького седока, убегает прочь. А маленький рыцарь встаёт и смотрит в глаза волку. И волк с любопытством смотрит на него. Будто улыбается. А потом уходит. Посвящение?.. И затем ещё одно: заблудившись в лесу, мальчик встречает светлого старца, выводящего его на правильный путь. Кто это? Неужели прапрапрадед Симеон-Стефан?..

Проходит совсем немного времени, и путь младого рыцаря лежит в стольный град Санкт-Петербург. Не куда-нибудь – в Царскосельский лицей, где учился Пушкин, где были воспитаны десятки представителей русской военной и государственной элиты XIX века.

И тут всё как и положено в биографии рыцаря. По сравнению со своими однокашниками Булатович беден, но он – лучший математик, лучший наездник, лучший фехтовальщик. Только вот танцевать стесняется: ростом не вышел. Лицей закончен блестяще, но дальше – взрослая жизнь. У многих соучеников успешная карьера предопределена. У Булатовича на гражданской службе перспективы скромные. Что ж, он идёт в лейб-гвардию, становится рядовым гвардейского гусарского полка. И тут он снова — лучший наездник, постоянный участник и победитель офицерских петербургских скачек, на которых зарабатывает денежные призы, лучший фехтовальщик и... В него влюбляется дочь командира полка – княжна Софья Васильчикова. Как это похоже на авантюрный роман, но это реальная жизнь. Впрочем, зятем командира герой не становится.

Находясь в Петербурге, гвардеец-гусар встречается с двумя полюсами империи: государственным и духовным. На службе он неоднократно видит молодого царя Николая. И царь запоминает своего воина. Скоро разгульная гвардейская жизнь начинает тяготить, и уже корнет лейб-гвардии отправляется в Кронштадт. На всю оставшуюся жизнь его духовным водителем становится Иоанн Кронштадтский. Уже при первой встрече Булатович сообщает ему о желании стать монахом. Но отец Иоанн говорит, что пока воину уходить от мира рано. Надо послужить царю.

И вот молодой рыцарь отправляется в Африку с заданием министра иностранных дел империи. Официально Булатович сопровождает русских врачей, которых Россия направила для помощи раненым героям-абиссинцам. Первые дни Булатовича в Абиссинии, первые его дела под небом Африки поражают эфиопов...

В Петербург Булатович возвращается знаменитостью, его путевые записки публикуются и с интересом читаются. И почти сразу следует новое назначение. Штабс-ротмистр Булатович едет в Маньчжурию.

Отправившись по новому заданию в Японию, герой вдруг перестаёт выносить дневной свет. Болезнь быстро развивается, и ему приходится временами носить тёмные очки, а то и тёмную повязку на глазах.

И снова встреча с Иоанном Кронштадтским. На сей раз отец Иоанн благословляет рыцаря встать на путь духовной брани. И даже предсказывает ему путь на Афон.

Рассказу о монашеском пути Булатовича посвящён второй том. Владислав Бахревский – автор пяти книг о драме русского раскола, исследуя жизненный путь А.К. Булатовича, вдруг выходит на похожую тему. Очень многие беды в русской истории произошли по вине «умников», которые всех вокруг считали глупцами.

Когда постриженный в монахи под именем Антония герой прибывает на Афон, он почти сразу оказывается в гуще событий, которые никак не ждал встретить в монастыре. В русских афонских монастырях в эти годы появляется течение «имяславия», воспринявшее идеи Григория Паламы, исихастов, но прежде всего имевшее своим источником книгу схимонаха Илариона (Домрачева) «На горах Кавказа». Одним из главных её положений была мысль о присутствии в призываемом подвижниками имени Иисуса Христа самого Христа и божественности его имени. Именно эта мысль вызвала ярость Антония Храповицкого и его сподвижников. Причём сам он книги не читал, но тут же обозвал всех имяславцев хлыстами, «мужичьём» и потребовал крутых мер против них. Монаху Антонию тоже предложили написать отрицательный отзыв на книгу, однако, ознакомившись с ней, а также воскресив в памяти слова Иоанна Кронштадтского, наш герой встал на защиту имяславия. И тут же оказался на новом поле битвы.

Думаю, чтение второго тома будет непросто для тех, кто вообще не искушён в теологии. Иеросхимонах Антоний пишет «Апологию» имяславия, фактически становится его идейным вождём. Но противники имяславия долгих дискуссий не выносят. И вот тут мы встречаемся то ли с невероятной глупостью, то ли с заговором. По наущению иерархов церкви и при полном содействии русского посольства в Стамбуле против участников богословской дискуссии проводится военная операция.

В момент разгрома наш герой был в Петербурге. Поехал туда, надеясь отстоять правду имяславцев в Синоде и перед самим царём. Благодушный царь прислушивается к своему рыцарю в монашеских одеждах. По его приказу с имяславцев снимаются все хулы и наказания. Их велено распределить по монастырям. Только церковные власти противятся и царю. Как по-новому предстаёт перед нами Российская империя этих лет на фоне данных событий!..

Автор признаётся, что, возможно, это самая его горестная книга о России. Но новый рыцарский роман и не обязан быть весёлым. Ибо тёмные времена грядут, а не наоборот. Брань продолжается. А воин остаётся воином и после своей гибели. Писатель призывает помнить этого героя. Прав или не прав он, церковь до сих пор не решила. Спор продолжается. Но «не прогадаете, если батюшка Антоний, как и батюшка Иоанн Кронштадтский, будет с вами, – заключает В.А. Бахревский. – Правда наша русская – оберег от ничтожных амбиций, уже не раз убивших Россию насмерть. Слава Богу, Иисус Христос с нами – воскреснем».

Леонид Бороздичёв

КНИЖНЫЙ РЯД

Сверхсистема символов

Пётр Калитин. Краткая энциклопедия русской оригинальности.
– М.: Издательство «Институт общегуманитарных исследований». – 2020.
– 268 с.

«Краткая энциклопедия русской оригинальности» Петра Калитина – это настоящая квинтэссенция творческих изысканий философа, самобытной русской мысли, истории нашей страны, наконец, жизненного пути самого автора. В общем, квинтэссенция той самой «русской оригинальности».

Через высокий персоналистский подход Калитин обнажает внутренние пружины русской парадоксальности, которая, конечно, гораздо сложнее любых банальных оппозиций в стиле ответственность – разгильдяйство, алкоголизм – ЗОЖ, героизм – трусость, да и, пожалуй, святость – грех. Суть во многом сосредоточена в этой цитате: «Русский логос – безпредельно: предельное – суждение – в его **пост**оянно: противоречивом и антиномично: истинном кенозисе – на**прочь**но отсутствует! – перед «тотальным»: «просвещённо» = «интеллигентски»! – умничаньем – и **у**конечно, в его термино**ло́х**ич**yes**кой: на полный «самобытный» – гума**низ**ец! – шляпе».

Русская антиномичность – это качественное предельное состояние, которое потрясающе подвижно и динамично, но при этом обладает алмазным стержнем (или, если угодно, базальтовым основанием), который необъясним и, по сути, есть тайна. И динамичность эта проявляется прежде всего в Личности, в русской индивидуальной душе, так сказать.

Калитин всю жизнь – и в этой книге в частности – пытается выразить невыразимое, высказать невысказываемое, а для этого нужен особый язык, некая сверхсистема символов. По идее философские задачи, которые ставит перед собой Пётр Вячеславович, имеют статус ко(с)мических, ибо Гагарин совершил свой подвиг с улыбкой на устах, а не в угрюмом пафосном остервен(ен)ии.

Такое возможно только на чрезвычайно широкой интеллектуальной базе, может быть, поэтому Калитин концентрируется на многозначности слов и понятий, что, конечно, не упрощает понимания. Его философский текст таким образом уподобляется не тонкой линии, а широкой аэродинамической трубе, в которой есть место небинарной логике и полю интерпретаций. Собственно, предельные калитинские формулировки и являются таким квантовым полем, в котором читатель не столько зритель, сколько соавтор. А следовательно, это великолепный тренажёр для развития культуры мышления.

Валерий Инюшин

КНИЖНЫЙ РЯД

Поддаться нежной силе

Любовь Турбина. Петровский парк: Стихи.

– М.: Восточный Экспресс, 2020. – 168 с. – (Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры РФ и СРП).

Любовь Турбина в своём поэтическом творчестве, несомненно, принадлежит к петербургской школе. Хотя родилась в Ашхабаде, в эвакуации, но детство пришлось на послеблокадный Ленинград, а затем был Минск, где она выросла, получила высшее образование, кандидатом наук окончила Литературный институт в Москве, стала москвичкой. Но именно от Ленинграда – Санкт-Петербурга – архитектоника стихов Любови Турбиной, приверженность к классическим пропорциям, к взвешенности чувств и мыслей, к строгой отточенности формы. В отношениях с окружающим её пространством – и дань традиции, и своя особая интонация, выстраданная опытом жизни. Сборник «Петровский парк» сам автор считает итоговым.

Перед нами лирическая поэзия: в ней присутствует автобиографический двойник, готовый к исповеди. Но это требует от поэта немалого мужества: «Перо нам – от птицы, / из древа – бумага, / Из тайного страха куётся отвага». Шаг сделан, и возникает тема пути, метафора странствия, не только сквозь пространство, но и сквозь время, и проступает образ огромной страны, пережившей войну, но не обретшей духовного мира: «Не согреет душу плат лоскутный / неделимой некогда страны».

Послевоенные годы в Ленинграде освещены собственной памятью поэта, каждая деталь в стихах – свидетельство времени:

Дворы-мешки. Дворы-колодцы.
Что там, за каменной стеной?
Ни шагу. Чтоб не напороться
На след, оставленный войной.
Печали детства так мгновенны,
И было нечего копить,
Хоть предлагал нам немец пленный
За хлеб копилку смастерить.

Есть в «Петровском парке» строки о хранителях кода русской культуры, упокоившихся на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа:

И бунинское «Лёгкое дыханье»,
И тихий шёпот: «Вечером у Клер?» –
А Сталкер лёг в магическом молчании
И образы следил из дальних сфер.
Казалось, так легко поддаться нежной силе,
которая остаться тут влекла,
Что я очки забыла на могиле,
Но всё-таки вернулась и нашла.

Нежная сила – вот слова, которые характеризуют не только пласт русской культуры, оказавшийся на чужой стороне, но и особенность и притягательность стихов Турбиной. В сборнике есть и прекрасные строки о любви: «И вдруг поверить до конца / Посмела истово, рисково – / Не в обещание, не в слово, / А в выражение лица». Есть и тема лишнего человека, воспринятая от классиков нашей литературы: «В той мировой круговерти / Спутались судьбы идей... / Рудин – три шага до смерти / Множества лишних людей».

Действительность сурова, реальность даёт мало поводов для иллюзий. Но искусство и рождается из сопротивления энтропии. Главная особенность переводов с белорусского, щедро представленных в сборнике, – они непохожи на переводы. Это стихи, написанные крепко, рукой мастера, по-русски. И что удивительно, каждый раз это как бы другая рука – интонации Рыгора Бородулина не спутаешь с ритмами Владимира Некляева или Анатоля Сыса: «О, как складно и вечно ведут караван журавли. / Их языческий клёкот слагается в песни астральные. / А на том берегу вдруг проснулись в созвездии львы – / это ты, моя любая, песни запела купальные». Перед нами прекрасная книга, сверкающая отточенностью стиля и мысли, полная искренности и глубины, а также исповедальной тяги к истине, – это помогает жить и не только смириться с неизбежным, но и любить всё, что вокруг. Пусть строго, даже суровой любовью.

Игорь Куберский,
Санкт-Петербург

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Стихами прорастая

30 лет назад был основан Союз литераторов России

Появление этой творческой организации в годы перестройки во многом предопределилось возникновением в годы хрущёвской оттепели различных неформальных литературно-художественных объединений. Среди них наиболее известны СМОГ (Самое Молодое Общество Гениев), «Спектр», «Лианозовская группа», «Московское время», клуб «Поэзия», группа «Контекст».

– Большинство из участников этих групп в разное время или вступили в наш Союз, или оказывали поддержку, – вспоминает поэт и переводчик Дмитрий Цесельчук, возглавлявший СЛ РФ с 1990 по сентябрь 2020-го, ныне – его почётный председатель. – Помощь Иосифа Бродского позволила Союзу сплотить нашу русскоязычную зарубежную диаспору: многие из участников Конференции 1991 года, посвящённой 100-летию со дня рождения Мандельштама, которую проводил Бродский в Лондонском университете, вступили в Союз.

В архиве Союза – заявление Юрия Мамлеева о приёме, присланное из Франции, анкета вступающего в СЛ Алексея Парщикова... Из ныне здравствующих членов СЛ РФ можно отметить Вячеслава Куприянова, Илью Резника, Евгения В. Харитонова, Тамару Клейман...

Помимо ежегодного альманаха «Словесность» Союз выпускает «МОЛ» – самую миниатюрную литературную газету в мире. Она умещается на ладони, однако на сорока страницах широко представлены разные литературные жанры и великолепные иллюстрации.

Куда бы ни вели мои пути
В распахнутой и ветреной вселенной,
Я всё равно вернусь в Кривоколенный,
Чтоб сквозь асфальт стихами прорасти.

Это – фрагмент стихотворения Николая Калиниченко, поэта, прозаика, фантаста, литературного критика и постоянного автора «ЛГ». Недавно он возглавил Союз литераторов.

Юбилей отпраздновали. Продолжаем работать и творить.

Наталья Рожкова

УТРАТА

Небожитель с Патриарших прудов

13 января нынешнего года ушёл из жизни поэт, прозаик и журналист Юрий Константинович Баранов.

Я близко познакомился с ним в 2008 году, когда в издательстве «Советский писатель», в котором я тогда работал, отдельной книгой вышла повесть Юрия Баранова «Шанхай по пути на ЮБЛО, или Чисто российские убийства». Эта повесть была необычной даже для начала двухтысячных. В ней мужики из подмосковного села отчаянно сражаются с властями предержащими за свои честь, достоинство и просто жизнь. Суть повести передаёт такой эпизод. Работник обкома жалуется корреспонденту, что мужики села Бессоновка, исстари специализирующиеся на выращивании лука, чрезмерно на нём наживаются. Как только не давили их, говорит он, и специальными налогами обкладывали, и штрафовали, и ограничивали – всё равно хорошо живут!

Примерно в те же годы Юрий Баранов по моему приглашению пришёл в «Литературную газету», мы с ним стали работать над приложением «Подмосковье. Культурная реальность». Нужно сказать, это приложение для Подмосковья, крупной по европейским меркам территориальной единицы, имело большое значение. Здесь живут и работают сотни писателей, а приложение давало им возможность публиковать свои произведения в столичной прессе. Юрий Константинович, до этого трудившийся в московской областной газете, знал многих из них, если не всех.

К этому моменту у Юрия Баранова за плечами был большой жизненный и творческий путь. Он родился в Москве в 1933 году, окончил Московский электротехнический институт связи, ныне – Академия связи. До тридцати четырёх лет работал в «оборонке», принимая участие в создании оружия и спецтехники. Затем он круто изменил свою жизнь и стал журналистом. В шестидесятые годы работал в газете «Труд», одной из самых популярных в стране, в ТАСС, в «Экономической газете» и других центральных и отраслевых изданиях. Побывал на множестве заводов и шахт, в колхозах и научных учреждениях, на «стройках коммунизма». В круг профессиональных писателей он вошёл уже немолодым человеком.

– Моя малая родина – Патриаршие пруды, – сказал мне как-то Юрий Константинович. – Всю жизнь прожил в Москве, за вычетом трёх лет эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Учился в одном классе с Юрием Мамлеевым. Но взгляды у нас разные!

«Странно, – подумал я, – росли вместе на Патриарших, а взгляды разные».

Я тогда ещё не знал, что это одна из особенностей русской жизни. Впрочем, не только русской.

Меня удивляло, с какой жадностью Юрий Константинович писал – стихи, рассказы, повести и статьи. На одном из интернет-порталов о нём говорится: автор бессчётного ряда статей. Видимо, он добирал то, чего не сделал в молодости.

Ю.К. Баранов – автор десятков книг стихов, прозы и публицистики, избирался секретарём Союза писателей России. Как он сам подчёркивал, был твёрдым сторонником традиционного русского реализма, стоял на национальных, государственнических позициях.

В последние годы Юрий Баранов много печатался в альманахе «Небожители подвала» (подвал – это нижний буфет Центрального дома литераторов). Там публикуются в основном представители старшего поколения писателей. Юрий Константинович занимал в этом ряду достойное место. В прежние времена бытовало выражение: «рыцарь без страха и упрёка». Юрий Баранов никого не боялся, и его не в чем было упрекнуть.

И он таким и останется в нашей памяти – настоящим рыцарем литературы.

Алесь Кожедуб

«ЛГ» выражает соболезнования родным и близким Юрия Константиновича Баранова.

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

Елена Харламова: «Ничто не заменит зрителя в зале»

Министр культуры Подмосковья: цифровизация объектов культуры – это качественный контент и эффективный инструмент привлечения посетителей

Ещё совсем недавно в споре сторонников и противников диджитализации в сфере образования и культуры самой аргументированной казалась точка зрения консерваторов, призывающих отбросить смартфоны и идти в музеи, на концерты и встречаться с друзьями лично, а не в чате. Но с наступлением пандемии и повсеместной изоляции стало ясно, что слово «цифровизация» применимо и к культуре. О переходе музеев в онлайн-формат, VR-экспериментах культурных институций мы говорим с министром культуры Московской области Еленой Харламовой *(на фото)*.

– Елена Михайловна, вы были назначены на должность министра около полутора лет назад, незадолго до начала пандемии, когда концертные залы, выставки, музеи пришлось закрыть и перевести в онлайн. Как удалось справиться с ситуацией?

– Понятно, что никакого опыта мы не имели. Пробовали один формат, другой и то, что оказывалось интересно жителям и гостям области, фиксировали и оставили себе на вооружение вне зависимости от того, продлится ещё пандемия или нет. Мы, наверное, самые первые в начале пандемии быстро всё закрыли, а потом так же быстро, убедившись, что нет новых вспышек заболевания, начали всё восстанавливать. Так, уже 31 июля в Клину при поддержке федерального Министерства культуры открылся VI Международный фестиваль искусств имени П.И. Чайковского, все концерты которого прошли в формате open air.

Сфера культуры, безусловно, связана с живым общением. Ничто не заменит зрителя в зале, его реакции. Но, увы, в пандемию заполняемость залов в Московской области не могла быть больше 50%, а в Москве и вообще 25%. А ведь наш Губернский театр, например, территориально находится в столице.

Хочу поблагодарить Сергея Безрукова, Нонну Гришаеву, Максима Исааковича Дунаевского – руководителей наших государственных театров, которые в сложных условиях успешно переформатировали театры и филармонию в онлайн-режим. Московский губернский театр за время пандемии подготовил четыре премьеры, а премьеру спектакля «Дядя Ваня», где режиссёром и исполнителем главной роли стал Сергей Безруков, показал одновременно в двух форматах – офлайн, на сцене, и онлайн на сайте театра. Правда, чтобы «посетить» премьеру, не выходя из дома, нужно было приобрести специальный PIN-код. В зале около 800 мест – 25% зрителей смотрели его офлайн, более двух тысяч человек из разных регионов России, а также из США, Канады, Чехии, Германии, Испании и других стран заплатили за трансляцию по 500 рублей и наслаждались действием онлайн. Театр даже заработал, хотя совсем не ожидал этого. Думаю, будем использовать такой формат и в будущем.

Что касается киносферы, то Московская область, наверное, единственный регион, где кинопоказы продолжались. Переговорили с главами районов, где есть большие парковки у торговых центров, в парках или на центральных площадях, и открыли кинопаркинги. Понятно, что мы не показывали новинки, потому что их просто не было, показывали классику, нашу и зарубежную, или те фильмы, которые только что вышли из проката. Зрителям, особенно молодёжи, как мне кажется, было важно не кино посмотреть – они и дома могут его посмотреть, – а ощущение единения. Поэтому некоторые из 24 площадок до сих пор работают. Хочу сказать, что люди намного интеллигентнее и умнее, чем иногда пишут в жёлтых СМИ, – никто не распивал спиртные напитки, не мусорил, не нарушал правила дистанцирования. Всего в рамках «Кинопаркинга» на 24 площадках кино посмотрели 11 тыс. автозрителей.

– То есть можно сказать, что, когда пандемия сойдёт на нет, какие-то наработанные форматы и приёмы можно будет сохранить и для расширения аудитории, и для удобства людей?

– Однозначно. Поскольку мы цифровой регион и везде есть интернет, мы организовали работу домов культуры дистанционно. Это испытание они прошли успешно, и теперь благодаря этому опыту мы пошли дальше: наши волонтёры опросили людей в сёлах и деревнях, где нет домов культуры или до них далеко доехать, кто и чем хочет заниматься. Оказалось, что запрос на занятия в онлайн-кружках остаётся. И сегодня на базе центральных домов культуры мы запустили онлайн-кулинарные мастер-классы, курсы по хореографии, музыке, вокалу, которые прекрасно работают даже тогда, когда дома культуры открыты.

Безусловно, оставим в своём арсенале и онлайн-экскурсии. За время пандемии онлайн-мероприятия музеев набрали более 11 млн просмотров. Было очень большое количество экскурсий, на которые ты не попадёшь в обычной жизни, если живёшь где-нибудь в Екатеринбурге, Перми или Владивостоке. Это и онлайн-путешествие из музея А.С. Пушкина в Больших Вязёмах в усадьбу Захарово или онлайн-экскурсия в фондохранилище музея «Новый Иерусалим».

Всего в условиях ограничительных мер наши театры и концертные организации «посетили» 5 млн зрителей. Всего за 2020 год цифровым контентом наших библиотек воспользовались более 6 млн пользователей.

– В этом году исполняется 200 лет со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского. Будем надеяться, что эпидемиологическая ситуация позволит провести празднование офлайн. Как планируете отмечать эту дату?

– Подмосковье сыграло в жизни великого писателя особую роль. Здесь прошли его детские годы, которые потом нашли своё отражение во многих его произведениях: «Мужик Марей», «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы»...

Музей-усадьба Достоевских «Даровое»

В год 200-летия Фёдора Михайловича Достоевского мы хотим восстановить всё, что связано с его именем. Поэтому мы восстанавливаем флигель, готовим экспозицию, расширяем дорогу, хотим попытаться разобраться с захоронениями Достоевских, чтобы перезахоронить родителей писателя вместе. Самое главное, при этом максимально учесть интересы местного населения и экспертные мнения достоевсковедов, сохранить исторический ландшафт и установленные охранные зоны.

– Как главный редактор «Литературной газеты» не могу не спросить о том, как живётся писателям в Подмосковье, любят ли их, часто ли приглашают в библиотеки, происходит ли смычка между огромной культурной аудиторией Подмосковья и писателями?

– У нас очень большая библиотечная сеть – 951 библиотека. Не буду фантазировать и говорить, что у нас всё идеально. Есть библиотеки, в которые мало людей ходит, а есть те, где коллектив не впадает в уныние из-за конкуренции с интернетом, а пытается найти и внедрить новые формы. Приходя в библиотеку на какую-то интересную лекцию или на урок иностранного языка, находясь среди книг, ты рано или поздно начинаешь ими пользоваться, читать. Музеи-склады и библиотеки-склады давно уже ушли на второй план. Их сотрудники перестали быть этакими назидателями («Тише!», «Не трогай!» и так далее), они с тобой в диалоге, в партнёрстве, они тебе ничего не навязывают, они только показывают тебе возможности, а ты сам уже вправе принять какое-то решение или нет.

Очень много сейчас работаем в Мелихове, где в Музее-заповеднике А.П. Чехова есть свой театр. Музей, например, в прошлом году получил грант Президента РФ для реализации проекта молодыми авторами. С прошлого года приглашаем туда молодых драматургов поработать месяц в усадьбе с текстами, рукописями Чехова и написать свою пьесу. Условно десять удачных пьес рассылаем в театры России – вдруг кому-то захочется поставить новое прочтение Чехова, – а лучшую, по нашему мнению, пьесу зрители могут увидеть на фестивале «Мелиховская весна».

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Елена Михайловна Харламова, министр культуры Московской области. Родилась в Москве, окончила Институт международных социально-гуманитарных связей по специальности «Государственное и муниципальное управление».
В 2003–2006 годах работала продюсером телеканала «MTV Россия», в 2006–2014-м – руководителем специальных проектов Первого канала.
С 2014 по 2017 год занимала должность директора Центра культурных инициатив.
В 2017–2019 годах была заместителем руководителя администрации губернатора Московской области.

С писателями в библиотеках тоже, конечно, постоянно встречаемся. Кстати, я бы очень хотела пригласить вас, Максим, для встречи с нашими читателями в Губернскую библиотеку, чтобы вы рассказали о своей книге «Концертмейстер», которая получила премию «Книга года». И, может быть, вместе поищем какой-то новый формат работы с молодёжью. Я сама мама 21-летнего сына, и я понимаю, что человек ко многому приходит только с возрастом, и тем не менее нужно с ним разговаривать, дискуссировать, показывать ему какие-то новые возможности и пространства.

– Вот как раз хотел бы эту тему немного развить. Проблемы с молодёжью были во все времена. Старшему поколению всегда казалось, что молодёжь не такая, что она занимается совершенно не тем. Понятно, что, как вы справедливо сказали, с возрастом всё это проходит, но сейчас есть достаточно серьёзная, как мне кажется, опасность (это вопрос даже скорее не как министру, а просто как человеку, который заботится о будущем страны), серьёзный враг всех наших инициатив – это диджитал. Очень часто у подростков появляется некая иллюзия, что фундаментальная культура устарела, что будущее за блогерами. Они успешны и получают много денег (и такая позиция, кстати, всячески навязывается и взрослыми). Зачем учиться? Будешь на «Ютьюбе» ролики записывать и тоже станешь успешным человеком. Объяснять, что миллионы тех, кто записывал, ничего не добились, бесполезно. Как вот с этим тут бороться? Как сделать нашу величайшую культуру модной для молодёжи?

– Мне кажется, что однозначного решения здесь нет. Где-то надо действовать хитростью, где-то «тактическими манёврами». Вот говоришь своему ребёнку: «Мне не с кем пойти в театр, мог бы ты меня сопроводить?» А потом он обязательно пойдёт в театр самостоятельно. И будет ходить часто, да ещё и друзей пригласит.

Мне кажется, оттаскивать детей от интернета не надо. Просто надо погружать туда интересный контент, чтобы он был хорошо снят, чтобы история была интересно рассказана. Ведь мы, взрослые, иногда умудряемся подать всё так, что ничего не понятно.

– Здесь, конечно, важен момент подготовки и учителей, и работников культуры. Раньше, вы помните, библиотекарь – это был человек, которому посетитель скорее мешал.

– В прошлом году мы взяли 15 библиотек, в этом добавили ещё 15 пилотных, где не только меняем контент библиотек, но и меняем сознание самих библиотекарей. Удлинили им время работы – до 21.00, чтобы молодёжи было удобно прийти туда вечером после учёбы. Предложили возрастным нашим библиотекарям: «Не можете работать до девяти? У вас там внуки, дела какие-то? Дайте нам это время, мы пригласим студентов старших курсов или тех, кто только окончил вуз, на подработку. Пусть они с 18 до 21 будут библиотекарями». Они ведь совершенно на другом языке разговаривают. Мы даже обсуждали создание компьютерных игр на базе книг. А для того чтобы сделать игру по книге Конан Дойла, например, ты же должен как минимум сначала прочитать эту книгу, чтобы понять, возможна ли вообще по ней игра.

Проект – «Библиотека – современное общественное пространство» – «заточен» именно на молодёжь. Для этого были скорректированы часы работы, обновилось пространство, интерьеры, техническое оснащение, были созданы специальные молодёжные зоны для учёбы, совместных встреч, игр. Появились и необходимые вещи с точки зрения современного комфорта: велопарковки, зарядки для гаджетов, кофе, а также оборудование для фото- и видеосъёмки, 3D-моделирования, аудиозаписи. Но ключевое внимание было уделено событийному наполнению, разработке новых проектов и мероприятий, ориентированных на молодёжь: «квартирники», «квизы», литературные стендапы и лекции по самым актуальным для молодых людей вопросам. Библиотека стала для них местом отдыха и учёбы, коворкинга и самореализации.

Памятник Ф.М. Достоевскому в усадьбе «Даровое»

– 2021-й – год 80-летия Битвы под Москвой. Какие мероприятия планируются? И что для вас образ Зои Космодемьянской, которой посвящён современный музей в Петрищеве, открытый в 2020 году?

– Вы правы, этот год очень важен для всех нас. Маршал Г.К. Жуков во всех своих интервью на вопрос, что вам больше всего запомнилось из Великой Отечественной войны, отвечал – битва за Москву. Самое тяжёлое, самое кровопролитное время. Маршал рассказывал, что в сорок первом фронт был настолько близко, что от Кремля до штаба армии он доезжал за час. «Бои шли в местах, где современные мальчишки и девчонки сегодня катаются на лыжах и на коньках». Жизнь продолжается... Мы планируем провести ряд мероприятий, посвящённых Битве под Москвой и 80-летию подвига Зои Космодемьянской.

Что касается Зои, для себя я определяю её как собирательный образ девушки, женщины на войне. Её подвиг уже в том, что она вытерпела все пытки и издевательства и не встала на колени. Читала, когда готовила материалы для музея, что кто-то из девочек, которые были с ней в отряде, говорил, что их миссия заключалась не в том, чтобы они взрывали железнодорожные пути и поджигали дома, а в том, чтобы, когда наши мальчики шли на восток, они, девочки, шли на запад. Тем самым показывая, что нельзя отступать.

> *Мне кажется, оттаскивать детей от интернета не надо. Просто надо погружать туда интересный контент.*

Открытый в 2020 году музей «Зоя» посвящён памяти Зои Космодемьянской, всему её поколению и контрнаступлению советских войск под Москвой, а также нашему настоящему и будущему. Современный музей, который «говорит» с посетителем как с партнёром, не забывает прошлое, живёт настоящим и думает о будущем. Мы очень надеемся, что он станет площадкой для диалога людей разных поколений о подвиге, истории и будущем нашей страны. И в этой связи важно, что в пространстве музея проходят значимые мероприятия, презентуются новые проекты, проходят кинопремьеры.

> *Современный музей, который «говорит» с посетителем как с партнёром, не забывает прошлое, живёт настоящим.*

– Елена Михайловна, какие крупные культурные события планируются в Подмосковье? Всем очень полюбился фестиваль «Лето. Музыка. Музей» в «Новом Иерусалиме». Когда он планируется в этом году?

– Думаю, что мы всё намеченное проведём обязательно. Во-первых, фестиваль искусств имени П.И. Чайковского с 1 по 11 июля. Это уже визитная карточка Подмосковья.

Во-вторых, обязательно состоится наш амбициозный фестиваль «Лето. Музыка. Музей». Дата определена – 14–18 июля. Благодарю президента фестиваля Максима Исааковича Дунаевского и художественного руководителя Василия Петренко за партнёрство и динамичное развитие проекта.

Признаюсь, мы задумали расширить его и совместно с режиссёром Алексеем Франдетти сделать большой оперный проект. Впервые реализуем нашу идею в этом году. Надеюсь, получится.

В-третьих, 21–22 августа пройдут наши любимые «Джазовые сезоны» Игоря Бутмана. Раньше их проводили в июне, но в прошлом году в связи с пандемией смогли провести их только в августе. И нам очень это понравилось. Очень хорошо прощаться с летом таким семейным фестивалем.

Всего намереваемся провести 44 областных, всероссийских и международных фестиваля. Будут и премьеры. Например, фестиваль кинопесни им. Олега Анофриева и фестиваль «Графика города». Этот проект позволит каждому художнику внести свой вклад в окружающее городское пространство, преобразив бетонные стены ДК, библиотек, ДШИ в арт-объекты.

Молодёжь ждёт от нас помощи и внимания. И мы наконец-то развернулись к ней лицом. В прошлом году реализован масштабный проект «Пространство танца», финал которого с большим успехом прошёл 13 сентября в парке «Пехорка» в Балашихе. На открытой площадке были представлены 8 танцевальных направлений уличной культуры. В фестивале участвовали более 500 танцоров, причём не только жители Московской области, но и гости из 12 городов России. В состав судей вошли известные хореографы страны. В новом году проект станет всероссийским. Финал будет проходить два дня на территории трёх подмосковных парков.

– Вижу, существующее мнение о консерватизме провинции сильно преувеличено.

– Культурная жизнь в провинции иногда интереснее, чем в столице. Ведь дело не в том, кто где живёт, а в ментальности каждого человека, в его выборе быть современным или жить вчерашним днём.

Например, месяц назад в музее «Новый Иерусалим» открылась выставка работ Брейгелей. Вы знаете, несмотря на отдалённость музея, на строгие меры безопасности, билеты распроданы на месяц вперёд, потому что столь масштабная выставка династии Брейгелей реализована в нашей стране впервые. За месяц на ней побывали более 9 тысяч посетителей.

Работает множество творческих резиденций и арт-пространств. Например, Арт-коммуналка для художников и писателей в Коломне, «Восход» в Черноголовке – первое в России муниципальное арт-пространство. В Сергиевом Посаде открылся арт-центр Трикотажка Place, где будут проводиться мастер-классы по керамике, росписи по дереву и рукоделию. В Орехово-Зуевском городском округе открыт крупный волонтёрский проект – творческая усадьба «Гуслица», а на территории креативного кластера «Стачка» – пространство коллективной работы «Точка кипения», где занимаются smart-экономикой, креативной индустрией.

– И последний вопрос. Сейчас в нашу жизнь активно входит цифра, с этим ничего не поделаешь. Как цифровизация изменила вашу жизнь, как вы со всем этим уживаетесь, с огромным потоком информации?

– Интернет и социальные сети сделали нашу жизнь абсолютно прозрачной, открытой посторонним взглядам. Я очень доступна для своих подписчиков, всегда отвечаю на комментарии и обращения в директ.

Наверное, я, как и всё нынешнее поколение чиновников, отличаюсь от своих предшественников. В выходные я много гуляю, езжу на интересные выставки, на спектакли, читаю книжные новинки и слушаю разную музыку. Пытаюсь найти что-то интересное в современном мире. Самое главное – улавливать настроение общества и актуальные темы в культуре и искусстве для себя и для Подмосковья.

Беседу вёл
Максим Замшев

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА

Прозёванный гений

В тот солнечный мартовский день мы сидели с подругой в Брянском архиве, листали талмуды дел Орловской семинарии, искали следы Лескова-старшего или хоть какого-нибудь Лескова – отец писателя в этой семинарии учился, но и другие Лесковы наверняка. И вдруг услышали.

– Девочки, а вы тоже родственников ищете?

Седая женщина в очках, искавшая в метриках упоминания о своих родных, решила, что и мы здесь за тем же. Составляем своё генеалогическое древо.

Я ответила не задумываясь.

– Да, конечно! Лескова.

За годы, которые я провела с ним вместе, думала о нём, разыскивала подробности его жизни, Лесков действительно стал мне родным.

Родственников не выбирают, и биография одного из самых загадочных русских классиков тоже была не моим выбором. Главный редактор «Молодой гвардии» Андрей Витальевич Петров и тогдашний её сотрудник Сергей Александрович Биговчий, вдохновившись моей жэзээловской книгой о Константине Павловиче Романове, предложили мне написать о Лескове.

Что и понятно. Первая – и последняя! – биография его вышла в 1954 году, 60 с лишним лет назад, написал её сын писателя, Андрей Николаевич Лесков. С тех пор сменилась не одна эпоха, за это время про Николая Лескова открылось столько неизвестного. Но, подписывая договор, ни издатели, ни я, конечно, даже примерно не представляли себе, в авантюру какого масштаба мы пускаемся на этот раз.

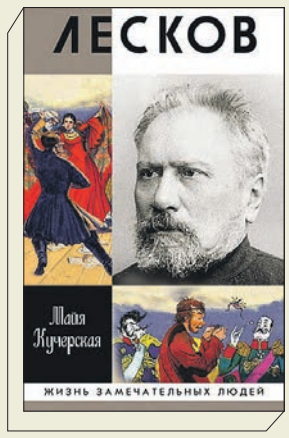
О драматических и комических подробностях её я ещё когда-нибудь расскажу, а пока замечу кратко, что, если бы не терпение и вера Андрея Петрова, что мы доберёмся до финиша, эта книга вряд ли была бы дописана.

Все последние годы я просыпалась с отчётливым ощущением, что на эту гору мне всё-таки не взойти. Тем не менее я поднималась и шла, и это неуклонное восхождение, от страницы к странице, от главы к главе, не обессиливало, напротив, помогало мне жить, не терять нить смысла и остро радоваться – каждой новой архивной находке, каждому новому микрооткрытию об устройстве мира Лескова. Потому что, как и всякий большой писатель, он, конечно, принёс в литературу свой диковинный мир – с такими же диковатыми «старинными» людьми, очень разными – чудными, святыми, злодеями.

Сам Лесков был далёк и от тех, и от других, и от третьих. Он очень любил Льва Толстого и его прозу, но при ближайшем рассмотрении оказался скорее героем Достоевского, страстным, безудержным, нервным, мистиком и даже прорицателем. Молоденького Чехова, например, он благословил на писательство – и угадал!

Мне было с вами наполненно, весело, жутковато и невероятно интересно, спасибо, Николай Семёнович, за эти годы. Не серчайте, если что.

Майя Кучерская



Майя Кучерская. Лесков.

М.: «Молодая гвардия», 2021, 622 с. – 3000 экз. (Жизнь замечательных людей).

Дорожные сны

Чудная вещь старая сказка!
Н.С. Лесков. Соборяне

Проводы

Юноша спит, слегка посвистывая во сне. Новенький суконный картуз сполз на нос – из-под широкого козырька видны только тёмные усы, круглый подбородок в прозрачной поросли, губы – пунцовые, пухлые.

Ветерок омывает лицо и шею, в скулу бьёт вдруг тугая пуля – очнувшийся шмель или муха; юноша вздрагивает, сдвигает картуз, поводит сонными испуганными глазами. Вдоль обочины толпятся берёзки в лёгком сиянии первой листвы, в облачках птичьей болтовни. За берёзками – распаханное поле. По острой зелёной травке всходов удивлённо расхаживают чёрные грачи.

Даль ясна, как бывает лишь ранним утром в мае; дорожная лента видна на много вёрст. Пыль прибил мимолётный дождь на рассвете, колёса стучат глухо, бубенчик погромыхивает в такт. Юноша клюёт носом вместе с другими пассажирами пожилого тарантаса, едва вместившимися в эту «помесь стрекозы и кибитки», как изволил пошутить один полузабытый сочинитель – тень его ещё мелькнет на страницах нашего повествования. Тот тарантас, впрочем, скрипел на русских ухабах много раньше, теперь же на дворе 1850 год.

Кавказская война идёт на убыль, имам Шамиль уже готов сдаться русским.

Лев Толстой твёрдо решает покончить с беспутной светской жизнью, делать гимнастику и вести дневник.

В столице начинаются гонения на философию: польза от неё не доказана, а вред возможен.

В петербургском Дворянском собрании проходит последний в сезоне бал, а в ночи маскарад, цена билета на маскарад – два рубля.

Достраивают Николаевскую железную дорогу. Достоевский только что отметил свою первую в Омском остроге Пасху.

Тургенев нарисовал толстую собачку в письме Полине Виардо.

Днепр освободился от ледяных оков, англичане вновь с жаром принялись за строительство моста.

Газета «Северная пчела» сообщила о рождении козлёнка с ястребиной головой.

Юноша сладко спит. По устам его скользит улыбка, словно и во сне он помнит, что едет в далёкое, взрослое путешествие, в чудный Киев, к дядюшке.

Остаётся лишь скользнуть беззвучно сквозь густой ресничный лес, заглянуть по ту сторону дрожащих век нашего героя, отметив по пути: сыровато, уж не пустит ли он вот-вот слезу?

Ба, да он на пиру! Сизый табачный дым стелется над столом с остатками закусок, лепится клоками к жёлтеньким обоям, заслоняет дешёвую народную картинку. Кто там? Бова на коне, Еруслан на хвостатом драконе? Не разглядеть. Возле стены – батарея пустых бутылок, одна прилегла – сил стоять нет. Гости расшумелись, раскраснелись, поют.

Дым столбом – кипит, дымится пароход... Православный веселится наш народ!

Регентует чернокудрый Евген, стоит посреди комнаты, густым голосом ведёт неумелый хор. Глистовидный Георгиевский в коричневом франтове, добытом по случаю на Ильинке, вьётся рядом, машет руками, совсем не в лад. Рябоватый Лавров, Жданов с красной шишкой на скуле оседлали стулья и скачут. Гладко выбритый Вася Иванов, дядька Опанас в вышиванке поют тоже. *И быстрее, шибче воли мчится поезд в чистом поле!*

Ни один из них в настоящем поезде пока не ездил, поезда не видал. Только через 20 лет дотянется до Орла железная дорога. Но песня весёлая, тема в масть.

Один хозяин не поёт, стоит, опершись о дверной косяк, смотрит, будто издалека. Ему тянет душу: хоть и рассказывал всем, будто покидает Орёл на месяц-другой – поглядеть на Киев, осмотреться, знал – не вернётся ни за какие пряники, вцепится в скупое дядюшкино гостеприимство зубами, и... ни за что. Глохлый, прогорелый город, прощай.

Не задорный мальчишник это, не проводы – похороны. Никогда больше ему не пить с ними, не петь, не ворочать в канцелярии пыльные связки дел, не кунать перо в помадную банку с чернилами, не курить на дворе под анекдоты и молодецкий гогот.

...Только зачем же лошади скачут мимо, под густой окрик ямщика, почему захлёбывается колокольчик?

(...)

Голова раскалывается, во рту мёртвая послепопоечная сушь. Юноша судорожно сглатывает, снова ныряет в забытьё. Слышит сквозь дрёму, как соседи знакомятся и сейчас же сближаются друг с другом, как умеют сближаться в дороге одни лишь русские люди.

Звучит раскатистый смех, льются-переливаются слова – «вещество», «воровство», «погуливать»...

– ...Где народ, там и воровство, – рокочет сочный купеческий голос.

– Ну, нет-с. У немцев воровства не бывает. Мне артельщики из Петербурга сказывали, – сыплет звонкий тенор. – И у шведов нигде не встретишь.

– Брешут, – обрывает купец.

– Чего им брехать? Брешет брох о четырёх ног.

Брох, чёрный молодой пёс в ржавых подпалинах, привязан на базарной площади к телеге, дышит тёплым паром; по вытоптанному на площади снегу шагает гусь, глинистого окраса, любимец протодьякона. Навстречу ему – белый крепыш квартального. Слышится яростный гогот, рыжий пух вспархивает над бойцами, но внезапно меркнет ясный снежный свет...

Он опять в тарантасе, кудрявый сосед тормошит его и странно булькает горлом.

– Гы-гы-гы. Вот так спит, хоть в гроб клади...

– Рано ещё совсем, рано, – бормочет юноша.

– Неравна рана, иная рана бывает с полбарана, – слышит он в ответ и не понимает ни слова. – Вылезай, говорят, прибыли! То-то и оно, что не убыли, а прибытку-то всякий рад.

Юноша окончательно просыпается. Смотрит на балагура. Глаза у юноши – чёрные, злые, на дне плещет досада. Такой оборвали сон... А вдруг протодьяконский одержал бы верх!

Тройка стоит возле дверей неказистого заведения, сильно вытянутого и деревянного. У склонённого набок крыльца яростно чешется по-весеннему грязный пёс, не обращая внимания на новых посетителей. Все уже заходят в трактир.

– Как прикажете величать?

– Николаем, – хмуро цедит молодой человек и добавляет через паузу: – Семёнов сын. Пить охота!

– Николай Семёнович, – с иронией в голосе повторяет приказчик. – Ну а я Судариков буду, Никита Андреевич, из Нижнего. Ехали долгонько, решили заглянуть в заведение. Не угодно ли будет... Вот и попьёте. ■

Старинный город

Гусиными и кулачными боями в Орле развлекались издавна; об этом Николаю рассказывали и дед, и отец. Но и во времена его детства город жил ещё по-старинному.

«Табашников» презирали, бабушка по материнской линии Акилина Васильевна Алферьева плевалась и крестилась при одном только слове «табак». И торговала табаком единственная лавка в городе. Трактир тоже был долгие годы один, и, если кто из молодых парней туда заглядывал, такого клеймили «трахтиршыком». Что значило: тьфу, в женихи не годится! Полиции в городе не было, караулили сами жители: ходили вокруг и стучали колотушкой, опасаясь не воров, а пожаров.

Старинная сказка глядела, чуть насупясь, из каждого окошка в наличниках, подперев кулаком голову в чепчике, завязанном под подбородком бантиком.

Акилина Васильевна помнила, как в Орёл прибыли пленные французы – голодные, рваные, замотанные в тряпьё, «косматые, яко звери». Их жалели, подавали хлеб, кидали одежду, но принимать басурман на квартиру боялись – пленных опередил слух, что они заразные, оттого мрут. На ночь французов загнали в нетопленые казармы, наутро половину повезли хоронить.

Нашлось доброе сердце, повивальная бабка Василиса Петровна. Жила она на краю Новосельской заставы и на собственный вкус выбрала себе несколько самых жалких пленников. Поселила их в своем доме и ухаживала, как за родственниками. Гнать французов дальше не торопились, так что вскоре Василиса истратила на их содержание всё, что имела, и начала ходить по городу, собирать постояльцам на пропитание. Акилина Васильевна обязательно ей подавала.

Когда постой кончился и её пленных «робят» вместе с другими повели из города, Василиса расколола всю посуду, которой они пользовались, на мелкие черепки и выкинула в поганую яму. Есть из плошек, из которых ели «нехристи», она не собиралась.

Кое-кто из доходяг остался в Орле – учить дворянских детей. Когда в 1825 году в город проездом из Таганрога в столицу был доставлен гроб с телом императора Александра, все рассеявшиеся по Орлу и ближайшим поместьям французы собрались на панихиду в собор. И не так уж мало их оказалось; отец шутил, набралось бы на полковой оркестр.

Собственный дом Лесковых стоял на Третьей Дворянской улице – в зелёном, живописном месте, третьим от реки Орлик, в самой чистой части города, где располагались казённые здания и жило «общество». Между прочим, на Второй Дворянской когда-то проживал крепкий старик с огромной, вросшей в широкие плечи головой, на которой белые волосы стояли дыбом. «Голова тигра на геркулесовом торсе», – сказал о нём Пушкин, заглянув однажды к нему в гости. То был «неудобный русский человек», генерал Алексей Петрович Ермолов, легендарный покоритель Кавказа. Пушкин заехал к нему в 1829 году, до рождения Лескова, а вскоре генерал покинул Орёл, хотя впоследствии ещё приезжал сюда – навещал могилу отца. На том же кладбище, по собственному завещанию, был погребён и сам 85-летний генерал. Он не раз потом попадал в сочинения писателя Лескова – и в роман «Некуда» под именем генерала Стрепетова, и в статьи о «Войне и мире» Толстого, и в заметки «Пресыщение знатностью» и «Геральдический туман», а напоследок стал героем отдельного биографического очерка.

Неподалёку от генерала жили подполковник Дмитрий Николаевич Тютчев (дядя поэта), Василий Петрович Шеншин (двоюродный дед другого поэта, Фета), в подаренной супругой орловской усадьбе бывал Сергей Николаевич Тургенев (отец писателя). Как с тайной иронией выразился однажды Лесков, Орёл «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город». В своё время те же «мелкие воды» вспоят ещё двух знаменитых русских писателей – Ивана Бунина и Леонида Андреева.

Отец нашего героя, Семён Дмитриевич Лесков, приобрёл в Орле одноэтажный деревянный дом в августе 1832 года, как только выхлопотал себе должность заседателя в Орловской палате гражданского суда и начал получать регулярное жалованье. Семейство его – супруга Мария Петровна и младенец Николай, – жившее до этого у родных жены в сельце Горохове, впервые обрело собственное гнездо.

Обвенчались Семён Дмитриевич и Мария Петровна за два года до этого, в 1830-м, на Красную горку, в приходском храме села Собакина, оно же Архангельское (село называли и так, и эдак – то по имени владельцев, то по названию расположенной здесь же церкви Архангела Михаила).

Жениху было уже 39 лет. Он успел и помыкаться, и послужить, и поездить по России. Невесте, которую он ещё недавно обучал наукам как домашний учитель, исполнилось семнадцать.

Первенец Николай появился на свет 4 февраля 1831 года в Горохове. Мать его сама ещё выглядела красивым милым ребёнком. 11 февраля Николушку крестили в храме, где венчались его родители. Обряд совершил тот же священник Алексей Львов, старый знакомый семьи. Восприемником согласился стать Михаил Андреевич Страхов, крупный помещик и большой сумасброд, выражаясь прямее – человек ужасный и, возможно, безумный. Михаил Андреевич, глядевший, как священник окунает младенца в воду, и морщившийся от жалкого писка, даже в дивном сне не мог увидеть, что память о его диких выходках и тиранстве не растворится навек в едких водах неумолимой Леты, бессмертие он получит из рук вот этого красного пискуна, который, едва его вынули из купели, пустил лимонную струйку прямо на рясу батюшке. ■

Лестница в небо

Киев отогрел. Полыхнул куполами, окатил мягким жаром южного края, раздвинул зрение ширью просторного университетского города.

Киевские островерхие тополя по сравнению с орловскими липками показались Николаю великанами. Толпа, заполнявшая вечерами улицы, словно вечно праздновала что-то, нарядная, говорливая. И так же пёстро, непривычно она звучала: малороссийский напев мешался с польским пришепётом, русский говор с еврейской картавостью. По вечерам то и дело из раскрытой рамы, из палисадника выпархивала песня. Из трактиров неслись крики шумно гулявших буршей – так здесь звали студентов-старшекурсников. Кареглазые дивчины глядели украдкой, но держались намного свободнее великоросских.

И пахло здесь иначе – акации росли прямо у стен дядюшкиного дома и наглухо закрывали окна. Едва Николай приехал, почки как по команде выстрелили белыми цветками. Сладкий дурман проникал по вечерам в комнату, Лесков засыпал под него. Но и снаружи дышалось по-другому: ароматы цветущих вишен, персиков, каштанов составляли странную вкусную смесь, здешний «воздухец» можно было глотать и «кушать» (этот съедобный воздух он вставит потом в одну свою повесть).

Всюду, в любых гостях киевляне угощали борщом, наливкой, домашним вареньем, которое считали особенным, обязательно хвастались рецептом – «поди не орловское», «не то что у москалей»!

Впрочем, первые недели Николаю было не до визитов – он буквально бегал по городу: с Малой Житомирской, где жил, мчался вверх, к Софии. Ликовал от покойной мощи византийской архитектуры, удивлённо впитывал тихий свет человеческого достоинства, льющийся от ликов на фресках прозрачной волной, не слушая, что там объясняет бывалый хохол паломникам, разинувшим рты. Глядел на цветные мозаики в куполе, подпевал стройным литургийным песнопениям, твердил, как в полусне, забыв себя: не вемы, на небеси ли есмы были или на земли. Приложившись к кресту и иконам, выбирался из храмовой прохлады в уже отогретый солнцем город, шёл гулять.

С паперти церкви Андрея Первозванного открывался вид на Подол с узенькими переулками, грязными площадями, низенькими домами и неутихающим движением.

Подол был гоголевский, и ничто, казалось, не изменилось здесь со времён богослова Халявы и философа Хомы Брута. Так же на Контрактовой площади у резервуара с водой стояла выкрашенная яркой масляной краской деревянная статуя голого человека, разжимающего пасть дикому зверю размером с собаку – это Самсон побеждал льва. Как и прежде, толпились возле старинного фонтана хохлы в смушковых шапках и с длинными усами, насупленно дивясь подвигу библейского богатыря. Сновали с тетрадками под мышкой бурсаки – Киевская духовная академия так и располагалась при Братском Богоявленском монастыре. Шумел неподалёку от монастыря рынок, распространяя манящие ароматы. Громко зазывали прохожих торговки, чуть не в лицо тыкая свежие бублики, булки и маковники.

Под благовест лаврской колокольни Николай шагал на Андреевский спуск, по набережной, разглядывал суда, скользившие по Днепру, шёл сквозь царский сад к Печерской лавре.

Не сразу он добрался сюда. Всё не складывалось, всё как-то не получалось. Наконец сподобился. Истории из Киево-Печерского патерика мать читала ему на ночь, и чуть не всех подвижников он помнил по именам. Прохор Лебедник, умевший хлеб из лебеды делать сладким; силач Моисей Гробокопатель; иконописец Алипий; Моисей Угрин, облегчающий плотскую страсть. Все – богатыри, чудотворцы, наивные и святые, как большие дети. Давно они были ему родные, свои. Но, сойдя в пещеры, Николай оторопел.

Как потерянный бродил в полумраке, не разгоняемом дрожащими огоньками лампад, прикладывался к мощам и старался не глядеть подолгу в строгие лики: стыдно, как в детстве, – до жара, до слёз. Не без облегчения вернулся на свет божий и, ободрясь, зашагал навстречу снисходившим к слабостям человеческим деревянным домикам Печерска.

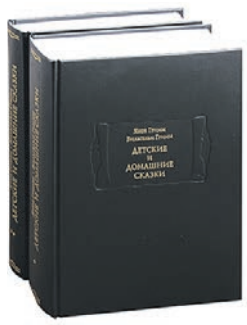
Разгул здесь был совсем не орловский – горячий, ласковый.

Чистенькие окошки с горшками красного перца и бальзамина под кружевом зашпиленных занавесок глядели кротко, но весело. На крышах грелись голуби, во дворе хлопотали куры, гоготали гуси. Местные куртизанки принимали гостей «по-фамильному», с домашней простотой, казачьим хлебосольством. Гости приносили угощение – горилку, колбасу, сало, рыбицу, девушки в ответ готовили пир, который продолжался до рассвета, строго до второго звона в Лавре. Едва колокол ударял второй раз, казачка крестилась, громко произносила: «Радуйся, Благодатная, Господь с тобою», – бестрепетно выгоняла гостей и гасила огни. На местном наречии это называлось «досидеть до Благодатной».

И всё было можно, и всё хорошо, а что не благословлено, то прощено всемилостивым Господом. Мир повернулся наконец к Николаю лицом, сотней лиц, одно другого краше. Все смотрели на него, и все ему улыбались: удалая дивчина с ямочками на щеках; сухопарый лёгонький богомаз из Печерского монастыря, взобравшийся под самый купол храма; усердный старовер из «шияновских нужников»; университетский профессор с ироничным взором сквозь пенсне; нахохленный, голодный студент – бесстрашный забияка кабацких побоищ; исхудалый паломник с чёрными страшными ногтями на руках, прошедший по обету три сотни вёрст пешком. ■

КНИЖНЫЙ РЯД

Золотое перо



Якоб Гримм, Вильгельм Гримм. Детские и домашние сказки: В 2 кн. / Изд. подг.: К.М. Азадовский, Р.Ю. Данилевский, Е.Е. Дмитриева. – М.: Ладомир: Наука, 2020. – Кн. 1. – 872 с., Кн. 2. – 440 с.: ил. – 500 экз. – (Литературные памятники / РАН).

В двухтомник вошли собранные известными немецкими фольклористами братьями Гримм сказки и легенды.

Сказки в переводах К.М. Азадовского дополнены статьёй филолога-германиста Е.Е. Дмитриевой и глубоким, ёмким комментарием, позволяющим проследить путь каждого отдельного произведения и его место в общей канве мирового фольклора. Например, о тексте «Золотая птица» говорится, что его начало «напоминает зачины русских народных сказок об Иванушке-дурачке». Далее читаем: «Братья Гримм считали, что эта сказка содержит в себе отголоски «прагерманского мифа», а мотив золотого пера восходит к тому же источнику, что и кельтское сказание о Тристане и Изольде, получившее распространение в XII веке в форме рыцарского романа «Тристан» («Tristan»), по сюжету которого птица приносит главному герою золотой волос его возлюбленной». Ещё одно преимущество двухтомника – богатый иллюстративный материал: фотографии, литографии, гравюры...

Издание выпущено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и предназначено для широкого круга читателей.

Алиса Соколова

ЛИТИНФОРМБЮРО

Литпамять

В день 130-летия со дня рождения Осипа Мандельштама в Екатеринбурге состоялось открытие мемориальной доски в фойе местного железнодорожного вокзала. Скульптор Николай Предеин изобразил в бронзе профили Осипа Эмильевича и сопровождавшей мужа Надежды Яковлевны Мандельштам. Именно здесь, на Свердловском вокзале, в 1934 году ждали они этап к месту ссылки в Чердынь. Выступавшие на открытии вспоминали слова поэта: «Любимого никто не отнимет». Памятный знак создан на средства общественных организаций и почитателей выдающегося таланта Поэта и его верной Музы.

Литвыставка

До конца января в Белгородском государственном художественном музее будет работать выставка «Портрет писателя». На ней представлено более тридцати портретов: фронтовиков В. Жуковского, Л. Малкина, В. Шаповалова, Н. Овчаровой, поэтов И. Чернухина и В. Белова, в своё время возглавлявших региональную писательскую организацию, ныне здравствующих Б. Осыкова, В. Волобуева, В. Колесника, В. Черкесова и других. ■

ПРОЗА

Ключ потерялся

И вновь на страницах «ЛГ» – произведение лауреата Всероссийского литературного конкурса для детей и подростков «Класс!».

Андрей Никоноров,
Жуковский

– На том повороте надо было сворачивать.

– Нет, на этом!

– Я здесь штурман.

– Дай карту!

– Да подавись...

Прекрасны российские дороги... Особенно летним вечером, когда проносятся мимо бескрайние поля, на которые ложится свет закатного солнца.

– Лёх, он сколько учится, а так и не научился карты делать!

– Это ты их читать не научился, дурень. Не гони на Саню!

– Ты баранку крути, а ртом молчи!

– Я-то водить умею, а от тебя никакого толка.

Три студента геофака – Тоха, Лёха и Саня – ежегодно устраивали друг другу квест: один рисовал карту местности, а двое искали по ней тайники с буквами – ключом – названием места, куда нужно было попасть. Что ещё нужно скучным летом?

– Он уточнял, где нам чётвертую букву искать?

– Сказал, будто из Лермонтова: «У свежего ключа за каменной стеной».

– Высокая душа... Куда нам!

– Только мы потерялись.

– Не мы потерялись, ключ потерялся! – заключил Лёха.

Сегодня ребята проехали немало и нашли уже три буквы – «о», «п» и «а». Сейчас они искали четвёртую букву из пяти.

Смеркалось, когда переехали через мост. Речка лениво уходила за поворот, купола церквей парили над домами. По обе стороны дороги калейдоскопом кружились невысокие дома – перед путешественниками расстилался город Суздаль, и тут...

...машина заглохла.

Нет, бывает же так! Вечер, незнакомое место, заглохшая машина...

Лёха кое-как съехал на обочину. Ребята вышли. Расстроенный водитель открыл капот, яростно шепча:

– Ты кто такой, чтоб это делать...

Тоха же нервно взъерошил волосы и осмотрелся. Домики, похожие на купеческие, узкая улица, над деревьями и домами – купола. Прохожих никого, только одиноко торгует чем-то бабушка.

Лёха раздосадованно хлопнул крышкой капота и пошёл доставать вещи из багажника.

– Бабушка! А где здесь переночевать можно?

– Как где, милок! Через два дома гостиница... а вот сбитень, попробуй, сама варю!

* * *

Солнце отсвечивает от позолоченного купола церкви и бьёт Тохе прямо в левый глаз. Туристы гуляют, глазеют по сторонам. Местные пытаются всучить сувениры или зазвать на экскурсию.

Ребята же искали мастера по ремонту автомобилей. Как назло, с этим в Суздале был дефицит.

– Вот чего я тебя послушал, сидел бы сейчас дома, нет, традиция... поехали родники искать чёрт знает где! – Антон нервно ерошил волосы.

– Ты не о себе думай, а о том, что нам делать с машиной!

– Извините! – разговор парней прервал голос.

Ребята обернулись. Машина их заглохла недалеко от гаража, возле которого стоял мужчина кавказской наружности.

– А что у вас с машиной?

– Да вот, сами посмотрите.

Лёха открыл капот, мужчина оценивающим взглядом пробежался по внутренностям машины.

– Ну, могу вам сделать к завтрашнему дню.

– Отлично, только у нас почти нет денег...

– Да сколько дадите, чего уж.

Не веря своему счастью, парни торопливо дотолкали машину до гаража.

* * *

Солнце высилось над Суздалем, день только начинался.

Друзья вспомнили, что ещё не завтракали, и отправились в ближайшую «Пятёрочку» за традиционной едой студента: хлебом и кефиром.

В кассу была большая очередь. Какой-то мужчина громко ссорился с продавцом:

– Да ты мне недодала три рубля сдачи!

– Проверьте по чеку! Вот деньги, вот сумма!

– Какие деньги?

– Которые я вам отдала!

– Ничего ты не отдала!

– Ты кто вообще такой, чтобы тут считать...

– Михал Палыч.

– Какой Михал Палыч?

– Терентьев.

После долгих уговоров охраннику всё-таки удалось увести Михал Палыча на выход.

Очередь стала двигаться быстрее, скоро географы уже вновь оказались на крыльце магазина. Тоха жевал свежую булку, Лёха пил какой-то йогурт со злаками.

– Нет, ну вот что за беспредел! Я вообще-то уважаемый человек в городе! Каждую здесь трещину знаю! А они...

Михал Палыч сидел на ступеньках магазина.

– Да чего вы по такой мелочи-то? – обратился к нему Антон.

– Вы понимаете! – продолжал бушевать Терентьев. – У меня дед почётный экскурсовод, отец краевед, мать рековед, и я – уважаемый в городе! Один из лучших экскурсоводов... А они вот так со мной обращаются! Мою честную фамилию позорит хабалка за прилавком! Горе тебе, Суздаль... придёт и к тебе со Средиземного моря тьма... Я – гид! Как покажу город, так и запомнят!

В голове у Лёхи вдруг проскользнула мысль.

– Слушайте, а у вас нет в районе какого-то знаменитого ключа?

– Ключа?

– Родника.

Михал Палыч вскочил:

– Да, конечно! Ключ, да... есть! Знаю. А зачем вы спрашиваете?

– Есть у нас задание, – сказал Тоха, доедая булку, – добраться до него.

– Могу предложить вам стать проводником. За символическую сумму! Парни переглянулись. Отступать было поздно.

Выехать из города на автобусе удалось только под вечер. По словам «краеведа», дорога занимала всего ничего, но ребята были не против ехать и дольше – русская природа завораживала.

Трое вышли на остановке «Вевь».

– Теперь по тропе через лес, и скоро вы на месте... мы на месте!

В густом лесу становилось всё темнее. Ребята шли молча, и лишь их проводник неумолкаемо вещал:

– Думается мне, что смог за время жизни в этом городе понять суть Русской идеи. Ни Бердяев, ни Достоевский ничего не поняли. А я понял!

– И что же вы поняли?

– Знаете... – Михал Палыч помолчал многозначительно. – Мне кажется, что русская душа – это что-то очень поверхностное. Все эти купола, берёзы... и есть душа наша, и мы разливаемся в ширину. А мама моя – рековед – говорила: если река широкая, то мелкая... Вот и мы, разлились внешне – широко-широко, а вот только мелко... и мелочные мы. За каждую копейку удавимся!

Ребята усмехнулись, вспомнив магазин.

Стало совсем темно. Путники выбрели на поляну – окаймлённое деревьями тёмно-синее небо светило им звёздами и молчало. Да разве может у такого мелочного народа быть над головой такое глубокое небо?

– Так! Подождите здесь, мне нужно понять, куда идти дальше, – «экскурсовед» попятился назад, – плохо помню дорогу.

Тоха и Лёха переглянулись и стали ждать.

Шло время. Терентьев не возвращался.

– Слушай, мне кажется, что он нас кинул...

Лёха кивнул, соглашаясь с другом:

– Ещё полчаса подождём. Не придёт – выбираться будем.

– А у меня телефон сел.

Лёха проверил свой. Нет сети.

Ночь наступала.

* * *

– Вот чё ты с этим Терентьевым говорить начал?

– Конечно, давай всех собак на меня спустим! Нечего вообще было ехать в этот квест. Сане-то хорошо, он дома...

– Как ты меня достал!

– Я сейчас возьму и пойду куда глаза глядят. Останешься один!

– Ты кто такой, чтоб это делать!

В кустах напротив послышались шорохи. Парни притихли и почти синхронно перекрестились.

Из кустов вышел небольшого роста старичок. В темноте были хорошо видны его белая одежда и деревянный крестик на шее. В левой руке он держал корзину, другой рукой опирался на сучковатую палку.

– Вы чего ссоритесь, ребята? На весь лес слышно...

– А вы кто? – спросили парни хором.

– Я тут недалеко живу. Местный, суздальский.

– А нам бы как раз... вернуться...

– Заплутали! Эх, братцы. Источник – он же в монастыре.

– Какой источник?

– Который вы ищете.

Географы переглянулись.

– А откуда вы знаете?

– Да вы сами сказали!

Желание выбраться затмило все остальные мысли. Старичок был таким разговорчивым, что парни сами не заметили, как послушно пошли за ним.

– Ключ тот в монастыре местном. Здесь недолго идти, провожу, – старик зашагал по тропинке.

– Меня Иваном звать, – продолжал он. – Сегодня ночка такая славная, решил сходить за ягодами. Иду, значит, слышу – разговоры. Я и удивился: ночью, в лесу... пошёл на звук, а тут вы.

Светало. Ночные птицы пели тише. Небо снова заиграло красками.

– Путешествовать – это хорошо! Посещать святые места, узнавать о великих подвижниках... Счастье – жить в такой широте! – вдруг сказал Иван.

– А нам сегодня сказали, что человек русский широк только внешне, в душе он – мелок.

– И кто вам это сказал?

– Тоже местный.

– Вы не слушайте. У многих русских сейчас потерялся ключ от русской души. Таким нужно помогать, чтобы они смогли найти внутри себя свет. Когда не останется на Руси ни одного закрытого человека, то всё станет так, как должно.

Путники вышли в поле. Солнце мерно выкатывалось из-за холмов. На смену тропе пришла старая асфальтовая дорога, которая упиралась в деревянные ворота монастыря.

– Пришли. Там о вас позаботятся.

Алексей постучал в ворота. Ему открыл невысокий монах.

– Вы как здесь, путники?

– Всю ночь плутали по лесу, нас вот дедушка вывел сюда.

Ребята обернулись, чтобы указать монаху на спасителя Ивана, но никого не обнаружили – дорога была пуста.

– Дедушка, значит... – монах улыбнулся. – Что же, заходите.

Парней накормили свежим хлебом и отвели к ключу. На камне рядом с источником было высечено: «Святителю отче Иоанне, угодниче Христов».

– Буква «с»!

– Думаешь?

– Да. Тогда что получается?

– «П», «о», «с», «а».

– Посад.

– Похоже, в Посад нам нужно... без буквы «д».

После посещения источника ребят пригласили на службу в храм.

Тоха и Лёха с любопытством осматривались. Собор был непохож на те, что они привыкли видеть в столице. Лики на иконах были живые, светлые. На одной из них надолго остановился взгляд Тохи.

– Лёш, – прошептал тот.

– Чего?

– Посмотри... третья слева икона.

В изображённом святом ребята узнали выведшего их из леса старца. Надпись гласила: «Иоанн, епископ Суздальский».

В собор через окна проникал мягкий солнечный свет. Пахло елеем, монахи совершали утренний молебен, а с икон на это смотрели святые, столпы православной веры. За стенами храма просыпалась родная страна.

* * *

Вечером географы подошли к гаражу. Бессонная ночь давала о себе знать: сил почти не было, но на душе у ребят было радостно. Всё позади. Впереди – Сергиев Посад.

– Как обещал, всё сделал, – мастер открыл двери гаража. Машина была снова на ходу.

Ребята не поскупились, заплатив за работу. Утро оставило на них светлый отпечаток, думать о деньгах не хотелось.

– Теперь поедем сразу в конец, без последней буквы? – Тоха разместился на своём месте штурмана.

Лёха молчал и шарил по карманам, затем вылез из машины и что-то спросил у мастера. Тот покачал головой. Лёха порылся в сумке, осмотрел гараж и молча вернулся.

– Ты чего? – Антон слегка толкнул его в плечо. Лёха повернулся и, растерянно улыбнувшись, ответил:

– Знаешь, ещё не время нам в Сергиев Посад.

– Почему?

– От машины... ключ потерялся. ■

Продолжаем публиковать произведения лауреатов конкурса «Классики и современники» за 2019–2020 гг. (совместный проект «ЛГ» и Российского союза писателей). По итогам четырёх сезонов (Чеховского, Бунинского, Толстовского и Гоголевского) 3-е место в номинации «Проза» заняла Наталия Ячеистова.

Прошлым летом в Париже

Рассказ

Наталия Ячеистова

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Автор двуязычного поэтического сборника «Голландские изразцы/ Nederlandse Tegels», книг прозы «Туманган», «В закоулках души», «Рассказы за чашкой чая», романа «Остров Белых» и фотокниг «Незнакомка в тумане» и «Мне мил Милан». Произведения публиковались в журналах «Свет столицы», «Пражский Парнас», «Притяжение», «Параллели» и др. Награждена дипломами Академии поэзии, Всероссийского творческого конкурса «Моя Москва», II Международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг». Живёт в Москве.

– А согласитесь, это вино две тысячи третьего года весьма неплохо. – Красовский взял со стола бутылку шабли, повертел её в руках и долил вина себе и Сомову. Тот, пригубив бокал, кивнул.

Красовский, худощавый и подтянутый, выглядел моложе своего возраста; если бы не седина, успевшая посеребрить его виски, ему нельзя было бы дать его пятидесяти лет. Сомов, напротив, был рыхл, грузен, страдал одышкой и приступами гипертонии. Они сидели на открытом балконе ресторана, расположенного на втором этаже старинного особняка на Гончарной. Сентябрь выдался тёплый, солнечный, и администрация ресторана не спешила убирать столики с балкона по окончании сезона. Отсюда, с вершины одного из московских холмов, открывался прекрасный вид на старокупеческую часть Москвы, каким-то чудом уцелевшую фрагментами до наших дней.

Красовский и Сомов были знакомы уже много лет, но встречались нечасто – примерно раз в месяц обедали вместе, при этом место встречи обычно выбирал Красовский, считавший себя знатоком столичной кухни. Во время таких встреч Красовский, работавший в министерстве промышленности, делился со своим товарищем последними новостями бюрократической жизни, а тот, в свою очередь, подпитывал его своими идеями и проектами, которые он разрабатывал в своём научном центре. Отношения их были скорее взаимовыгодными, нежели дружескими, что не мешало им проводить время в приятном общении.

– А вы давно были последний раз во Франции? Как вы вообще относитесь к Парижу? – спросил вдруг Красовский своего визави.

Сомов молчал, глядя на неровные крыши убегающих вниз по улице светлых особняков. От выпитого его разморило на припёке, и он был не склонен сейчас к оживлённой беседе. Всё, что ему хотелось, – это неподвижно сидеть, глядя на утопающую в лучах полуденного солнца Москву.

– Нормально отношусь, – наконец ответил он, не меняя позы. – Красивый город, мы были там с семьёй пару раз.

Сомов не стал уточнять, что в Париже он был лишь проездом: один раз, когда летел с пересадкой на конференцию в Алжир, а другой – когда путешествовал с семьёй на машине по Европе. По сути, это ничего не меняло: за краткое время он успел составить собственное представление о городе, который хоть и поразил его своей красотой, но показался слишком шумным и преисполненным снобизма.

– А я вот, представьте, до недавнего времени был просто фанатом Франции, – ответил Красовский, снова наполняя свой бокал. – Ездил туда при каждом удобном случае – и по делам, и в частном порядке. Всё восхищало меня там, Париж казался красивейшим городом мира. И дело даже не просто в красоте, хотя и в ней тоже – столь роскошных бульваров, домов, элегантных людей не встретишь больше нигде, но главное – это чувство эйфории, которое внезапно, бессознательно, охватывало меня каждый раз, когда я оказывался в Париже. Я не мог надышаться его воздухом, бродил как пьяный целыми днями по городу. Присаживался за столик на улице в какомнибудь кафе, заказывал бокал вина или чашку кофе и часами наблюдал за проходящей публикой. Что за парад мод! Что за театр! Какие типажи! Я воодушевлялся, забывал об убожестве нашей совковой жизни, начинал чувствовать себя счастливым...

– И что же случилось? – перебил его Сомов, вытирая лоб салфеткой. – Ведь, насколько я уловил, произошли какие-то перемены?

– Да, – ответил Красовский. – В прошлом году я снова побывал летом в Париже – и, похоже, в последний раз.

– Так что же всё-таки произошло? – уже с интересом взглянул на него Сомов. – Пресытились, что ли?

– Можно сказать и так. В каком-то смысле да, – ответил Красовский. – Ну вот послушайте, может, вам будет интересно. В прошлом году я оказался в Париже в командировке в августе. Обычно в это время вся деловая жизнь там замирает, но тут у нас организовалось какое-то заседание по металлам, и я, конечно, не стал отказываться, когда меня включили в состав делегации. С рабочими вопросами мы разделались быстро: исключительная жара, стоявшая в ту пору, способствовала быстрому нахождению консенсуса с французами. После подписания итогового протокола у меня оставалось ещё два дня выходных, которые я намеревался потратить с удовольствием, обычным для этого города.

– Вино, устрицы, женщины... – понимающе подмигнул Сомов.

– Ах, бросьте, пожалуйста. Не тот уже возраст, – ответил Красовский, разглядывая на свет свой бокал. – Так вот, помню, была суббота, и я отправился в Центр Помпиду[1] – прогуляться и взглянуть на какую-то проходившую там современную выставку. Думал подъехать на метро, но нужная ветка оказалась закрытой, такси тоже невозможно было взять из-за забастовки работников транспорта. Так что я направился в Бобур[2] пешком. Город я знаю хорошо, и прогулки по нему всегда были мне в радость. Но тут я вскоре почувствовал жуткую усталость: видимо, сказывалась невероятная жара, термометр доходил до тридцати пяти. Спина у меня взмокла, рубашка прилипла к телу, горло пересохло. Впервые я чувствовал себя в этом городе нехорошо. По обочинам улиц громоздились баки с неубранным вследствие забастовки мусором. Париж, под завязку заполненный туристами, казался грязным и душным. Кое-как добрался я до набережной Сены и зашёл в первое попавшееся бистро. Есть при такой жаре не хотелось, я заказал холодного пива. Зайдя в туалетную комнату, снял с себя рубашку и подставил голову под струю холодной воды. В общем, кое-как привёл себя в порядок. Когда я вернулся к своему столику, кружка с пивом уже ждала меня, и я залпом выпил её содержимое.

– И что же? – вопросительно взглянул на него Сомов. – Пиво оказалось тёплым или отравленным?

– Нет, не так, – продолжил Красовский, откидываясь на спинку стула. – Пиво было нормальным. Покончив с ним, я испытал острую потребность в том, что всегда, неизменно получал, находясь в Париже. Красота, изыск, витающая в воздухе вольность, ленивая богема, утончённый вкус...

– Экий вы эстет! – заметил Сомов, отрезая ножом кусочек сыра.

– Но, оглядевшись по сторонам, я вдруг осознал, что не вижу вокруг ничего привычного, – продолжил Красовский. – Рядом за столиками сидели одни иностранцы – туристы, а может, и мигранты. На столах громоздились горы посуды с едой и объедками; люди жадно, сосредоточенно поглощали пищу. В бистро все места были заняты, и куда ни взгляни – везде теснились едоки со своими тарелками. Помните картину Ван Гога «Едоки картофеля»? Вот примерно такие же типы. Безвкусно, небрежно одетые; женщины – грубые и вульгарные, мужчины – одутловатые, с пустыми глазами. В зале стоял спёртый дух жареной рыбы и пота. Меня охватило чувство, близкое к омерзению, к горлу подступила тошнота. Я едва успел добежать до туалета – и, извиняюсь за подробности, меня вырвало.

Красовский скривился, будто снова переживая напряжение тех минут.

– Так вы, видимо, просто оказались в неподходящем месте, дружище, – весело заметил на это Сомов, подкладывая под спину подушку и поудобнее устраиваясь на диване.

Красовский метнул на него острый взгляд и быстро ответил, словно только и ждал этих слов.

– В том-то и дело, что раньше в Париже хорошие рестораны были на каждом шагу. Знаете, французы ведь невероятные гурманы. У них даже в учреждениях обеденный перерыв установлен протяжённостью в два часа. Но теперь, чтобы найти подходящее, как вы выразились, место, надо приложить определённые усилия.

Он закурил. Возникла пауза.

– И вот когда я оказался в районе Ле-Аль, – продолжил Красовский, – во всей красе предстал передо мною Центр Помпиду со своим нагромождением металлоконструкций, эскалаторов и труб на фасаде. А неподалёку раскинулся огромным осьминогом Форум[3], в чьих толстых прозрачных щупальцах кипела оживлённая торговля. Чрево Парижа[4], как и в давние времена, гудело, колыхалось, тяжело дышало. И в этот момент мне вдруг представилось, что Париж вывернут наизнанку – я видел его разверстое чрево, в котором непрестанно шёл процесс пищеварения. По трубам-кишкам двигались тонны перемолотой пищи, ещё недавно бывшей колбасами, стейками, рыбными тушками, сырами и овощами. Всё это исчезало в бездонном чреве. А потом тонны испражнений извергались со зловонием в подземную канализацию.

Красовский вздохнул и продолжил:

– В тот день что-то сломалось во мне – будто порвался некий волшебный трос, долгие годы соединявший меня с Парижем. Я вдруг понял, что этот былой красавец подвержен смертельной болезни, отвратительные проявления которой вскоре покроют струпьями всё его тело...

– Что, так всё враз и закончилось? – спросил Сомов, подавая знак официанту, чтобы тот принёс счёт.

– Да, и выставка не спасла. Пустая, надо сказать, оказалась выставка, – подытожил свой рассказ Красовский.

– А я вот что в этой связи думаю, – Сомов сделал паузу, рассчитавшись с подошедшим официантом (в этот раз он взял на себя эту миссию). – А хорошо всё же, что Москва пока не так забита туристами, как, скажем, тот же Париж. Вот мы сидим с вами практически в самом центре Москвы, а даже звуков транспорта не слышим. И в таком прелестном месте – совсем немного народа. Можно спокойно беседовать, наслаждаясь приятной едой, хорошим вином, видом старого города. Посмотрите-ка, как блестят купола! – он указал на видневшуюся из-за крыш церковь.

Красовский, надевая плащ, ещё раз окинул взглядом открывающийся с террасы вид и согласно добавил:

– Да. А бабье лето в Москве – просто чудо! ■

[1] Центр Помпиду – модернистское здание в Париже, Музей современного искусства.

[2] Бобур – квартал в Париже, где находится Центр Помпиду, Форум Центрального рынка и другие современные модернистские здания.

[3] Форум Ле-Аль (Le Forum des Halles) – огромный торговый центр, построенный в современном стиле в конце семидесятых годов XX века.

[4] Чрево Парижа – так назывался этот район в XIX веке с лёгкой руки Эмиля Золя, написавшего одноимённый роман, действие которого во многом развивалось на Центральном продовольственном рынке.

Винсент Ван Гог. Едоки картофеля

ПОЭЗИЯ

Нынче праздничный парад

В предыдущих номерах «ЛГ» сообщила об итогах Большого дистанционного конкурса «Преодоление», проведённого Московской городской организацией СП России. Номинация «Родина-мать зовёт!» оказалась в этом литературном смотре талантов самой активной и боевой.

Георгий Бурцев

Майский парад

Растревожен город мирно
Звуком утренней трубы.
Замирают в стойке смирно
Клёны, ели и дубы.

И несёмся мы – мальчишки
К прутьям крашеных оград.
Знаем мы не понаслышке –
Нынче праздничный парад!

Отворяются ворота.
Твёрдо полк чеканит шаг.
Блещет в марше позолота.
Пламенеет с гербом стяг.

Жизнь солдат – бои и дали,
Порох, дым и кровь сполна.
На груди одних медали.
У отдельных – ордена.

Бьётся сердце у мальчишек.
Светел в мае город наш,
И витает выше крыши
Медных труб победный марш!

Пётр Гулдедава

Я хотел бы забыть о войне

Они в огонь ходили вброд,
Под град свинцовой круговерти,
Где добывал победу тот,
Кому позор страшнее смерти.

Не отыскать таких наград
На службе Богу и Отчизне,
Каких не стоил бы солдат,
Принявший смерть во имя жизни.

Кого ни боль, ни смертный страх
Не запирали в тёмных щелях...
Они теперь на небесах –
Святое воинство в шинелях.

Григорий Елин

Не зря

Далёко вдали полыхали зарницы.
Уснул возле дуба непуганый лось...
Как сладко дремалось бойцам
у границы!
И лишь командиру полка не спалось.

Взревела сирена. Посты – наготове.
Зенитки стволами ощерились вдруг.
А первые струйки и капельки крови
уже протекли из ладоней за круг...

И падали бомбы... Хромые пегасы
фугасы немецкие гнали в поля.
Над крышами бились, как рыцари, асы,
небесные рощи на брёвна пиля...

Война началась, не спросив разрешенья.
Пополнили в небе ряды журавли.
Спасли после битвы героев сраженья,
и лишь командира полка не спасли.

Война искалечила судьбы и души.
Земля приняла до рассвета тела.
Запомни и сердце до боя послушай.
Не зря ведь душа до утра не спала!

Екатерина Кордюкова

* * *

Почему, задумайтесь, Россия
Восстаёт из пепла и руин?
Потому что помнят все живые
Тех, кто спас их, не нажив седин.

Кто ушёл, не обещав вернуться,
Кто собою плавил чёрный снег,
Уцелел в горниле революций
И погиб за нас с тобой, за всех.

Их любовь поддерживает внуков
Сквозь завесу уходящих лет –
Оттого-то крепче наши руки
И в глазах не гаснет дерзкий свет,

Оттого-то мы храним и помним
Имена всех вечно молодых,
И никто не в силах вырвать корни,
Что связали павших и живых!

Галина Леонтьева

* * *

Время лечит, но не излечивает,
душу не избавляет,
расстояние обеспечивает,
горизонт отдаляет.

И становится всё пронзительней
и призывней небес сияние,
и понятней, не умозрительней,
неизбежное покаяние.

Лариса Малюшицкая

Доктор Вагнер

Вагнер – знаменитая фамилия!
Вагнеру в Германии – почёт.
У мелодий – совершенна линия,
Будто сочинил их Бог иль чёрт.

В Третьем рейхе он любим особенно:
Говорят, сам Гитлер со слезой
Слушает, как Лоэнгрина Собинов
Исполняет тонко и с душой...

Вагнер... Вот ведь как судьба устроила!
Главный врач с фамилией такой
Из-под сердца раненого воина
Удалил осколок роковой.

Тяжело был ранен, без сознания
Почитай пять суток пролежал...
Повезло парнишке: в Зауралье
К Вагнеру под скальпель он попал...

– Сонечка, заканчивай, спасибо,
Смерти мы его не отдадим!
Ишь, зашила как его красиво!
Победим, сестричка, победим!

...Доктор Вагнер – он такой особенный,
Доктор Вагнер весело глядит:
– Как фамилия, служивый?
– Собинов, –
Говорит парнишка, – Леонид.

Валерий Платонов

Медаль

Я, как в тумане, помню даль
Разумного начала,
Но в ясной памяти – медаль,
Что на груди сверкала.

Счастливей не была мальца
На праздничной аллее,
Ведь на костюме у отца
Два ордена алели.

А на моей груди, как сталь,
Как снежная вершина,

Сверкала мамина медаль
За взятие Берлина.

Галина Романова

* * *

А ты в атаку смог бы встать?
Под взрывы мин с земли подняться
И с криком «За Отчизну-мать!»
Бежать, тонуть, ползти, взрываться?

Решиться мог бы на таран,
Когда других путей так много?
Не дав опомниться от ран,
Звала тебя войны дорога?

Ты мог бы бронь порвать свою
И добровольцем записаться?
А, друга заслонив в бою,
Погибнуть, в вечности остаться?..

А впрочем, нам – свои бои,
И нам свои свершать победы,
За гены, что у нас в крови,
Спасибо вам, отцы и деды!

Олег Котков

Фотография отца

Давно закончилась война,
По всем погибшим справив тризну.
Осталась карточка одна –
Отца, с фронтов борьбы с фашизмом.

Задумчив взгляд. Сквозь толщу лет
Как свет звезды ко мне стремится,
Чтоб дать единственный совет:
Война не может повториться!..

Перед атакой

Мы прибыли на линию огня.
Нам через час в атаку
подниматься.
Холодный пот – ручьём,
бьёт дрожь меня,
Я – не дерусь, я не умею драться.

Меня ходить учили строевым
И быстро по тревоге собираться.
Три раза мы стреляли боевым,
Но я, как прежде, не умею драться.

Обучен я врага колоть штыком,
Метать гранату, в поле окопаться,
И по-пластунски я могу ползком,
Но... страшно мне в атаку
подниматься.

– Стрелял, как ворошиловский
стрелок! –
Сказал мне командир. –
Прицельно, метко.
Но нынче против нас –
фашистский полк,
Превосходящий, донесла разведка.

Мне этим летом – девятнадцать лет.
Как тяжко было с мамой расставаться!..
Обняв меня, она дала совет
Беречь себя, но смерти – не бояться.

Нам командир сказал, что злость нужна,
С врагом чтоб врукопашную сражаться.
И смерть за Родину – не так страшна.
Но... страшно мне. Я не умею драться!

Мне накануне друг мой рассказал,
Как фрицы всю семью его убили.
Я слушал и смотрел в его глаза,
Они холодными и злыми были.

Таких рассказов много слышал я,
И я готов давить всех этих гадов!
Но только вот до нынешнего дня
Фашистов видел только на плакатах.

Мы ждём команду в глубине траншей.
Туман ползёт полоской предрассветной,
Скрывая плотно в полосе ничьей,
Что будет дня грядущего приметой.

Нет, я не трушу, это просто нерв
Сомненья перемалывает в ярость.
Вчера мы были просто лишь резерв,
А нынче – смерть за Родину досталась.

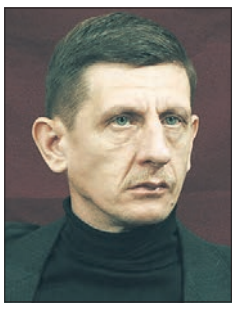
С минуты на минуту бог войны
Обрушит на врага огонь возмездья.
В висках звенят осколки тишины...
Под шквал огня готов идти на смерть я.

Рукой сжимаю трёхлинейный ствол,
Сталь воронёная – как откровенье:
Я что-то там в себе переборол,
И – в сторону все страхи и сомненья!

Я знаю: я – сумею, я – смогу!
Хоть первый раз сегодня буду драться.
Я до траншей фашистских добегу,
И пусть тогда они меня боятся!

Сигнальная ракета. Всё! Пора!
Я не могу в окопе оставаться!
И я – бегу. И я кричу: «Ура-а-а!»
Я – не страшусь.
Я буду насмерть драться!..

ПРОЗА



Свисти!

Рассказ

Максим Воробьёв

Старик вырезал свистульку. Всегда в потёртой, замызганной телогрейке старик вечно торчал перед домом и, что-то бормоча себе под нос, острым ножичком вырезал свистки из ивы. Потом раздавал их крутившейся рядом ребятне.

— На, свисти, Боря! — говорил он, вручая очередную свистульку подвернувшемуся под руку пацану.

— Я не Боря, я Саша!

Старик смотрел долгим, непонятным взглядом и повторял:

— Свисти, свисти, Боря!

Все привыкли к тому, что он путает имена. Взрослые относились к нему с сочувствием. Объясняли детям: мол, не всё в порядке с головой у деда. Хотя, как потом выяснилось, и не такой старый он был. Лет под шестьдесят. А ребятне он нравился, говорил не сюсюкая, как со взрослыми.

То было самое что ни на есть обманчиво-радужное советское время эпохи застоя. Фёдор Никитич, так звали старика, вместе с женой приехал откуда-то из-под Орла. Жена у него была моложавая, всегда с недовольно сжатыми губами. Иногда на улице орала: «Опять со своими свистульками возишься! Оставь хоть детей в покое!» Фёдор Никитич виновато опускал голову и замолкал. Если жена не успокаивалась, то молча уходил к реке, где срезал ивовые ветки для свистков.

Лёнька подошёл поближе, поздоровался.

— Здравствуйте, Фёдор Никитич!

Старик вскинул голову, зорко посмотрел на него. Узнал, улыбнулся.

— Ну, здравствуй, школьник. Отучился?

— Да.

— Двоек много?

— Нет, сегодня четвёрка по русскому.

— Молодец! — Старик протянул ему только что вырезанный свисток.

— На! Свисти, Петя!

— Я не Петя, я Лёня!

Старик кивнул и повторил:

— Свисти, Петя!

Лёнька знал, что он не отстанет, пока не услышит свиста. Да и самому хотелось попробовать. Не споря больше, он поднёс свисток ко рту и дунул во всю силу своих ребяческих лёгких. Свист вышел резким и громким. Старик вновь улыбнулся и, покачивая головой, забормотал: «Свисти, свисти, Петя!»

9 Мая в этом году праздновалось особенно торжественно. Как-никак 30 лет Победы в Великой войне. С утра все школьники были собраны, построены, и, под звуки горнов и барабанов, организованное шествие двинулось к центральному скверу. Ветеранов было много. Им отвели всю восточную часть площадки. Одетые в военную форму, они держались строго и торжественно. Сразу было видно — это герои. Они радостно здоровались друг с другом. Вдруг среди них мелькнуло знакомое лицо. Лёнька даже не сразу узнал Фёдора Никитича. В парадной форме, возвышенно-радостный и одновременно строгий, он совсем не походил на старика. К тому же стоял где-то во втором или третьем ряду, и его всё время загораживали другие ветераны. Но вот шеренга слегка раздвинулась, и Лёнька обомлел: впереди стояли генералы и полковники, но ни у кого из них не было столько наград, как у Фёдора Никитича. У него, похоже, имелся полный набор всех медалей Великой Отечественной, за исключением разве «Золотой Звезды». Потом была минута молчания, слёзы на глазах у людей, прошедших войну. Торжественный залп-салют из карабинов, который дали простоявшие на посту весь митинг курсанты военного училища из районного центра.

Дня через три, опять же после школы, Лёнька снова увидел у подъезда Фёдора Никитича. Тот был в своей обычной старой телогрейке и, как всегда, вертел в руках только что вырезанный свисток. Решив не упускать момента, Лёнька сразу подошёл к нему и после обычного: «Здрасте!» — спросил прямо в лоб:

— Фёдор Никитич, а вы в каких войсках служили?

Старик молчал, опустив голову, потом пристально глянул любопытному пареньку в лицо. У Лёньки перехватило дыхание от скорби и боли, затаённых в глазах старика.

— Фронтовая разведка, сынок. Знаешь, что это такое? Нет, откуда тебе знать. Это не полковая, где на передовую смотался, взял языка и вернулся героем.

Фёдор Никитич замолчал и невидящими глазами стал смотреть на свистульку, зажатую в руке. Лёнька боялся даже дышать. После тягостного молчания старик продолжил:

— Мы там, в тылу у фрицев, сроднились-срослись. Роднее братьев стали. И почти всех моих друзей поубивали. Тебе это не понять, а я всех помню. Они внутри меня, в голове, в сердце — живые. Ночами ко мне приходят, не могут только наружу выйти, опять живыми стать. Не дышат уже. На вот свисток. Свисти, Боря!

— Я не Боря!

— Сейчас ты — Боря! Сержант разведки, в болоте под Бежаницами убитый. Свисти! Дыши за него! Он за тебя жизнь отдал. Помни! Свисти!

Ошеломлённый и оглушённый навалившейся на него болью, Лёнька дунул в только что вырезанный свисток. Больше он ни о чём не спрашивал.

Потом начались каникулы. Лето, вольная жизнь. Два месяца у бабушки в Воронеже. Домой Лёнька вернулся перед самой школой. Встречи с друзьями, рассказы, учёба. Только недели через две Лёнька догадался спросить отца:

— Пап, а где Фёдор Никитич?

Отец сразу посерьёзнел, смутился.

— Понимаешь, Лёнь, такое дело... Ты же знаешь, что Фёдор Никитич со странностями. Очень тяжело близким с такими людьми... И вообще ему нужно лечение.

Отец замолчал. Лёнька ничего не понял, стоял и ждал продолжения. Стоять пришлось долго. Наконец отец не выдержал:

— Ты уже большой, сынок! Фёдора Никитича забрали в больницу. В специальную больницу для таких, как он. С психическими проблемами. Жена его так решила, совсем с ним измучилась. Спать он ей по ночам не давал, всё разговаривал с кем-то. Там ему лучше будет.

Тяжёлая, звенящая горечь захлестнула Лёньку. Он резко повернулся и нырнул в свою комнату. На краю стола, заваленном тетрадками и учебниками, лежал один из дарёных свистков. Лёнька схватил его, стиснул зубами и губами и выдохнул всю свою обиду.

А из приоткрытой форточки тянуло едким запахом дыма. ■

НЕРАВНОДУШНЫЙ СОВРЕМЕННИК

Таинственная цензура,

или Почему письма не всегда находят своего адресата

В течение двух-трёх последних лет я имела смелость время от времени писать письма Президенту РФ о больных проблемах в жизни нашего народа и обсуждала в них действия властей РФ, которые не учитывали драматические последствия своей политики для жизни людей, причём на все свои письма я получала уведомления от чиновников администрации Президента РФ, что мои письма ими получены и информация, изложенная в них, либо принята к сведению, либо письма отправлены чиновникам тех ведомств, о деятельности которых я писала. Однако некоторое время назад одна из чиновниц администрации Президента РФ написала мне, что обозначенные мной проблемы нашей жизни не входят в утверждённый список вопросов, о которых следует информировать Президента страны, и изложенная в моих письмах информация поэтому ему не передаётся.

Это известие заставило меня обратиться в Государственную думу РФ и письма о бедах нашего народа посылать на имя главного консультанта отдела рассмотрения обращений граждан и организаций Государственной думы РФ.

При этом на первые три письма, посланные в октябре и ноябре 2020 года, мой адресат в Госдуме ответила мне, что они получены и приняты к сведению. Но на все последующие письма в ноябре и декабре 2020 года я не получила подтверждения, что они ею получены. Однако по телефону справочной службы Почтового ведомства РФ 8-800-200-28-88 мне каждый раз автоответчик и операторы этой службы сообщали, что каждое из посланных мною писем вручено адресату такого-то числа.

У меня возникло подозрение, что мои письма вообще не вручали моему адресату в Госдуме, а либо вручали какому-то другому неизвестному мне лицу, либо не вручали никому.

Но в этих письмах я писала об очень злободневных и острых проблемах, таких как положение русского народа в современной РФ, об идеологии осуществлённой в РФ грабительской приватизации, об эпидемии и пандемии коронавирусной инфекции, о моих опасениях как специалиста-микробиолога в связи с предполагаемой вакцинацией населения и о многих других столь же важных проблемах, о которых я имела право судить как современник одних событий и как информированный специалист в ряде других. По-видимому, именно вследствие того, что моя информация и высказанные мною оценки и рекомендации не устраивали определённую часть нашей властной элиты, занимающей антирусскую позицию, то есть бывших либералов, а также затрагивали чьи-то финансовые интересы, мои письма просто не передавали моему адресату в Госдуме.

Такая практика, которую осуществляют определённые властные круги и которая нарушает все существующие в РФ права граждан на свободу переписки и гарантии, что посланные гражданами письменные сообщения будут доставлены по адресу и именно тому лицу, которому направлены, до сих пор не происходила и не осуществлялась даже в столь оклеветанном СССР, и даже при Иосифе Сталине.

Поскольку все письма граждан к таким властным лицам, как Президент РФ и депутаты Государственной думы РФ, проходят непременную проверку и прочтение в сортировочных пунктах, существующих в Москве в нескольких местах (Внуково, Новогиреево и др.), то именно в них осуществляется цензура этих писем и принимается решение об их дальнейшей судьбе. Однажды мне вернули одно моё письмо, адресованное Президенту РФ, из Внуковского сортировочного пункта с надписью, что оно представляет опасность. Но до сих пор мне не приходилось подозревать, что мои письма либо уничтожены, либо переданы неизвестному мне лицу.

> *РФ должна вновь стать преуспевающим индустриальным государством, а народ — получить необходимые рабочие места.*

На мой взгляд, описанные события вызваны исключительно нежеланием некоторых властных кругов РФ допустить влияние со стороны рядовых граждан на формирование государственной политики в интересах народа в ущерб интересов власть имущих.

В связи с этим, чтобы опровергнуть клеветнические измышления некоторых публичных идеологов о неизбежности развала СССР, необходимо ещё раз объяснить нам всем, что развал СССР был сознательно организован проамериканской оппозицией внутри страны, разрушавшей целенаправленно её экономику в интересах США на всех уровнях управления страной, при этом уничтожая физически всех тех лиц, которые могли бы и дальше развивать и совершенствовать жизнь в СССР и доказали бы бесспорную перспективность и правомерность модели социально ориентированного государства, которым, собственно, и был СССР, как альтернативы бесчеловечному капитализму и следующему за ним фашизму, превращающему человеческое общество в обезличенную массу. Для того чтобы поднять экономику РФ и вывести народ из нищеты, необходимо прежде всего отменить результаты беззаконной грабительской приватизации и освободить страну от олигархической «верхушки» над нашей властью, а затем восстановить сознательно разрушенные промышленность и сельское хозяйство, чтобы РФ вновь стала индустриальным преуспевающим государством, а народ получил необходимые рабочие места и возможность выжить.

Эмилия Болтянская

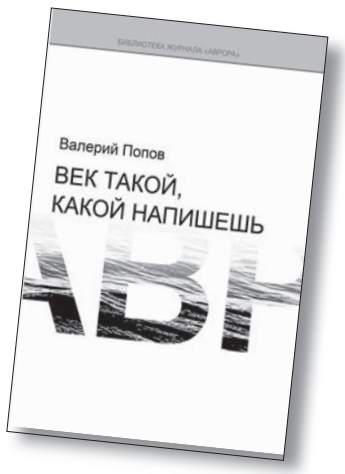
Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В оранжерее публицистики

Валерий Попов всегда находит способ освежить старые тексты – и они играют новыми оттенками

Сборник колумнистики известного писателя – жанр популярный, но имеющий свои издержки. Не всегда удаётся скомпоновать «отборную публицистику», написанную по разным поводам, в гармоничное целое – зачастую возникает впечатление, будто автор, будучи не в силах расстаться ни с одной из драгоценных букв, наскрёб по журнально-газетно-интернетным сусекам всё, что подвернулось.



В этом смысле книга Валерия Попова «Век такой, какой напишешь» выгодно отличается продуманностью композиции и напоминает высказывание Владислава Ходасевича о Фёдоре Сологубе, который «составлял книги приблизительно так, как составляют букеты... Стихи самых разных эпох и отдалённых годов не только вполне уживались друг с другом, но и казались написанными одновременно. Порой ... он брал стихи из одной книги и переносил их в другую. Они снова оказывались на месте, вплетались в новые сочетания, столь же стройные, как те, из которых были вынуты».

Тут можно возразить: стихи-то совсем другое дело, ими гораздо проще жонглировать. Но и как прозаик Попов всегда находит способ как-то освежить старые «цветы» в своих букетах – тут название перепридумает, тут выкинет лишнее слово, тут вставит реплику, тут поменяет эпитет – и текст играет новыми оттенками, продолжает жить, не оставаясь мумифицированным, раз и навсегда засохшим, как в гербарии. К тому же иные из вошедших в книгу зарисовок вполне можно отнести к «стихотворениям в прозе». Больше всего их в «климатическом» блоке «Царь природы» (например, «Мороз до слёз» – ода русскому морозу, «приподнимающему душу» и толкающему на подвиги), но есть и юмористические баллады про людей: телефонный скетч «Не спеши, коза, в лес» (концентрат поповского бытового абсурдизма) или репортаж с одного дня рождения «Балласт», где одним из важнейших персонажей, спасающим лирического героя, становится жареный гусь.

Как литературный «флорист» Валерий Попов непринуждённо выбирает из своей обширной «оранжереи», за которой ухаживал полвека, не только сиюминутные злободневные, но и давние, многолетние растения, составляя из них новые композиции, так что его преданный и постоянный читатель в нынешнем сборнике встретит знакомые сюжеты и известных персонажей. Как, скажем, в заглавной мемуарной вещи – «Век такой, какой напишешь» (о ленинградских «прóклятых поэтах» «портвейнового века»), красующейся в центре сборника, в разделе «Между Сциллой и Харибдой». Имеются в виду превратности переходного периода между Сциллой социализма и Харибдой капитализма, но можно понимать и шире. Бывалый плаватель Попов (см. остросюжетный очерк «Среди волн» о любительской попытке покорения Ладожского озера на катере) знает, что на пути писателя много разных «сцилл» и «харибд», скажем, между слишком глубоким погружением в жизнь и умозрительным отрывом от неё. Хитрому Валерию Попову по-прежнему удаётся виртуозно лавировать в оптимальном фарватере и превращать любой случай из жизни не просто в весёлый анекдот, но чуть ли не в притчу с тонкой моралью, как в рассказе «Петербуржцы людей не бросают» – о знакомстве с мастером по обивке дверей. Горький вопрос оказавшегося на мели умельца: «Разве кому сейчас ручная работа нужна?» резонирует в душе писателя, находящего явную параллель со своим трудом: «У меня, между прочим, тоже дела. Мне тоже надо некоторую поверхность буквами покрыть».

> *Бывалый плаватель Попов знает, что на пути писателя много разных «сцилл» и «харибд».*

Трудно придумать более точную метафору для работы колумниста, пишущего в соответствии с пожеланиями заказчика, а не «по зову сердца», когда вроде бы и душу вкладывать не так уж обязательно, но ведь и выключить её, как мобильник, всё равно невозможно.

Лидия Маслова

Море, полное сокровищ

О сборнике португальской поэзии в переводах Андрея Родосского

Счастлива тем, что прочла несколько книг, где значилось: «Перевод... Андрея Родосского». Это и «Память изгнания» Максимино Качейро Варелы (перевод с галисийского, 1997), и «Палая листва» Асуньсон Форкады (с каталанского, 2001), и «Голоса мира» (сборник переводов с латинского, английского, норвежского, французского, итальянского, испанского, португальского, румынского, сербского языков, 2013). И другие...

Сейчас передо мной великолепные переводы с португальского. Красиво и точно названа эта книга – «Португальское море». Поистине море, наполненное сокровищами мысли, чувства, вдохновения, печали и восторга, любви, высшего понимания и невозможности понять, радости творчества, искренности и затаённости, намёков, – вот что такое эта книга! Чтение её, несомненно, доставит любителю гибкости и проникновенности поэтического слова истинное наслаждение. Не раз замрёт сердце – ах, как точно, как искромётно передано живое чувство поэта! Не владея португальским, всё же, я думаю, можно ярко почувствовать особенности португальского национального характера и высокую свободу выразительности, несомненно, благодаря невероятной гибкости вдохновенного кудесника перевода – Андрея Владимировича Родосского.

Наверное, искренне любящий своё дело переводчик должен хранить в себе ребёнка, могущего одушевить снег и ветер, с радостью становящегося морем, тучей, другим человеком, сказочным существом или соседским котёнком, отмечающего мельчайшие, такие важные в искусстве детали окружающего мироустройства, но и умеющего замечать большое и малое, дабы совершить открытие, достойное наивысшего удивления.

Роль переводчика велика в истории мировой культуры. Кто бы ни говорил о желаемой незаметности переводчика, на практике это неисполнимо. И речь идёт лишь о качестве слова, этом высшем мериле литературного творчества. Тогда переводчик словно бы усиливает поэта – ведь он перевёл его через границу непонимания человеком другой языковой культуры. Читая переводы Андрея Родосского, я всегда думаю: какой замечательный (португальский, испанский, галисийский, каталонский) поэт, не улучшил ли его мой дорогой друг, сам прекрасный русский поэт? Желая ли того, не желая? А может, просто он не умеет чувствовать наполовину, может, горячность души не позволяет не проникнуться? Вот отсюда и мысли о сохранённой детскости восприятия. И это несмотря на не самую простую человеческую и творческую судьбу. Ведь изучение многих языков требует высочайшего трудолюбия, постоянного интеллектуального перенапряжения, даже лишения многих вещей. Особенно если совершенствование этого знания происходит на фоне активной преподавательской деятельности и не самого благоволящего к литературе времени «эпохи перемен».

Но, по слову Роберта Рождественского, «время движется мастерами и надеется на мастеров», даже если не относится к ним бережно и с любовью.

Хочется привести небольшой отрывок из стихотворения «Поэтам» Мигела Торги (1907–1995):

> *Искренне любящий своё дело переводчик должен хранить в себе ребёнка, могущего одушевить снег и ветер.*

Мы без усилья
Расправить можем
Прозрачные крылья,
А перед смертью их сложим,
Но взлететь – достанет
У каждого силы:
Конечно, восстанет
Поэт из могилы!
Ведь если зерно прорастёт,
Урожай оно даст сам-сот!

Это стихотворение в плюс к оценке переводческого труда – ведь зерно, зёрна истинной поэзии прорастают не только на родной почве, и какой урожай может дать знакомство читателя с творчеством иноплеменника, мы знаем по влиянию, например, гениального португальского поэта Камоэнса на Пушкина и по многим другим примерам.

Читаю переводы и думаю, какая высокая Поэзия в Португалии. И тут же ловлю себя на мысли, что если бы португалец смог с той же степенью проникновенности перевести русские стихи, наши поэты тоже были бы хороши... для португальцев.

Маргарита Токажевская

СУДЬБА

На краю смертельной воронки

Воспоминания автора уникальных книг

Четырнадцатого января исполнилось сто лет со дня рождения живущего в Петербурге Василия Павловича Джурджи – ветерана войны, профессора, писателя, общественного деятеля.

Герой наш – человек очень скромный и не любит о себе говорить. Поэтому биографию его удалось собрать с большим трудом, буквально по крупицам. Родился будущий моряк в 1921-м, в семье крестьянина-середняка в селе Верхнячка Христиновского района Киевской области (ныне оно относится к Черкасской области). Семья Джурджа была дружной, хранившей традиции прошлого. И новорождённый получил своё имя потому, что родился в день святителя Василия Великого.

Двадцатые-тридцатые годы прошлого века характерны удивительной тягой к знанию крестьянских сыновей. Как и многие сверстники, Василий полюбил учёбу, учился очень хорошо и окончил в школу с отличием в 1939 году. С юных лет мечтавший о море и кораблях, в том же году он без экзаменов был принят в Николаевский кораблестроительный институт (НКИ). Василий Джурджи полагал, что будет мирно строить военные корабли, однако Бог рассудил иначе... Над Европой сгущались тучи. Вот-вот должны были начаться боевые действия в Польше. Молодой студент, отучившись всего две недели, приказом наркома обороны в августе 1939 года был призван на военную службу. Только его роман с флотом вместо трёх лет продлился целых 35...

Великую Отечественную войну Василий Павлович встретил в должности командира приборного отделения батареи 62 ОЗАД на военно-морской базе Палдиски. По боевой тревоге ранним утром 22 июня 1941 года зенитчики сразу встали к орудиям и, как только в небе появились самолёты, открыли по ним огонь. Это были советские бомбардировщики СБ, и, к счастью, ни один из них не пострадал от «дружественного огня». Василий Павлович и его солдаты прикрывали небо над Палдиски до двадцатых чисел августа, после чего его воинскую часть эвакуировали на транспорте «Балхаш». Судно прибыло на рейд Таллина и готовилось следовать в Кронштадт в составе конвоя № 3.

Таллинский прорыв

Трагедия произошла 29 августа 1941 года. На переходе между островами Вайндло и Родшер транспорт подорвался на мине и затонул. «Поскольку я находился на верхней палубе в числе «стрелков-зенитчиков», которые при воздушном налёте должны были открывать огонь из винтовок по команде с капитанского мостика, то многое из того, что происходило вокруг, видел и отчётливо слышал, – вспоминает об этом сам Василий Павлович. – На «Балхаше» было видно, как вспыхнуло пламя и раздался взрыв на впереди идущем транспорте, который стал быстро тонуть. Прошло мгновение – и последовал удар, потрясший «Балхаш», а за ним – взрыв, после которого транспорт развалился на две части и стал тонуть, образуя страшную всасывающую воронку. Она безжалостно поглощала всё на своём пути и,

главное, живых людей, ещё видевших белый свет, но уже с трудом понимавших, что с ними происходит».

Началось действительно нечто страшное, и многие по-разному встречали свою близкую смерть. «Где-то вычитал, что на тонувших судах во время Таллинского прорыва некоторые люди сходили с ума, другие провозглашали здравицу Сталину, третьи – пели «Интернационал», а некоторые прямо на глазах становились совершенно седыми, другие молили Всевышнего о спасении... – говорит Василий Джурджа. – Что запомнилось мне, так это невообразимый хаос на палубе, где всё, что могло скатываться и валиться, сыпалось сверху вниз, а люди хватались друг за друга и за всё, за что можно было ухватиться, в надежде спастись. О тех, кто находился в трюмах (вечная им память!), а было их большинство, и подумать страшно: все они оказались в братской могиле на дне седой Балтики, а их родные получили впоследствии страшное, жуткое казённое сообщение: «Погиб безвестно». Остался я в живых только благодаря тому, что находился недалеко от борта и успел в считаные секунды сбросить с себя шинель, противоипритную накидку и вместе с другими прыгнуть в воду на каком-то расстоянии от воронки. Это позволило мне отплыть в сторону от уходившего на морское дно транспорта. Сколько пробыл в воде, теперь трудно сказать... Когда подошёл ко мне на помощь катер и матросы подали крюк, увидел у себя под мышкой обломок доски, который помогал мне держаться на плаву. Вскоре с катера был пересажен на портовый буксир «Тусуля», до краёв набитый бойцами из Таллинского гарнизона».

Буксир прибыл вначале на Гогланд, затем – в Кронштадт. По официальным данным, только с «Балхаша» утонуло 89 человек, а всего на Таллинском переходе погибло 5000 человек. Василий Павлович считает, что жертв на самом деле гораздо больше: только с «Балхаша» – каждый второй (а на судне находилось по меньшей мере 500 человек). Общие же потери трагического Таллинского перехода, по его мнению, около 15 000 погибших.

Таллинский прорыв помог спасти Ленинград

Несмотря на это, Василий Павлович отказывается считать этот трагический эпизод морской катастрофой, ставшей результатом поспешного отступления. Для него Таллинской переход – боевой прорыв: «Прошедшие с тех пор десятилетия убедительно подтвердили неоспоримый факт, что Таллинский прорыв не был «трусливым бегством» из Прибалтики, а явился вполне обоснованным решением военного командования, на тот момент сыгравшим важную роль в сохранении боеспособных частей армии и флота, в спасении Ленинграда, который пытался захватить и уничтожить бесноватый Гитлер».

В городе на Неве, оказавшемся в блокаде, Василий Павлович поступил в Высшее Военно-морское политическое училище, которое окончил в 1942 году, получил звание лейтенанта и был направлен в должности политрука в зенитно-артиллерийский дивизион, находившийся на Ораниенбаумском пятачке близ деревни Борки. Одной из главных боевых задач дивизиона было надёжное прикрытие нашего полка штурмовиков Ил-2 от налётов фашистов. Аэродром у Борок неоднократно атаковала немецкая авиация. Лейтенант, а затем старший лейтенант Василий Джурджа вдохновлял личный состав на борьбу с фашистскими захватчиками прежде всего собственным примером. За мужество и героизм он был награждён боевым орденом «Красной Звезды».

Василий Павлович помнит освобождение Ленинграда от блокады – операцию «Январский гром», которая, кстати, началась в день его рождения, 14 января, грохот тысяч орудий во время артподготовки, воодушевление бойцов Второй ударной армии, незадолго до начала операции тайно переброшенной на Ораниенбаумский плацдарм и пошедшей в наступление на врага.

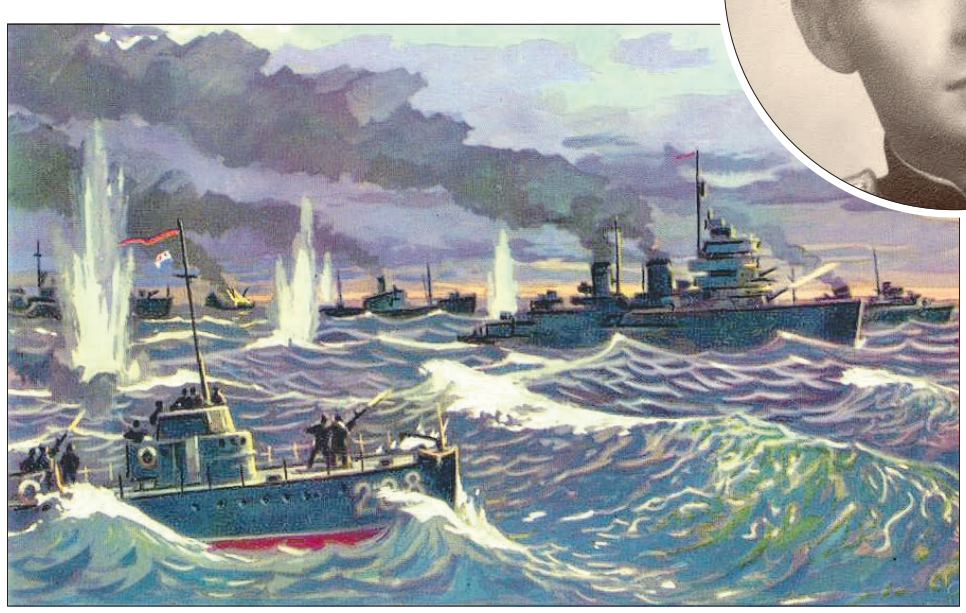
После Победы

С 1944 года В. Джурджа служил в Кронштадте, где и встретил Победу. А дальше – Камчатка, Сахалин... В 1958-м Василий Павлович вернулся на Балтику, получил звание капитана 2-го ранга. Четыре года спустя окончил педагогический факультет Военно-политической академии в Москве. Более 12 лет он прослужил в Высшем военно-морском инженерном училище им. В.И. Ленина. И даже после того, как в 1974 году в чине капитана 1-го ранга он был уволен в запас, Василий Павлович продолжил преподавать в этом же училище ещё 20 лет (до 1994 года) в должностях доцента, профессора кафедры общественных наук. Талантливый, неординарный наставник снискал заслуженную любовь своих студентов. Даже уйдя на пенсию, он до 2001 года продолжал трудиться в Военно-морском инженерном училище (сейчас – Военно-морской политехнический институт) на кафедре гуманитарно-экономических дисциплин, был директором Музея училища.

Василий Павлович Джурджа известен и как автор серьёзных, глубоко патриотичных книг. В 2005 году он выпустил в свет труд «Почему в богатой России народ бедный», в 2009 году появилась вторая книга – «Россия неколенопреклонная», а ещё спустя год – работа «Власть и народ в судьбах России». В июле 2013 года был издан его исторический очерк «Россия. Тернистый путь к демократии». И, наконец, в сентябре 2017 года вышла в свет книга-буклет «На волне моей памяти. Воспоминания о Таллинском прорыве 28–30 августа 1941 года». Книги Василия Павловича Джурджи характеризуются теплотой патриотизма, серьёзностью, взвешенностью суждений, искусством анализа и обобщений.

«Я благодарен Богу за то, что он для чего-то уберёг меня на войне и даровал такую долгую жизнь, – говорит Василий Павлович. – Может быть, для того, чтобы научить чему-то других, а может быть, для того, чтобы чему-то научиться самому».

Владимир Василик



И. Родионов. Таллинский прорыв

Долгая дорога в страну возрастных изменений

Глава VII

Легко ли быть долгожителем

Однажды на скромный восьмидесятилетний юбилей моей бабушки её «юные друзья» под шестьдесят подарили симпатичный крымский пейзаж. Его сопровождало двустишие:

Скажу вам, Вера, не тая,
Прекрасней вы Сюрю-Кая.

«Юные друзья», как и бабушка, были истинными коктебельянцами и каждый год ездили на поклон волошинским местам. Подарок долгие годы жил за стеклом книжной полки, напоминая владелице о счастливых прогулках по Карадагу. Последняя состоялась, когда бабушке исполнилось 86 и по всем критериям ВОЗ она вошла в категорию очень пожилых людей. Результат её марафонского пробега по жизни был отмечен поздравительной телеграммой тогдашнего мэра Лужкова: «В связи с вашим столетним юбилеем примите наши сердечные поздравления… и т.д.». Выслушав официальные слова, бабушка заметила: «Лучше бы бутылку вина прислал».

Те, кто, как моя бабушка, перешагнул рубеж 90 и двигается к отметке 100, сохраняя память, разум и заинтересованность в происходящем, вызывали и вызывают у меня самое искреннее восхищение. Они представляются мне горными вершинами человеческого духа, носящими славные имена окружающих нас людей.

Изучая карту моей жизни, я поняла, что долгие счастливые годы провела под сенью не скромной Сюрю-Кая, а рядом с близнецом гималайского Эвереста, который в домашнем кругу назывался «Бабушка Вера». С одной стороны, я горжусь родственными связями с самой высокой горной вершиной, а с другой стороны, меня пугает высота, которую в силу многих причин мне не одолеть. Тем не менее я постоянно ищу в себе что-нибудь симпатичное, нечто положительное, что генетически перепало мне от бабушки и что могло бы помочь карабкаться вверх. Думаю, многим из нас выпадал шанс сделать привал у подножия горы, вершина которой озарена светом яркой индивидуальности. Мне подобный шанс предоставлялся неоднократно, он позволял заглянуть в будущее и найти в нём подтверждение того, что преклонный возраст, как и чёрт, не так страшны, как их малюют. В выборе героев этой главы я руководствовалась двумя соображениями: личное с ними знакомство и бесконечное восхищение теми, кто достойно прошёл долгий путь в страну возрастных изменений.

Итак, разрешите представить: Игорь Александрович Моисеев и Брита-Лиза Оранен, в девичестве Хёгглунд, из Финляндии. Если про выдающегося хореографа двадцатого века Игоря Моисеева слышали миллионы людей как в нашей стране, так и за рубежом, то мою вторую героиню знают немногие. Однако если бы существовал орден за служение семье, то она, вне всякого сомнения, должна была получать его чаще, чем Леонид Ильич Брежнев орден Ленина за заслуги перед Советским Отечеством.

Энергия танца – энергия жизни!

Часть первая

Однажды проблемы здоровья привели меня в санаторий «Барвиха», где я познакомилась с Игорем Александровичем Моисеевым, заслуженным долгожителем из мира хореографии. На момент нашей встречи ему исполнилось 96 лет. Он из года в год приезжал в санаторий, где наш первый президент когда-то работал с документами и где многие выдающиеся деятели былых времён успешно поддерживали слабеющие силы. Игорь Александрович дважды в день совершал моцион, обходя быстрым, даже для человека среднего возраста, шагом владения Управления делами Президента РФ.

В те августовские дни весь санаторий обсуждал любовную драму, разыгравшуюся на барвихинском озере. Дело в том, что огромный гусак по имени Боря влюбился в прекрасную белую лебедиху, бросив на произвол судьбы выводок малых деток с их матерью. Он повсюду сопровождал новую возлюбленную, пугая громогласным гоготаньем других пернатых и устрашая соперника. Законный спутник длинношеей красавицы сдаваться не собирался и неотступно следовал за наглецом Борей и легкомысленной кокеткой. Стоя на берегу водоёма, я с интересом следила за развитием лебедино-гусиных отношений. Оказалось, что и Игорь Александрович наблюдает за перипетиями орнитологического адюльтера. Начав свою карьеру в Большом театре, великий хореограф XX века, вне всяких сомнений, прекрасно разбирался в непростых взаимоотношениях обитателей «Лебединого озера». Из репертуара театра практически никогда не исчезала трагическая легенда про злого волшебника, положительного принца и его двух антиподных подружек в образах белого и чёрного лебедей.

Я подошла к Игорю Александровичу и осмелилась с ним заговорить. Глядя на проплывающую мимо необыкновенную троицу, я заметила, что, с моей точки зрения, «Лебединое озеро» в переносном смысле – это модель извечного конфликта интересов в любом творческом коллективе. Какой-нибудь злой гений типа гусака Бори руководит и повелевает безмолвным белым большинством, а ему противостоит благородный Зигфрид с прогрессивными идеями. Игорь Александрович саркастически заметил, что на одного Зигфрида приходится несколько злых гениев и, увы, в финале верх берут чёрные силы. Я возразила:

– Не всегда. Вот ведь балетмейстер Григорович нашёл в себе силы переписать либретто. Он утопил злодея, а Зигфриду предоставил возможность дожить до заслуженной персональной пенсии.

Игорь Александрович улыбнулся, а я нахально продолжала:

– Вы, Игорь Александрович, самый настоящий Зигфрид, одолевший всех неприятелей. Только вы имя сменили: вместо проигравшего битву немецкого принца вы стали победоносным русским князем Игорем.

Столь прямолинейный комплимент несколько смутил бывшего Зигфрида. Он откланялся, выразив вежливую уверенность в скором свидании.

Мы действительно виделись часто на ежевечерних посиделках, происходивших либо на парадном крыльце санатория, либо в баре, которым тогда заведовала уютно-полная женщина с именем Валентина. В тёплые летние вечера отдыхающие, принарядившись, собирались перед ужином подышать дивным кислородом лучшего в Подмосковье «царского» леса. Эпитет «царский» здешние леса получили при Иване Грозном, когда дорога от Кремля до Звенигородского монастыря проходила по этим местам. На барвихинском золотом санаторном крыльце члены царских семей и королевских дворов не сидели, равно как и сапожники с портными. Зато на уютных диванчиках и креслицах располагались представители постсоветской элиты из творческой, дипломатической, управленческой и научно-технической интеллигенции. Практически каждый заезд отдыхающих поставлял на крыльцо кого-нибудь из академиков или членкоров, не говоря уже о профессорах. Всегда бывал кто-то из известных и очень заслуженных артистов и режиссёров. Обязательно поправляли своё здоровье послы, бывшие и текущие члены правительства, а также политические деятели различных фракций. Само собой разумеется, что все были при жёнах, которые демонстрировали заслуги мужей и свои наряды. Они с удовольствием и себя показывали, и на других смотрели и расцвечивали монотонность медицинских процедур захватывающими новостями из разряда «кто в чём» и «кто с кем».

Будучи человеком общительным и любознательным, я принимала самое активное участие в формировании курортно-санаторного общественного сознания. Я слушала чужие истории, рассказывала свои, всячески стараясь по мере сил и возможностей увеличивать положительный заряд общения. «И каждый вечер в час назначенный» Игорь Александрович со своей очаровательной супругой Ириной Алексеевной появлялся на крыльце после освежающего тихого часа. Вмиг, как на сеансе чёрной магии в театре «Варьете», откуда-то появлялось кресло для мага народного танца. После нескольких вежливых попыток усадить в него жену, которая, заботясь об удобствах мужа, всякий раз отказывалась, Мастер сам в нём располагался, правда ненадолго. Думаю, наше дамское щебетанье его явно утомляло, и он сбегал от нас на прогулку в быстром темпе. Ирина Алексеевна объясняла его поведение тем, что он стал плохо слышать, однако у меня закралось подозрение, что жалобы на ослабленный слух являлись лишь удобным предлогом не слушать чужие глупости и помогали избегать, с его точки зрения, пустых разговоров. Единственное, чем его можно было легко соблазнить, – это партия в шахматы. Вскоре я нашла ещё один способ, как привлекать внимание Игоря Александровича. От его жены я узнала, что он прекрасно говорит по-французски, любит Париж и Вольтера.

После ужина светское общество перемещалось из столовой в бар с камином и тяжёлой румынской мебелью, помнящей расцвет СЭВа и Варшавского договора. Здесь за Моисеевым негласно был закреплён столик, и барменша Валентина готовила ему особенный напиток, отдалённо напоминавший капучино. В нём было много горячего пенообразного молока и для запаха несколько капель настоящего кофе. Игорь Александрович с удовольствием пил свой кофе, погружённый в мысли о чём-то исключительно важном. Я бесцеремонно прерывала его молчаливую беседу с самим собой, пытаясь развлечь франкофонной болтовнёй с парижским акцентом. Меня он прекрасно слышал и очень остроумно комментировал сказанное. Я от всей души смеялась, вызывая у окружающих хоть и лёгкие, но неприязненные чувства зависти и ревности. Мы говорили о французской литературе, о Париже. Я узнала, что по семейным обстоятельствам ему пришлось в раннем детстве какое-то время провести в парижском пансионе, куда его в целях безопасности определила мама. У неё были франко-румынские корни, а Париж она считала лучшим городом в мире, потому что здесь познакомилась с будущим мужем. Пока маленький Игорь постигал азы французского, его мама вызволяла папу из застенков царского режима, куда он попал из-за прогрессивных убеждений.

Я рассказала Игорю Александровичу о своей работе в ГИТИСе на балетмейстерском факультете, отметив, что с представителями балетного мира было приятно общаться. Из всех студентов театрального института они самые дисциплинированные, обязательные, исполнительные и воспитанные. На них даже смотреть доставляло удовольствие – подтянутые, всегда аккуратно одетые, улыбчивые и хорошо пахнущие. Приятный запах, исходящий от студентов, исключительно важен для педагога. Поверьте, чрезвычайно сложно высидеть шесть часов подряд в небольшой аудитории среди немытых тел и несвежей одежды. Игорь Александрович согласился, что балетные люди – особенные. Они начинают служить Терпсихоре с малых лет и трудятся в поте лица и тела не покладая рук, не останавливая ног, ежедневно и до полного изнеможения. Более того, изнуряя себя подобным образом, они получают удовлетворение от работы, потому что очень любят свою профессию. Я вызвала снисходительную улыбку Мастера, заявив, что в моих глазах все без исключения, кто учился на балетмейстерском, заслуживают уважения и поблажек. Во всяком случае, за десять лет службы у меня рука не поднялась кого-нибудь из них наградить «неудом». Похвалила его молодёжь из ансамбля, которая появлялась дважды в год на экзаменационных сессиях, получая в ГИТИСе высшее заочное образование в перерывах между бесконечными гастролями. На упоминание о заочном образовании Игорь Александрович отозвался саркастическим смешком, однако признал, что официальная бумажка о наличии диплома кому-то из его артистов, вышедших в 38 лет на положенную государством заслуженную пенсию, помогла найти новое призвание, стать режиссёром-хореографом или педагогом-хореографом. В любом случае стремление к знаниям à priori всегда похвально.

Я решила не доводить до сведения Игоря Александровича, что думали и говорили о нём его подопечные. А они считали его очень требовательным и даже деспотичным. За глаза они называли его «хозяин». Он никогда и никому никаких поблажек не делал, и все работали до седьмого пота. Частенько Моисеев выходил из себя и ругался. Самыми страшными словами были «чёртова баба» для девочек и «идиот» – для мальчиков. В редких случаях он бывал доволен и тогда ворчливо произносил: «Ну ладно, это похоже на дело». Как бы он ни ругался, как бы ни был сдержан в похвалах, он очень любил своих воспитанников, хотя и упрекал свою балетную поросль в излишнем материализме и самодовольстве, что противоречило главным жизненным принципам Мастера: «Созидай, но не обладай; трудись, не ища выгоды; добивайся цели и не гордись». Эти мудрые мысли сформулировал в древности китаец Лао-Цзы, а Игорь Александрович ими неукоснительно руководствовался. Получив мировое признание, сделав ансамбль визитной карточкой культуры нашей страны, он и не подумал почить на лаврах. В одной из наших барных бесед он процитировал Льюиса Кэрролла: «Чтобы оставаться на месте, надо бежать очень быстро. – И пояснил: – Чтобы сохранить профессионализм, надо работать без устали». Что он, собственно говоря, и делал, ни на секунду не останавливаясь. К сожалению, у Игоря Александровича были все основания упрекать своих детей в излишнем материализме, и именно с ним связан один из самых неприятных моментов в его жизни.

Смена государственного строя всегда и везде вызывала и вызывает смуту в умах, сердцах, в поведении и поступках людей. Если после революции семнадцатого года творческая прослойка нашего общества значительно поредела, потому что многие бежали от войны, голода или из страха, спасая жизнь, то в конце 80-х и особенно в 90-х ситуация изменилась ещё больше. Теперь люди стали уезжать за расширенным ассортиментом питания и за длинным рублём, отчего эта волна эмиграции получила в народе пренебрежительное название «колбасники». Я ни в коем случае не осуждаю желающих хорошо жить и стремящихся зарабатывать, потому что и сама этого хочу. Каждый имеет на это право, оно даже более или менее закреплено за нами Конституцией. Почему же не воспользоваться тем, что полагается по закону? Почему бы не продать подороже собственные способности и умения? Вопрос лишь в том, насколько этично поведение торгующих собой по отношению к другим, связанным с ними родственными, профессиональными и человеческими отношениями. С глубоким сожалением вынуждена признать, что, несмотря на закрепившуюся за ансамблем Моисеева репутацию сплочённого коллектива, в нём объявилась паршивая овца. И не одна, а сразу несколько нерадивых парнокопытных. В начале 90-х небольшая группа солистов за спиной руководства и в глубокой тайне заключила зарубежный контракт. Когда коллектив отправился в длительное турне по Европе с заездом в США, предатели воспользовались ситуацией и после одного из выступлений исчезли. По их вине гастроли должны были с позором провалиться. Так бы и произошло, если бы не высочайший профессионализм труппы, выступающей под знаменитым лозунгом мушкетёров Александра Дюма: «Один за всех, и все за одного». Конечно, отряд заметил и почувствовал потерю бойцов, но show must go on, и на место убывших встали другие, не менее талантливые. Что при этом испытывал Игорь Александрович, можно только догадываться. И хотя проклятия в адрес беглецов не летели, на головы оставшихся жалобы не сыпались, все понимали, какая страшная рана нанесена Мастеру, вдохнувшему жизнь в деревянных буратинок. Он научил их работать, поделился секретами своего искусства, дал путёвку в жизнь. Под его руководством они достигли успехов, только вот в настоящих людей не смогли превратиться. Многолетний труд своего учителя, его веру в них они продали за тридцать валютных сребреников. Как показывает опыт, трусость и предательство оправданию не подлежат.

Игорь Александрович был очень непростым человеком, сложным в общении. А вы попробуйте быть гением и войти в историю мировой культуры! Далеко не все окружавшие Мастера люди могли пройти его тест на человеческую доброкачественность. Величайший труженик, принципиальный, требовательный к себе и к другим, он не мирился с бездельем, равнодушием и унынием. У Игоря Александровича были миллионы восторженных поклонников, сотни учеников, немного соратников и всего лишь несколько друзей. Среди них писатель Сергей Смирнов, «литработник с журнально-газетным уклоном и актёр своего театра» Ираклий Андроников, а также режиссёр Георгий Товстоногов. Хочу заметить, что у руководителя БДТ и основателя ансамбля народного танца было много общего, а в чём-то сходство казалось так велико, что их можно было принять за братьев-близнецов с некоторой разницей в возрасте. Оба безраздельно властвовали в своих вотчинах, у обоих был железный характер, несгибаемая воля и ясная цель в жизни – создание первоклассного академического коллектива в стране. Возглавив в 1965 году Большой драматический театр, Георгий Александрович на первой встрече с труппой заявил: «Я несъедобен», – и в подтверждение своих слов уволил 35 человек, тем самым навсегда лишив актёров желания бунтовать против центральной власти. Игорю Александровичу было проще: он не приходил в чужой коллектив, он с нуля создал свой собственный, однако, как и его друг, он был совершенно «несъедобен».

И Моисеев, и Товстоногов были людьми невероятно целеустремлёнными, высокообразованными и тонко чувствующими. А в чём же заключались различия? Начнём с того, что Георгий Александрович был членом партии, курил, водил машину, вёл сидячий образ жизни, имел в общей сложности троих детей и официально был женат дважды. А вот Игорь Александрович вредных привычек не имел, за руль не садился, находился в непрерывном движении и женат был трижды. Про взаимоотношения Товстоногова с жёнами мне ничего не известно. Зато я слышала много хорошего про первую жену Моисеева, встречала в Коктебеле вторую и долгие годы с удовольствием общалась с третьей. Первая официальная спутница Игоря Александровича танцевала в Большом театре. Она стала ангелом-хранителем молодого талантливого танцора, помогала ему справляться с непростыми ситуациями в сложном балетном закулисье столицы. Вместе с Моисеевым она принимала активное участие в создании первого в мире ансамбля народного танца, в котором работала и после развода, оставаясь с его руководителем в самых дружеских отношениях.

ВЛАДИМИР ВЯТКИН / РИА НОВОСТИ

2003 год. Основатель и руководитель Государственного ансамбля народного танца Игорь Моисеев с супругой Ириной в день своего 97-летия

Игорь Александрович всегда пользовался у женщин успехом, они тоже ему нравились. Он относился к той категории мужчин, которые дамам не отказывают, чтобы их не обидеть, но они столь заняты и увлечены делом, что на серьёзный флирт времени не остаётся. Несмотря на более чем преклонный возраст, мужского обаяния Игорь Александрович не терял, в чём я убедилась на собственном опыте. После одного особенно весёлого и симпатичного вечера в баре, когда всем участникам удавались шутки, а интересные и неординарные мысли украшали дружеские разговоры, все отметили, что Мастер был в ударе, очень оживлён и в общении с нами, простыми смертными, чрезвычайно мил. Поутру, встретив Моисеева у массажного кабинета, я высказала ему своё восхищение вчерашним soirée и сказала, что просто влюбилась в него. Мои слова оказали на девяностосемилетнего Игоря Александровича неожиданное действие: глаза его озорно блеснули, он хитро улыбнулся и, понизив голос, произнёс: «Я готов...» К чему именно, он не уточнил, потому что в этот момент из кабинета вышла массажистка и увела Мастера на процедуру. Я с облегчением вздохнула и подумала: «Хорошо всё-таки, что Ирины Алексеевны не оказалось рядом, а то вдруг бы она превратно истолковала блеснувший глаз мужа и на всякий случай отлучила меня от общения». Что касается моего мужа, то пересказанный ему утренний разговор его восхитил: «Я тоже хочу в возрасте Игоря Александровича так реагировать на женские слова, если, конечно, доживу».

Ирина Алексеевна стала третьей женой Моисеева, когда ему было уже за шестьдесят. В ансамбль она пришла после училища Большого театра в возрасте шестнадцати лет. На фотографиях того времени она просто прелестна: изящно-хрупкая, с огромными лучезарными глазами, похожая на эльфа или сказочную русскую Дюймовочку. Через много лет Игорь Александрович признавался, что сразу положил на неё глаз, который, глядя на обладательницу прелестного личика и стройной фигурки, постоянно радовался – столько было в девушке грации и добродушного лукавства юности! Она была добрая, весёлая и талантливая, а ему на ту пору было около сорока, и у него только что родилась дочь. Прошло почти тридцать лет, и они поженились. За эти годы столько всего произошло и в жизни ансамбля, и в личном пространстве героев! Коллектив Моисеева обрёл всемирное признание и славу. Его солистка Ирина Алексеевна Чагодаева-Конева рассталась с мужем, а её дочери исполнилось 14 лет. Второй брак Моисеева исчерпал себя. Дочь Ольга пошла по стопам матери и танцевала в ансамбле. В какой-то момент оказалось, что все главные женщины Игоря Александровича не только связаны с ним и между собой профессиональными узами, но и находятся под одной крышей общего артистического дома. Думаю, многие мужчины могли бы позавидовать умению Мастера сохранять контакты со всеми близкими участницами личной жизни. У меня эта ситуация вызывает в равной степени как уважение, так и восхищение.

Окончание главы в следующем номере

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Любить по-английски

Неустаревший Сомэрсет Моэм на сцене Театра комедии

В разгар ковидного театрального лихолетья акимовцы решились на премьеру. Татьяна Казакова, художественный руководитель и мотор знаменитого театра, опять решила говорить со зрителем о главном: о любви и её иллюзиях. Театр комедии им. Николая Акимова, не чуждый социальной критике и сатире, всё-таки остаётся прежде всего театром психологическим, театром человеческих чувств.

ЛЕОНИД ТОРОПОВ

Сцена из спектакля «Иллюзии любви». Роль леди Кэтрин исполняет любимица публики Ирина Мазуркевич

На этот раз «бремя страстей человеческих» представлено в фирменном «аглицком» стиле – пьесой знаменитого и когда-то феноменально популярного у нас прозаика Сомерсета Моэма. Джентльмен, разведчик, исполнявший какую-то тайную миссию в России 1917 года, скептик, знаток жизни и человеческих сердец, этот писатель сейчас нечастый гость в нашем театре. Устарел ли Моэм?

Пьеса, которую принято относить к типу «эдвардианских» (по имени наследника королевы Виктории короля Эдуарда VII), обладает всеми чертами английской комедии: действие происходит в родовом имении, любовная история, в которой замешана молодая пара аристократов, разворачивается в атмосфере политических амбиций, борьбы честолюбий, иронии, лицемерия, наконец, главное – остроумия и словесных пикировок.

Эпоха сразу же определяется орнаментами стиля модерн интерьерной декорации, линейными контурами регулярного сада, роскошными туалетами главной «этуаль» постановки – леди Кэтрин в исполнении народной артистки России Ирины Мазуркевич (художник спектакля – Андрей Климов). Собственно, её героиня и становится тем стержнем интриги, вокруг которого разворачивает свои стороны любовный треугольник: взаимоотношения молодой пары, амбициозного политика Арнольда Чэмпион-Ченнея (Михаил Сливников), его прелестной, юной жены Элизабет (Дария Лятецкая) и небогатого начинающего заморского бизнесмена Тэдди Льютона. Леди Кэтрин, когда-то юная красавица Китти, бежала с возлюбленным от своего мужа Клайва (Константин Воробьёв), отца Арнольда, бросив маленького ребёнка и прожив тридцать лет во Флоренции. Она стала изгоем чинного викторианского «круга» (название пьесы – «Круг»), но была счастлива и теперь возвращается в родовое поместье как райская птичка, весёлая и щебечущая.

Она вносит смуту в сердца сына, которого не узнает при встрече, мужа, который, несмотря на цинизм старого ловеласа, сохранил к ней чувства, она раздражает своего вечного любовника, ставшего старым подагрическим брюзгой. Но она позволяет разжечься той искре любовной страсти, которая тлела в сердцах Элизабет и Тедди. По сути, эта великосветская трещотка, несносная в своей болтливой кокетливости, оказывается не просто умна – мудра и способна на глубину чувств. Мазуркевич в роли леди Китти приходится переходить от внешних приёмов на грани комизма к проявлениям сильных эмоций, балансировать между гротескным и драматическим, держать внимание зрителя, подобно Джулии Ламберт.

Клайв, брошенный муж, выступает её главным антагонистом: он хочет вывести её из себя образами былой красоты и молодости (отсюда приём с демонстрацией слайдов «красавиц былых времён» в пышных шляпах), он хочет предотвратить бегство из своего дома ещё одной юной жены – на этот раз не Китти, а своей невестки Элизабет. Он циник, меняющий юных дев, но он не Тоцкий, не злодей, скорее, тихим развратом он прикрывает горечь опустошённой души. Яркий Константин Воробьёв в роли Клайва тоже играет с элементами гротескности, вообще по-итальянски экспансивная манера игры в этом спектакле кажется поначалу неожиданной и даже избыточной. Всё-таки тут столь любимая русским зрителем «игра в англичанство». Возможно, громкая подача голоса, широкие движения, диагональные перемещения актёров призваны приблизить сдержанный английский материал к современному зрителю, привыкшему к быстроте и звуковой насыщенности всего, что его окружает: от музыки до телесериалов и модных спектаклей. Но ведь и в самой пьесе кипят страсти, которые лишь приглушаются обычными для английской традиции недоговорками, иронизмами, ловким обманом. Обман будет и в развязке спектакля, но не будем спойлерить и говорить, какой, тем более что и пьеса, и её интерпретация Татьяной Казаковой оставляют открытый финал.

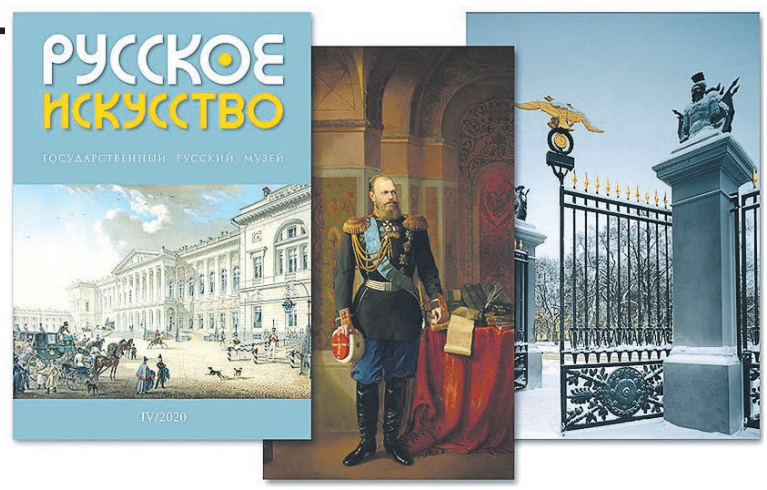
Акимовцы и здесь, при заполненном по правилам Роспотребнадзора на 25% зале, показали себя охочими до большой актёрской игры. Они не жалеют мастерства и душевной энергии, они сохраняют школу и верны принципам игрового, но всё-таки глубоко психологического театра. А Казакова ещё раз продемонстрировала, что её видимое режиссёрское растворение в стихии актёрской игры – на самом деле следование одной из лучших традиций русского театра: быть актёрским режиссёром.

Что ж, пьеса Моэма, материалиста и атеиста, вполне востребована современным зрителем, ибо она как раз о таком невещественном пустяке, как душа, о её порывах и её иллюзиях.

Мария Фомина,
искусствовед

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

«Торжество смертных», обретших бессмертие



Впервые за всю историю существования журнал «Русское искусство» посвятил целый номер одной музейной институции. Последний выпуск 2020 года стал оммажем Государственному Русскому музею, отметившему 125-летие.

Русский музей, в историческом названии которого присутствует имя императора Александра III, является обладателем самого обширного и полного собрания отечественного изобразительного искусства не только в России, но и в мире. Памятуя об этом, понимаешь, какую сложную и вместе с тем захватывающе интересную задачу поставила перед собой редакция журнала «Русское искусство» – отразить на своих страницах хотя бы несколько знаменательных вех уникальной истории этого музея.

Юбилейная приподнятость тона не мешает авторам вести с читателем живой, увлекательный диалог. Генеральный директор ГРМ Владимир Гусев предлагает взглянуть на Александра III как на властителя, сознательно строившего стратегию своего царствования на поддержке всего русского и не в последнюю очередь – искусства и культуры. Евгения Петрова, заместитель гендиректора ГРМ по научной работе, перелистывая страницы музейной летописи, рассказывает, как отвага и смекалка сотрудников позволяла им обходить многочисленные рогатки, на которые во все времена так щедра была официальная власть. Историограф Владимир Пучков разворачивает перед читателем пленительную архитектурную панораму ансамбля дворцов Русского музея.

Музей – это не стены с крышей и даже не коллекции, это в первую очередь люди, день за днём обеспечивающие шедеврам бессмертие. У нас есть возможность вглядеться в судьбы тех, чьим талантом и самоотверженностью жив Русский музей: Петра Ивановича Нерадовского, которого Грабарь называл «фактическим созидателем» ГРМ; Марии Андреевны Алексеевой, многие годы возглавлявшей отдел графики; Натальи Васильевны Тарановской, выдающегося исследователя народного искусства.

Собрание ГРМ насчитывает более 400 тысяч единиц хранения. Не пытаясь объять необъятное или расставить какие-то приоритеты, авторы номера стремятся поделиться с нами тем, к чему у них самих лежит душа. Идёт ли речь о коллекции княгини Тенишевой или о собрании работ Александра Бенуа, о персональной выставке К.С. Петрова-Водкина 1936 года или об экспедициях сотрудников музея в богом забытые деревни в поисках древних икон, старинной утвари или костюмов, на читателя обрушивается лавина такой искренней любви и преданности своему делу, что просто дух захватывает.

История Русского музея насчитывает столетие с четвертью. В ней хватает и светлых, и сумрачных страниц – взять хотя бы злоключения монумента Александру III работы Паоло Трубецкого или длительную борьбу за спасение «Смолянок» Дмитрия Левицкого. Однако, закрывая последнюю страницу журнала, укрепляешься в убеждении, что Время всегда всё расставляет по своим местам.

Виктория Пешкова

ВЕК

За шёпот и за крик, за вечность и за миг

Арно Бабаджанян: не только песни

Армен Джигарханян как-то спросил своего друга Арно Бабаджаняна: «Как ты пишешь музыку?» Тот ответил: «Слышу. Слышу». В свою очередь вся страна слушала и пела его песни, стремительно ворвавшиеся в атмосферу оттепели 1960-х и ставшие поистине эпохальными. В канун юбилея музыканта вспоминаем о том, как слава композитора-песенника отодвинула за кулисы талант выдающегося симфониста и пианиста.

Без легенд не обходится ни одна творческая биография. Вот и из детства Бабаджаняна известна одна история, бытующая по меньшей мере в четырёх вариантах. Суть её такова: на прослушивании в детском музыкальном саду в Ереване маленького Арно приметил один «дядя», который сказал, что у мальчика абсолютный слух и необходимо учить его музыке. Родители послушались, и через год Арно уже пошёл в музыкальную школу. «Дядей» был Арам Хачатурян, сыгравший большую роль в становлении Бабаджаняна как профессионала. Именно он хлопотал в столице, чтобы Арно приняли на последний курс училища Гнесиных, а уже потом в Московскую консерваторию, к Константину Игумнову. К слову, попасть в класс знаменитого профессора было давней мечтой Бабаджаняна — одним из самых ярких впечатлений мальчика стал концерт Игумнова в Ереване в самом начале 1930-х годов.

О пианизме Бабаджаняна тоже ходили легенды. Так получилось, что большая пианистическая карьера у него не сложилась, хотя казалось, для этого было всё: филигранная техника, завидный художественный вкус и темпераментные прочтения. Современники утверждали, что Бабаджанян просто потрясал интерпретацией сонат Бетховена, этюдов и прелюдий Шопена, Рахманинова, Скрябина; а классный вечер, на котором Арно исполнил Второй концерт Рахманинова, в консерватории помнили ещё долго. Сам Игумнов как-то раз в разговоре с певицей и педагогом Ниной Дорлиак обронил, что «это его лучший ученик». Но композиция, которая с самого детства увлекала Арно, всё же взяла верх. Впрочем, свои сочинения он всегда блистательно играл сам. Их же — почти исключительно — и записывал. Лишь в самом конце жизни его исполнение трёх прелюдий Рахманинова — самобытное, темпераментное и виртуозное — было записано на телевидении.

Свой первый опус Бабаджанян написал в 9 лет, он назывался «Пионерский марш». В дальнейшем наставниками молодого автора на поприще сочинительства были крупные мастера: В. Тальян, В. Шебалин, Г. Литинский. В сфере академической «серьёзной» музыки композитор оставил сравнительно небольшое, но значимое наследие: три струнных квартета, фортепианный и скрипичный концерты, Поэму-рапсодию для оркестра, «Героическую балладу» для фортепиано с оркестром, за которую он в 29 лет получил ни много ни мало Сталинскую премию. В 1962 году для Мстислава Ростроповича был создан виолончельный концерт, не лишённый оригинальности, красочности и технической искромётности. Новаторская жилка более всего проявилась в фортепианном творчестве. Чего стоит только фортепианная сюита «Шесть картин», где фольклорные элементы неожиданно, но гармонично сочетаются с «заумной», рациональной додекафонией. В свою очередь, поразительная по своему размаху «Поэма» была обязательным произведением для пианистов на III конкурсе им. Чайковского.

Необыкновенное дарование Бабаджаняна не смогло раскрыться в полной мере ещё по одной причине: половину жизни — 30 лет — композитор болел белокровием. Это сильно сдерживало энергичного и жизнерадостного музыканта, который вообще-то славился великолепным чувством юмора, был душой компании и счастливым семьянином. Но во всей его академической музыке, особенно поздней, явственно слышен безысходный трагизм. Самый яркий пример — Струнный квартет № 3 памяти Дмитрия Шостаковича (1977). Это не просто высказывание по поводу смерти великого композитора, но и мысли о своей собственной судьбе. Не стоит забывать, что к моменту создания этого опуса Бабаджанян уже два десятка лет как почти полностью посвятил себя так называемым лёгким жанрам. А в квартете слышны и творческая смелость, и глубина, и зрелое мастерство.

И всё же страна знала его как композитора-песенника. Вернее, не знала, а обожала. Его песни стали звучанием оттепели, как фильмы Хуциева — отражением той эпохи на киноплёнке. Бабаджанян видел, как растёт его популярность, разъезжая по стране и слыша, как люди напевали «Мой Ереван» из кинофильма «Песня первой любви». На советской эстраде во многом был первопроходцем: первые твисты — «Шагает солнце по бульварам», «Королева красоты» и «Улыбнись» — буквально зажгли время новыми, доселе невиданными в советском обществе красками и ритмами. Совсем другим взяли «Ноктюрн», «Не спеши», «Чёртово колесо», «Верни мне музыку», «Благодарю тебя» — непревзойдённые шедевры советской лирической песни. Под стать музыке и стихи — Бабаджанян сотрудничал с Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Леонидом Дербенёвым, Робертом Рождественским.

И сами 1960-е, и триумфальную концертную жизнь этих песенных хитов трудно представить без ещё одного человека — Муслима Магомаева. У него с Бабаджаняном возник не только плодотворнейший творческий союз, но и настоящая дружба, довольно странно оборвавшаяся в конце жизни композитора. К тому же естественное желание поддержать своего сына Араика, начинавшего тогда певческую карьеру, подтолкнуло Бабаджаняна писать новые песни уже для него.

Сегодня, почти сорок лет спустя после смерти музыканта, можно осознать масштаб и значимость творческого наследия А.А. Бабаджаняна. И одновременно огорчиться по поводу того, насколько обделена вниманием его «серьёзная» музыка. А песни — живут! Их перепевают и слушают. Да что там — каждый День города москвичи проводят под звуки неофициального гимна российской столицы — песни «Лучший город Земли».

Вадим Симонов

РЫБАКОВ / РИА НОВОСТИ

Звёздное трио соавторов — Роберт Рождественский, Арно Бабаджанян, Муслим Магомаев

Человек-мелодия

Из воспоминаний народного артиста СССР Муслима Магомаева (1942–2008)

Мы встретились с ним так, словно знали друг друга давно. Показал ему запись его «Софии». Он удивился тому, как просто и быстро удалось управиться с ударением. Сказал: «Лиха беда начало». Первая песня, которую он написал для меня, была «Ожидание» на стихи Гарольда Регистана. Арно знал мою страсть к неаполитанской песне, так что песня получилась именно в таком распевном стиле, но и с ароматом Востока. Я пел её и под рояль Арно, и с эстрадными и симфоническими оркестрами. Она вошла в мои лучшие диски. Возможно, «Ожидание» не было шлягером. Но именно эта песня стала нашей совместной с Арно визитной карточкой.

Потом мы «ударили» с ним по твистам и шейкам — что поделаешь, у песен тоже своя мода. Первым твистом в нашей стране был «Чёрный кот» Юрия Саульского и Михаила Танича. И надо заметить, «цензурные уши», увлёкшись «погоней» за несчастным чёрным котом, прослушали наши с Бабаджаняном твисты.

У Арно был редкий дар — он умудрялся, услышав популярную тему и взяв какие-то стилистические элементы, переплавить в золото собственной мелодии. Так, «настроив слух» на твист Адриано Челентано «Двадцать четыре тысячи поцелуев», написал свой твист «Лучший город Земли». Для Арно главным в момент создания песни была музыка, а не слова. Когда он писал «Королеву красоты», то говорил: «Хочу такую... пахучую песню...» Ему хотелось, чтобы песня была в стиле: «А ты ушла, моя Маруся...» Может быть, песня такой бы и получилась, с неким душком, если бы не стихи Анатолия Горохова, который додумался до королевы красоты (хотя тогда у нас никаких королев ещё не было), до лета, которое бродит по переулкам.

Недостатки — это продолжение наших достоинств. Темперамент Арно, его спешка в самовыражении граничили с тем, что можно назвать сочинительской жадностью. И при этом он словно обкрадывал себя, опережая события. Поэтому он «утопил» немало хороших своих песен: едва родившись, они оставались за бортом популярности.

С Николаем Добронравовым они написали песню «Гордость» («Пришёл конец печальной повести»). Песня получилась очень красивая, она могла бы стать шлягером, нужно было только время, чтобы, как теперь говорят, «раскрутить» её. Я спел эту песню несколько раз, и тут Бабаджанян, который, как всегда, спешил, «задавил» её: выдал очередную прекрасную песню «Благодарю тебя». Она стала суперпопулярной, и получилось, что один шлягер убил другой, потенциальный шлягер. Такая же судьба у чудесной песни «В нежданный час» («Как долго шли друг к другу») — ей «дала подножку» песня «Не спеши». Даже «Чёртову колесу» Арно не дал раскрутиться в полной мере: не дождался, когда она достигнет пика своей популярности, и тут же «выдал» «Свадьбу».

Нетерпеливый талант Бабаджаняна как бы сам себе наступал на пятки. Мелодии «поджимали» его, рождаясь одна за другой. Арно смотрел на меня из-под кустистых бровей «домиком» и с наивностью гения-подростка объяснял:

— Понимаешь, старик, я взял и написал другую мелодию. И она — лучше! Ведь лучше?..

Всякий раз он считал, что именно она-то и есть его бессмертная мелодия. А старую тему, которая и молодой-то не успевала побыть, он оставлял без присмотра. Конечно, всё это не вина его, а скорее беда, связанная с отсутствием в тогдашней нашей индустрии популярной музыки школы продюсеров. На Западе это давно вовсю процветало, а у нас ещё собиралось взойти...

Мне трудно сейчас сказать, отчего творческая судьба Бабаджаняна сложилась так, а не иначе. Массовому слушателю он известен как блистательный песенник, знатокам серьёзной музыки — как автор академических произведений. Я всегда чувствовал, что ему хочется писать серьёзную музыку. И он писал её по мере возможности.

И всё-таки душа его цвела в мелодии. Иногда про кого-то говорят, что он человек-оркестр. Про Бабаджаняна можно сказать, что это был человек-мелодия. У его песен ярко выраженный мелодический характер. Его мелодии не просто красивы — они чувственны. Весёлость их зажигательна, а грусть пронзительна. Возможно, песни-то и сбили его с «истинного» пути — они стали для него искушением. Но и в песнях он оставался композитором масштабным. Когда он исполнял их на рояле, из-под рук его звучал целый оркестр. Слушая же его песни в оркестровом варианте, я говорил себе: «Арно, на рояле было гуще, напористее». ■

Павел Полян,
историк, писатель, публицист

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: ДОКУМЕНТЫ

«Нам запретили белый свет...»

Дневник военнопленного Анатолия Галибина, извлечённый из чужой могилы

Нашим прахом по праву овладел чернозём

Этот дневник был найден в братской могиле советских военнопленных у дороги Куолаярви[1] – Микколахти на территории нынешней Мурманской области. На могилу указали местные жители, и одна из комиссий ЧГК провела здесь раскопки и эксгумацию.

В потайном кармане брюк одного из скелетов, извлеченных для исследования, неожиданно нашли металлическую, плотно закрытую коробочку, внутри которой находилась ещё одна коробочка – картонная. И уже в ней лежала книжица с картонной обложкой, с наружной стороны которой был нарисован золотой лев с двумя мечами – герб Суоми, а с внутренней – красная звезда. Книжка оказалась дневником человека, представившегося на первой же странице следующей записью: *«Марийская АССР. Юринский р-н. Липовский с/совет. Д. Моршавино*[2]*. ГАЛИБИН Анатолий Иванович».*

Многие записи размыло, и не все поддавались прочтению.

Коллизия праха, земли и воздуха из знаменитого стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» словно бы материализовалась в этой находке!

...Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облаком пыли
Ходит рожь на холме.

... Нашим прахом по праву
Овладел чернозём.
Наша вечная слава –
Невесёлый резон.

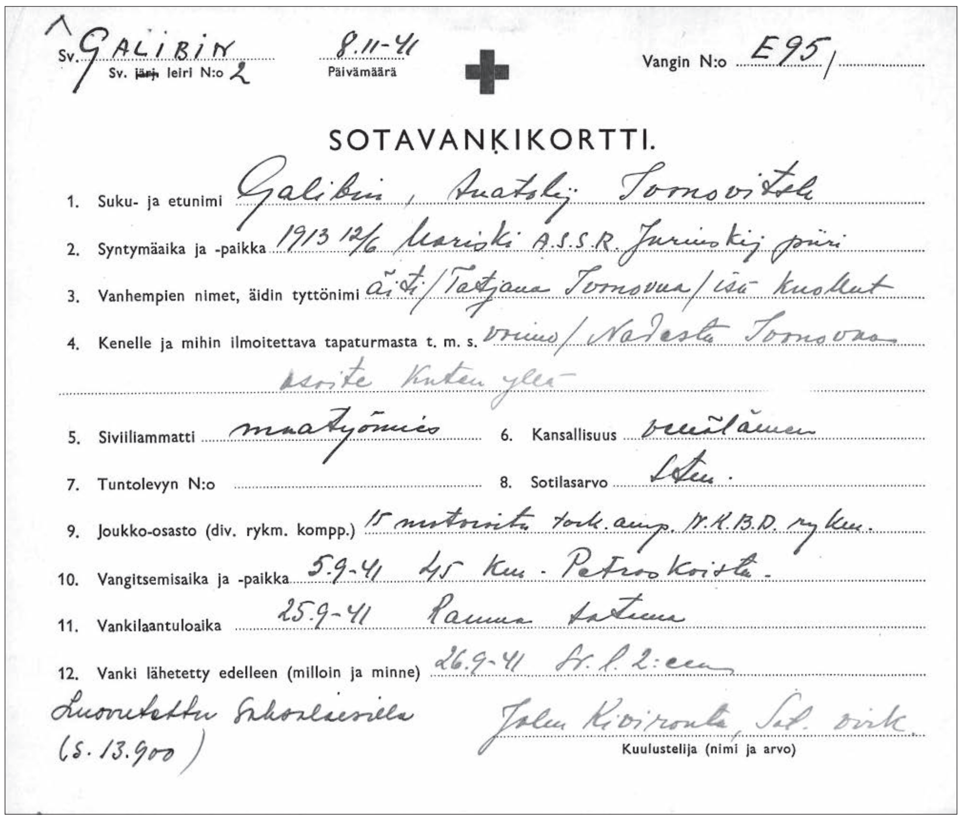
Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мёртвые, павшие
Хоть бы плакать могли!

15 месяцев дневника

Начинается дневник записью о призыве в Красную армию, сделанной ещё дома. Судя уже по этому, ведение дневника являлось продуманным планом Анатолия Галибина, а не импровизацией, к которой подтолкнул плен. Отсюда и система из двух коробочек – явная оснащённость на тот не исключавшийся из рассмотрения случай, если дневник переживёт его автора.

Родился Анатолий Галибин 12.06.1913 – так что безусым юнцом он не был. В Моршавино, судя по дневнику и финской карточке, его ждали три женщины – мать Татьяна Ионовна (отца к этому времени уже не было в живых), жена Надежда Ионовна (умерла во время войны) и дочь Люся. Ещё одна дочь родилась после его отъезда.

Был он тем не менее, что называется, классический рядовой необученный. Всего две недели на формирование частей под Медвежьегорском, и вот 18 июля 1941 года стрелок Галибин


Sv. GALIBIN Sv. ~~järj.~~ leiri N:o 2 — 8.11-41 Päivämäärä — Vangin N:o E95

SOTAVANKIKORTTI.

1. Suku- ja etunimi Galibin, Anatolij Ionovitsh
2. Syntymäaika ja -paikka 1913 12/6 Mariski A.S.S.R. Jurinskij piiri
3. Vanhempien nimet, äidin tyttönimi äiti/Tatjana Ionovna/isä kuollut
4. Kenelle ja mihin ilmoitettava tapaturmasta t. m. s. vaimo/Nadesta Ionovna osoite kuten yllä
5. Siviiliammatti maatyömies
6. Kansallisuus venäläinen
7. Tuntolevyn N:o
8. Sotilasarvo Stm.
9. Joukko-osasto (div. rykm. kompp.) 15 mutoriste tark. amp. N.K.B.D. rykm.
10. Vangitsemisaika ja -paikka 5.9-41 45 km. Petroskoista.
11. Vankilaantuloaika 25.9-41 Rauma satama
12. Vanki lähetetty edelleen (milloin ja minne) 26.9-41 Sv. l. 2:een

Luovutettu Saksalaisille (s. 13.900) — Jalm Kivivonta, Sot. virk. Kuulustelija (nimi ja arvo)

Карточка Галибина в Хельсинки

попадает на фронт, да ещё на передовую. И тут обнаружилось, что на него и ещё на 15 человек нет даже винтовок!

А когда винтовки нашлись, его зачислили в 1-й взвод 2-й роты 1-го батальона 15-го мотоснайперского Краснознамённого полка войск НКВД, развёрнутого сначала на Поросозерском, а позднее на Петрозаводском направлении. Боевыми командирами Галибина были комвзвода Шорохов и комполка майор Георгий Андреевич Каретин.

Записи дневника очень скупые, но начиная уже с 19 июля слова «оборона» и «отступление» заняли в нём своё заслуженно большое место. 23 июля – первая смерть и буквально в двух шагах: две разрывные пули нашли Курбанова, товарища и земляка.

Тактико-стратегические вопросы не вызывали у Галибина большого интереса: «делали отступление», «финны делали наступление» – так отзывается он на усилия командования. А между 24 июля и 15 августа – ни одной записи.

15 августа пришло первое и, по сути, прощальное письмо из дома: жена написала о своих дурных предчувствиях, но сам Галибин храбрится, пишет ей, утешает её.

Гораздо отзывчивее он на трудности с бытом и питанием: последние перешли уже ко 2 сентября в самый настоящий голод. Но ещё большую тревогу и недоумение вызывает у автора дневника проблема другого дефицита в армии – оружия и боеприпасов!

20 августа он впервые записывает чужой адрес – адрес погибшего бойца из его отделения (имя не сохранилось). Таких адресов в дневнике будет ещё немало.

Записи дневника уложились в неполных 15 месяцев. Самая первая датирована 26.06.1941, а последняя – 13.09.1942.

В плену

5 сентября произошло то, что произошло: Галибин попал в плен.

В записи за 4 сентября читаем: *«Неприятель ведёт себя сильнее и сильнее. Засыпает нас из пулемётов и автоматов, а мы лежим без патрон. Все имеющиеся остатки патрон собрали для пулемётов. Лежу с двумя гранатами, которые храню на последний случай...»*

Но этого последнего случая – подорвать себя вместе с врагами – не представилось. Финны нашли его лежащим по щиколотку в воде, в луже[3].

Вот запись за 5 сентября: *«Вот и поворот в жизни. Сделал преступление перед родиной».* Подумать только – этот раненый, голодный и холодный, этот безоружный и брошенный командирами в котёл красноармеец – не политрук и не партиец! – и сам искренне переживает свой плен не иначе как предательство!

В тот же день Галибин повстречал в плену ещё около сотни своих, в том числе старшего политрука и раненного в бедро Каретина. Колонну военнопленных из приблизительно 100 человек отвели в деревню Самоозеро (по-видимому, на сборный пункт), но при этом расстреляли одного человека – политрука. Это, кстати, ещё не доказывает того, что в союзной Германии финской армии, гордившейся своей самостоятельностью и независимостью, напрямую действовали самые варварские и преступные из приказов вермахта, в частности «Приказ о комиссарах». Но широкое распространение получила практика передачи советских военнопленных из финских в немецкие руки: в общей сложности около 3000 человек, почти исключительно политработников, среди которых было немало евреев. Как правило, их увозили в Германию, где преступные приказы действовали и где следы переданных как-то ожидаемо терялись[4].

11 сентября Галибина со товарищи вывезли в финский тыл, в большой лагерь в городке Раума на берегу Ботнического залива (юго-западнее Тампере). Работа – тяжёлая (строительство, разгрузка-погрузка пароходов), кормёжка – отвратительная. Пленные собирают грибы и ягоды, ежедневно, несмотря на запрет, роются в помойках. Тут уж не до дневника: между 3.10.1941 и 27.01.1942 – всего четыре записи.

Так бы оно и продолжалось, если бы не передача в немецкие руки и не перевод в самом конце января в другой лагерь, расположенный в центре страны. Лагерь был, судя по всему, штрафным и предназначался для неблагонадёжных лиц. Находился он в Сююспойя близ Руоколахти в Финской Карелии и числился по ведомству PVO – финской военной разведки. Чем мог заинтересовать её Галибин? – разве что краткой принадлежностью к скверно вооружённой снайперской части НКВД или, возможно, вызывающим патриотизмом поведения?..

Вот галибинское описание этого лагеря: *«Познакомился с обстановкой и бытом нового местожительства, куда меня забросила судьба. Лагерь называется изолятор, то есть люди, подлежащие изоляции с этого света в полном смысле этого слова из состава военнопленных, состоит из политруков и командного состава <...>, рядовых же незначительный процент. В бараке, по сравнению с другими лагерями, значительно чище, но всё же вошь и клоп гуляют в открытую. Спят на жёстких деревянных койках, на голых досках. Стража находится в коридоре. На волю выпускают на полчаса в сутки для того, чтобы пройти по тропинке вокруг барака от 8 до 12 кругов <...>. Питание состоит из следующего меню: хлеба выдаётся 150 граммов в сутки один раз на весь день, причём и он не чистый, а суррогат. Утром в 11 часов 1 литр супа, если только можно так назвать, потому что он готовится из мёрзлого, нечищеного картофеля и без соли, а вечером 1 литр баланды из ржаной отруби, причём густоты 2–3 ложки и без соли. Вот и всё, чем поддерживается дух пленных, да 1 кусочек сахара рафинаду»* (30 января 1942 года).

А вот запись неделю спустя (от 5 февраля): *«Да, такое питание за 7 дней даёт о себе знать. <...> Такая слабость, что чуть-чуть ворочаешься».* И дальше – сугубо логическое следствие: *«Не проходит и дня, чтобы 1–2–3 товарищей не отправили на «Могилевскую»* – то есть в могилу! К началу марта из восьмёрки товарищей, приехавших сюда вместе с Галибиным, в живых оставалось трое.

Тогда-то и началась в дневнике вереница адресов и фамилий: Чернов, Гончаров, Трифонов, Зуйков, Киевский, Лузин (Лузгин?), Крайнов и Пипин (последнего застрелил часовой)... Словно кресты

[1] Куолаярви (во время войны – Салла, или Альсалла) – местонахождение ставки немецкой Лапландской армии на севере Финляндии. Ныне в Кандалакшинском районе Мурманской области.

[2] В источнике, ошибочно, – Горшасино.

[3] О месте пленения известно лишь то, что оно находилось в 45 км от Петрозаводска.

[4] Начиная с осени 1943 г. такие передачи советских военнопленных уже не практиковались.

ИТАР-ТАСС

Лежу с двумя гранатами, которые храню на последний случай…

МЕЖУЕВ / РИА НОВОСТИ

Боевые действия советских войск в Финляндии

на кладбище, отмечают они покойников, а в том, что доведётся по этим адресам написать и оповестить об этих смертях домашних, Галибин искренне сомневался – *«сам кандидат в могилу»*.

Да ещё какой кандидат! *«Появилась голодная опухоль. Опухли ноги и лицо. <…> На боках появились пролежни»*, – записывает он 3 марта. Доктор же дал потрясающий совет: *«Живи за счёт собственной энергии»*, – то есть подыхай лёжа.

Но в середине марта питание неожиданно улучшилось, хлеба стали давать по 300 г, суп стал погуще. Не преминул Галибин выделить в дневнике и такое событие, как первую за последние 8 месяцев перемену нижнего белья! Но в конце апреля ко всем напастям добавился ещё и сыпной тиф.

Восхищает то, что Анатолий Иванович находил в себе силы не только для фиксации, но и для анализа происходящего. Голод и несносная, дикая обстановка, замечает он, глупят и корёжат человека. Об одной из таких голодных глупостей – съеденных с голодухи сырыми мухоморе и других несъедобных грибах – повествуют его записи конца августа.

«Каждый из нас дошёл до того, что скорее походит на живой труп, на мумию, никак не на нормального человека» (7.06.1942).

Июнь же 1942 г. оказался преисполненным «ярких» событий: 4-го числа – 75-летие Маннергейма, 9-го – хлеб хорошего качества и пол-литра добавочной баланды, 12 июня – баня и перевод в барак для выздоровевших, 16-го – первый выход на лёгкие работы.

22-го, 23-го и 26-го – вереница горестных годовщин: нападения Германии на СССР, получения повестки из райвоенкомата и отправки на фронт. *«Сравниваю два периода жизни: тогда и теперь. Тогда был полный, жизнерадостный, с мечтаниями на лучшую жизнь впереди, <теперь> <…> вместо нормального человека – только образ человеческий (скелет) без всяких надежд на лучшую жизнь в скором времени»* (23.06.1942).

Надежды вырваться из этого лагеря рухнули: в партии на отправку Галибина так и не включили. *«Нахожусь в состоянии полной апатии»*, – записывал он 17.08.1942. – *Ни на что не хочется обращать внимания. Шевелиться нет сил…»*

А 5 сентября подоспел ещё один юбилей – годовщина плена. Мнение о пережитом в плену у Галибина однозначное: это – *«год, который не задумываясь можно было бы с удовольствием вычеркнуть из жизни, так как ничего, кроме лишений и огорчений, он не принёс»*.

Согласно финским документам Галибина передали 10 июня 1943 года германской контрразведке – абверу, отвечавшему за перевод части советских военнопленных из финского плена в немецкий.

И вот тут-то – поразительная развилка судьбы Галибина, вернее, её загадка.

В октябре 1944 г. в районе финского лагеря для советских военнопленных Салло-Куолоярви местные жители указали на рвы и воронки, в которых были захоронены расстрелянные, по их словам, советские военнопленные. Там действительно оказались останки красноармейцев. В кармане одного из них и обнаружился дневник Галибина.

И, казалось бы, всё очень просто: немцы Галибина расстреляли, а при нём, в кармане брюк, был этот самый дневник.

Ибо – и вот оно, острие развилки-загадки, – Анатолий Иванович Галибин был… освобождён из немецкого (sic!) плена и репатриирован!

По крайней мере мы встречаем его имя в списке из имён 1603 советских военнопленных, приложенном к письму зам. начальника ГУКР «СМЕРШ» генерал-лейтенанта И.Я. Бабича зам. уполномоченному СНК СССР генерал-лейтенанту К.Д. Голубеву от 16.03.1945 с просьбой пробить этот список по перечню репатриированных советских граждан[5]. Включён он и в именной список освобождённых из плена и репатриированных советских военнопленных от 4.04.1946[6]!

Если это правда, то вывод может быть только такой: дневник Анатолия Галибина был обнаружен в кармане не его брюк!

Как так могло получиться? Возможно, Галибин, опасаясь за свою жизнь в момент передачи немцам, успел передать дневник товарищу, впоследствии расстрелянному вместе с Окуневым?

И почему он не дал о себе знать родне в Моршавино? Впрочем, дал знать или не дал – этого мы тоже наверняка не знаем, коль скоро утонуло и само его родное село…

Родина

Семья Анатолия Галибина, к слову, была довольно большой[7]. У родителей (их звали Иван и Татьяна) было, включая Анатолия, девятеро детей – Николай, Вера, Любовь, Анна, Ираида, Виталий, Анатолий, Анастасия и Надежда.

Жену Анатолия Галибина звали Надежда. Она умерла ещё в годы войны: у них убежал баран, она побежала за ним, простудилась, заболела и умерла. Двое детей, Люся (Людмила) и Нюра (Анна), остались сиротами. Дальнейшая судьба Люси неизвестна, родственники только припоминают, что, когда пришла газета «Красная звезда» с публикацией о её отце, ей было примерно четыре года. Вторую дочь, Нюру (Анну), удочерил Фёдор Кутрухин из деревни Удельной, что в 6 км от посёлка Юрино. Когда она выросла, уехала в Ульяновск, где работала на авиационном заводе.

Самой деревни Моршавино сегодня уже не существует, как нет и Липовки, к сельсовету которой она относилась. Они исчезли потому, что в 1970-е годы собирались усилить мощности Чебоксарской гидроэлектростанции и поднять на 5 метров уровень воды в Волге. В таком случае многие деревни, в том числе и Моршавино, ушли бы под воду, отчего их население было переселено. Но вышло так, что мощности гидроэлектростанции увеличили не так сильно, и вода в Волге поднялась не так высоко, как предполагалось, поэтому Моршавино не было затоплено, но люди туда уже не вернулись: в 2005 г. ото всех построек оставался в ней лишь один полуразрушенный кирпичный дом.

Обложка из картона

Сам дневник дошёл до нас только в форме машинописи, хранящейся в Военно-медицинском музее в Санкт-Петербурге (экспонат ОФ-27011). В его паспорте сообщается, что оригинал был обнаружен при раскопках в районе железнодорожной станции Куолоярви, на дороге Куолоярви – Миккколахти. Раскопки произвела специальная комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний, созданная в сентябре 1944 года при 19-й армии. В её составе майор Герасимов (от политотдела), подполковник медицинской службы Чирейкина и военный юрист Синявский (от прокуратуры). Весьма необычным оказалось место захоронения, вскрытое при раскопках. Оно было замаскировано вкопанными в землю деревьями, под корнями которых – два наката из толстых брёвен, пересыпанных землёй. И уже под ними располагались скелеты расстрелянных советских военнопленных – прямо не могила, а своего рода склеп. В одежде одного из них, в потайном кармане его брюк, и был обнаружен дневник Анатолия Галибина.

Вот его описание, открывающее машинописную копию текста дневника, поступившую в ВММ 6.10.1948 от В.Х. Чирейкина, ставшего уже полковником: *«Дневник записан на самодельной книжечке, обложка сделана из картона, на наружной стороне нарисован белофинский герб – двуглавый лев; на внутренней стороне обложки красная звезда; книжечка была в картонной коробочке, а последняя в металлической, плотно закрытой коробочке. (На шее скелета бирка – № .....)»*. Далее следовал адрес автора, по-видимому, открывавший дневник в оригинале.

Как установил финский историк Пекка Кауппала, фрагменты из дневника впервые были опубликованы ещё в 1945 г.! А именно: Из дневника советского военнопленного А. Галибина. // Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. [Петрозаводск:] Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1945. С.279–286. К публикации даны следующие примечания: *«Обнаружен в потайном кармане расстрелянного финнами советского военнопленного при раскопке групповой могилы по Корьевской дороге»* и *«В конце блокнота-дневника имеется календарь, в котором вычеркнуты прожитые в лагере дни до 13/IX-1942 г.»*.

Кроме того, по сведениям семьи, вскоре после окончания войны в газете «Красная звезда» была публикация об Анатолии Галибине и о его дневнике. После публикации родственники обратились в газету, после чего редакция прислала им копию дневника. Запрос, по-видимому, делал брат Виталий Иванович, работавший где-то в руководстве. Кроме того, с Виталием жила его и Анатолия мать – Татьяна. Так что копия дневника могла храниться в семье именно Виталия Галибина.

Местонахождение самого оригинала галибинского дневника не установлено[8]. Тот факт, что публикация 1945 года состоялась в Петрозаводске, позволял предполагать, что он хранится в местном архиве, но О.Г. Чистяков, директор Национального архива Республики Карелия, заверил меня в 2005 г., что его там нет. Остаётся надеяться на местный архив ФСБ или на фонды ГЛАВПУРа или «Красной звезды» в Москве.

В 2000-е дневник А. Галибина снова публиковался – мною и Н. Поболем – и дважды: сначала в газетной[9], а потом и в книжной версии, причём цитата именно из Галибина дала название всему альманаху – «Нам запретили белый свет…»[10]. Заново подготовленный, он войдёт в состав книги П. Поляна «Если только буду жив…»: двенадцать дневников военного времени», готовящейся в издательстве «Нестор-история».

Сердечная благодарность финскому историку П. Кауппала и его коллеге М. Исаевой, а также российским архивистам И. Пермякову, И. Казырину, А. Валькович и Л. Штанько за щедрую помощь. ■

5 ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 156. Л. 49.

6 Донесение об освобождении из лагеря для военнопленных № 6 за № 23691 от 4 апреля 1946 г. (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 903. Коробка 2250. Л. 39).

7 В конце 2005 года разысканиями о семье Галибиных – с выездом в посёлок Юрино Республики Марий Эл – занималась Марина Исаева, знакомая финского историка П. Кауппала.

8 Наиболее вероятное направление поиска – семья В.Х. Чирейкина.

9 «Нам запретили белый свет…» Дневник военнопленного, найденный в его могиле // Известия. 2005, 10 марта. С .8.

10 «Нам запретили белый свет…», 2006. С. 342–355.

Александр Вулых
Администратор

ЛЁД ТРОНУЛСЯ

Маразмиады

Маразмиада о поэзии
Был приставучий очень стих,
Но стих.

Маразмиада об антисемитизме
Пусть слёзы льёт антисемит
Ужасному наследию:
Плутон, тот раньше был Аид –
Читайте Википедию.

Маразмиада о человеке в штатском
Всяк сверчок,
Знай шесток.
Не далёк
Вышний Волочёк.

Маразмиада кризиса преклонного возраста
Какая, к чёрту, младость?
Живой – вот это радость!

Маразмиада о долге
На берегу Гудзонского залива
Он был бомжом
районного розлива.
Он был бомжом
районного розлива –
Такая поступила директива.

Маразмиада молчания
Держу язык я за зубами,
но их всё меньше...

Маразмиада сомнения
Бузина – полезное растение,
А вот дядьки в Киеве – вопрос.

Илья Журбинский

ПОТНЫЙ ВАЛ ВДОХНОВЕНИЯ

О пользе электрокаминов

Узнав, с какой скоростью раскупают очередную книжку популярного автора Б. Акулина-Чёртиштоли, Арсений Х. окончательно определился с выбором жизненного пути и решил стать писателем. Для этого он прочитал бестселлер «Пять шагов – и ты писатель!» и начал последовательно выполнять найденные там рекомендации.

Он выделил в своём расписании часы для творчества, оборудовал удобное рабочее место и украсил стену вдохновляющими цитатами и портретами классиков.

Теперь надо было что-то написать.

Арсений сел за стол. Прямо перед ним висел портрет Юрия Олеши. «Ни дня без строчки» – словно говорил Олеша, не подозревая, что через полвека эти слова станут девизом пользователей соцсетей. Но Арсений понимал, что высокое звание писателя требует чего-то большего, чем пост в Инстаграме. Он сосредоточенно наморщил лоб – и через полчаса первый рассказ был готов.

Следующим шагом должна была стать публикация в уважаемом периодическом издании. Это может оказаться труднее, чем создание текста, заботливо предупреждала книга про пять шагов. Но со стены уже ободряюще смотрел Вениамин Каверин. «Бороться и искать, найти – и не сдаваться!» – прочёл Арсений призыв под портретом, немного поборолся с интернетом, нашёл необходимые контакты и отправил свой рассказ сразу во все литературные журналы.

Вам понадобится много терпения, не скрывала книга. Арсений подумал, что надёжная поддержка здесь не помешает. Он снова поднял глаза – и поддержка немедленно явилась. «Вся человеческая мудрость заключена в двух словах: ждать и надеяться!» Это спешили на помощь граф Монте-Кристо и его создатель Александр Дюма.

Арсений ждал весь следующий день. Потом ещё один. И ещё. Но и через неделю никто не ответил.

Не стесняйтесь напомнить о себе, советовала книга и сообщала, что многие из великих в начале карьеры безуспешно обивали пороги редакций. Арсений посмотрел на портреты великих, отбросил стеснение и разослал по редакциям письма с вопросом о судьбе своего рассказа.

На исходе второй недели, когда от постоянной проверки почты в смартфоне стали залипать сенсорные клавиши, а портрет Дюма стыдливо отводил глаза в сторону собственной рамки, из одного журнала всё-таки пришёл ответ. Он был кратким: «Ваш рассказ очень плох».

Плох! Плох! Это звучало как выстрел. Бездушная рука, отстучавшая четыре роковых слова, оборвала едва начавшуюся писательскую карьеру.

«Что делать?» – восклицал Арсений, не подозревая, что цитирует Чернышевского, которого, впрочем, на стене не было. За Чернышевского ответил Гоголь. Слова ему были не нужны. Арсений проследил за взглядом классика – тот смотрел на камин. «Как? Вот так сразу... – и туда?» Гоголь сурово кивнул.

Ровные строчки покрывали страницу красивым ковриком. Сжечь? Уничтожить своё творение? Но руки, словно под гипнозом, уже схватили рассказ. Арсений шагнул к камину – и остановился.

Камин был электрический. А текст – в ноутбуке.

«Рукописи не горят!» – сказал Михаил Афанасьевич Булгаков и элегантно выпустил колечко папиросного дыма. «Не горят?.. – вскричал Арсений с радостью осуждённого, которому отменили приговор. – Ну конечно! Теперь ничто не горит! Интернет сохраняет всё!» И он поспешно вернулся к столу – бороться и искать возможности где-нибудь опубликоваться.

Булгаков взглянул на Гоголя и криво улыбнулся: «Да, коллега, рукописи теперь не горят». «А жаль», – вздохнул Николай Васильевич.

Елена Албул

СНИМИТЕ ШЛЯПЫ, ОБНАЖИТЕ ГОЛОВЫ

Самый первый шок

Свой самый первый шок
Я испытал, когда ещё ходил на горшок.
В 85-м году в детском саду
На новогоднем утреннике,
Последним рассказывая свой стишок,
Поглядывая на мешок,
В котором лежал мой подарок.
Знай я, что будет так, как будет, –
Мне б он не нужен был даром...
Я, в костюме снеговика,
От зубов наверняка,
С выраженьем чеканю текст,
Чем очень радую старика.
И вот уже его рука
Опускается в мешок,
Но ему внезапно становится нехорошо.
Он, схватившись за сердце,
падает под ёлку,
И всё. Конец шоу.
Дед Мороз помер,
Так и не вручив
мне подарок.
Оставив дебютный
мой номер
Без гонорара.

Олег Груз

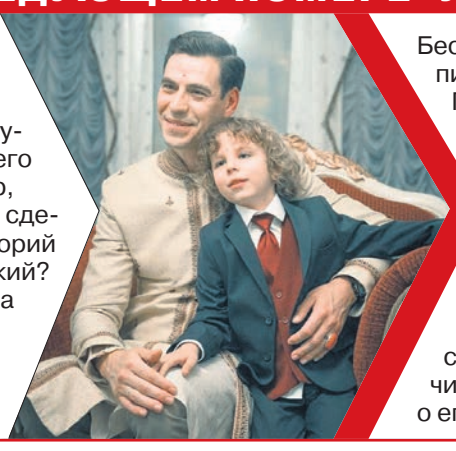
КВАЗИУНОФАНТАЗИЯ

Ашипки и очепятки

Ин**ф**ернет
Постероид
К**л**ушание
Хохмелье
С**в**иноза
Дре**м**аж
Все**т**ленная
Ого**го**нь
По**г**ладистый
Неглиже**сть**
Клюквидация
Хохласие
Грубопытство
Трептилия
Хитнепинг

Георгий Почуев

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»



Когда снимается сериал по мотивам классического произведения, допустимо ли изымать его суть, как, например, в «Мёртвых душах» сделал режиссёр Григорий Константинопольский? У Виктора Матизена и Александра Кондрашова на этот счёт разные мнения.

Беседуем с известным писателем, депутатом Государственной думы Сергеем Шаргуновым об учреждённой в конце 2020 года Ассоциации союзов писателей и издателей России и связанных с ней надеждах, об обновлённой «Юности», о том, как вернуть современной литературе читателя, и, конечно, о его творчестве.

Почему девяностые стали временем экономических неурядиц? Как удалось заставить «Газпром» и РАО «ЕЭС» платить налоги? Кто уволил первого вице-премьера Бориса Немцова из правительства? Сколько стоил депутатский запрос в девяностые? Об этом и о многом другом – в интервью политика Бориса Надеждина.

ДАВАЙТЕ ПОЧИТАЕМ!